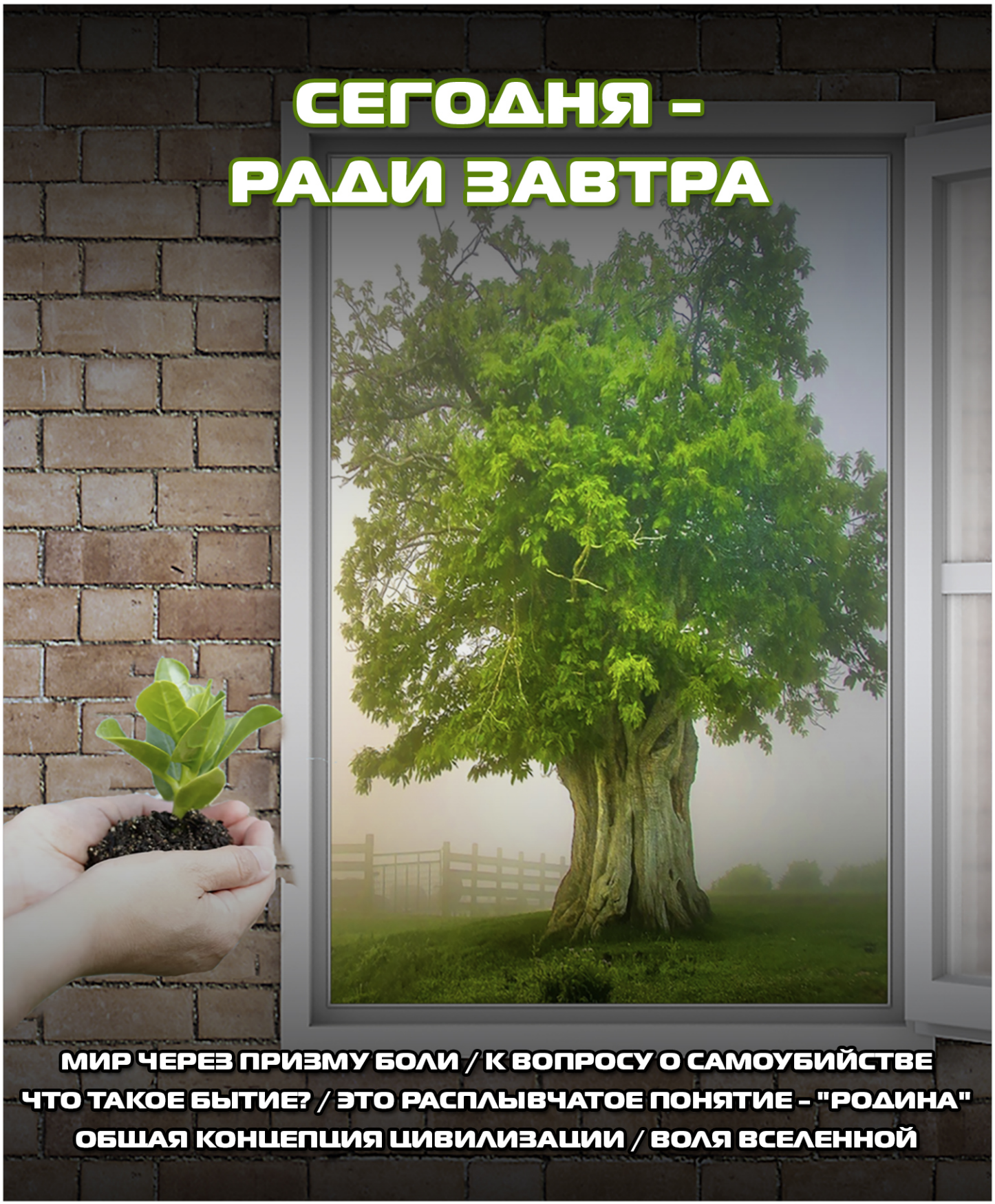
Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО
№28
ИЮЛЬ
2023

Кто желает блага, тот должен желать блага, равного миру

СЕГОДНЯ – РАДИ ЗАВТРА

МИР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БОЛИ / К ВОПРОСУ О САМОУБИЙСТВЕ
ЧТО ТАКОЕ БЫТИЕ? / ЭТО РАСПЛЫВЧАТОЕ ПОНЯТИЕ – "РОДИНА"
ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ / ВОЛЯ ВСЕЛЕННОЙ

Духовно-познавательный журнал
OUR SPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО

№28
ИЮЛЬ
2023

В НОМЕРЕ:

Картина мира
2 Немного о трансцендентности бесконечного
6 Что такое Бытие?

Этика, принцип, философия
12 ...и давай жить другим
16 Выбор кардинала Монтанелли
22 Мир через призму боли

Анатомия Учения
26 Человек из Учения: штрихи к портрету (4, 5, 6, 7)
33 10 хилиад

По Учению
36 Эгоизм по Учению

С точки зрения Учения
43 Чайлдфри: за или против?
48 К вопросу о самоубийстве
54 Сегодня – ради завтра

Человек, общество, мир
59 Это расплывчатое понятие – "родина"
64 А ведь хотели как лучше
70 Рабочие маски политики

В нашем пространстве
76 Общая концепция цивилизации
83 Просвещение, организация, возможности

Актуальный комментарий
89 Горький Эверест
92 20 лет спустя
95 Конец нелепости. Или?..

Достойное кино
98 Холм

Человек и Вселенная
104 Воля Вселенной

По страницам пандэкта
108 Боги и глупцы

Цитаты и высказывания
114 Прежде всего борись за право...
116 Эвбулей, 9
119 Двадцатидневье IX, 28

Вопросы и ответы
121 О смертных грехах
123 О суждениях Учителя
125 О смысле развития

№28
июль 2023

Духовно-познавательный журнал
OUR SPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО

Духовно-познавательный журнал «Our space» («Наше пространство»)

Первое интернет - издание, посвящённое Учению Единого Храма. Тематика журнала охватывает пространство жизни Учения, его взгляды на мир и человека, его отношение к различным явлениям жизни и событиям.

Журнал не является строго периодическим и выходит только в электронном варианте.

Сайт издания расположен по адресу:
http://amra.space/

Материалы публикуются на сайте по мере их написания. Вопросы и предложения можно отправить через форму обратной связи.

© 2023 «OUR SPACE»
Все права защищены.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на «OUR SPACE» обязательна. В случае использования материалов на интернет-ресурсах обязательна гиперссылка на сайт www.amra.space

Немного о трансцендентности бесконечного

Есть такое слово — трансцендентность. Звучит оно настолько умно, что может напугать неискушённого человека. При этом, как обычно и бывает с устрашающе выглядящими словами, оно обозначает не столь уж сложную вещь, а именно — принципиальную недоступность чувственному человеческому опыту. Проще говоря, трансцендентное — это то, чего ты не можешь пощупать, увидеть, вообще как-либо ощутить. То, что выходит за пределы доступного тебе.

Этот термин любят использовать для обозначения чего-то сверхъестественного, божественного и т.д. Человек действует и ощущает в рамках Природы, а сверхъестественное — это то, что выходит за рамки Природы, натуры, что не подчиняется её законам. Оно выходит за пределы естественного, — и потому оказывается трансцендентным. Как характеристика это выглядит довольно логично, и употребление данного термина в таком контексте, в принципе, может быть уместно. Однако это приучает воспринимать его однобоко. Если речь заходит о трансцендентном, то это обязательно сверхъестественное (читай — мистика). Ну а если нет? Если сверхъестественного не существует? Что тогда будет для нас трансцендентным?

Здесь нужно задаться другим вопросом: чем ограничено человеческое восприятие, где его рамки? Нет, оно ограничено вовсе не длиной руки, дальностью зрения и чувствительностью обоняния. Есть ещё различные приборы, позволяющие увидеть и услышать то, что без них недоступно, есть вычисления, позволяющие представить себе и осмыслить то, до чего не дотянутся и самые чувствительные приборы, и т.д. Человек обладает впечатляющим арсеналом средств, позволяющих расширить восприятие, и арсенал этот постоянно пополняется. Так где же, в таком случае, наши пределы? Видимо, это пределы Вселенной, которая, согласно Учению, не бесконечна. При этом она настолько колоссальна, что человечество едва ли сможет когда-нибудь дотянуться до её границ. Хотя как знать... Но в любом случае, теоретически она вся доступна исследованию, доступна чувственному опыту, а значит, не трансцендентна.

Смотрим дальше. Вселенная является частью ещё более гигантской структуры, частью ещё более огромного мира, — и вот он-то нам уже недоступен. Мы ограничены пределами нашей Вселенной, мы — её частицы, и мы не можем выйти за эти пределы. Мы не можем и заглянуть за них, потому что там другие условия, иные законы тамошней Природы, и наши приборы там вряд ли пригодятся. Означает ли это, что трансцендентность для нас начинается за оболочкой нашей Вселенной? Как будто да. Но ведь наша Вселенная не существует отдельно и изолированно от, назовём её так, Сверхвселенной, а является её частью, интегрирована в неё. Таким образом, зная что-то о нашей Вселенной, мы автоматически знаем что-то и о Сверхвселенной. Знакомые нам законы нашей Природы есть частный случай законов тамошней Природы, их модификация, их продолжение в здешних условиях. Субстанции нашей вселенной есть изменённые субстанции Сверхвселенной. И так далее. Получается, что мы как бы не можем соприкоснуться со Сверхвселенной и увидеть её, и в то же время как бы можем. Более того: мы, по сути, ничего кроме неё и не видим, — потому что не только наша Вселенная является её частью, но и мы сами. Капля, находящаяся в толще океана, это тот же океан, взятый в определённой его точке. И если так, то уверенно констатировать трансцендентность Сверхвселенной уже как-то не получается. Скорее уж можно сказать, что мы воспринимаем её в другой форме. И что где-то очень глубоко в нашем подсознании имеется отзвук восприятия её в её натуральной форме, но самого этого отзвука мы не улавливаем, не отдаём себе в нём отчёта, не можем его зафиксировать.

Идём ещё дальше. Так же, как наша Вселенная является частью Сверхвселенной, та, в свою очередь, тоже является частью какой-то структуры, частью уже своей Сверхвселенной. Здесь можно повторить все приведённые выше

соображения, только с поправкой на масштаб и следующий уровень «вложенности». Но и дальше продолжается то же самое. Вселенные, или какие-то иные системы, оказываются частями друг друга, оказываются ограниченными и «вложенными» одна в другую, как матрёшки. Соответственно, то, что касается их трансцендентности, тоже повторяется. С каждым новым шагом дистанция между нами и очередным уровнем увеличивается, и то, что нас с ним связывает, словно бы истончается, истончается... Но связь всё равно остаётся. Иначе нас бы не существовало. Новые уровни становятся всё ближе и ближе к трансцендентности, — но её по-прежнему нельзя уверенно констатировать.

Где же всё это заканчивается? Нигде не заканчивается. В конце перспективы мы имеем Бытие, беспредельное во времени и пространстве.

Что же можно сказать о Бытии в русле нашей темы? Оно трансцендентно? Здесь появляется самое большое искушение ответить утвердительно. Однако давайте не будем торопиться.

С одной стороны, Бытие беспредельно, а человек предел. Предельное, по идее, не может ощутить беспредельность, и уж тем более — ощутить себя ею. Это как попытаться влить океан неограниченного объёма в маленький сосуд. Что произойдёт? Сосуд просто разорвёт. То есть если бы человек хотя бы приблизился к тому, чтобы ощутить себя Бытием, этого не выдержала бы ни его психика, ни его биология. У него просто нет средств для восприятия беспредельности, и он бы мгновенно «перегорел» от неизмеримой перегрузки. Значит, бесконечное есть трансцендентное. Как будто так. Но... С другой стороны, человек же при этом всё равно остаётся частицей Бытия. Субстанции, из которых он состоит, входят в ассортимент субстанций Бытия. Иначе говоря, человек — плоть от его плоти. И четыре основных закона, по которым существует Бытие и которые мы называем Великими Началами, для нас те же, что и для чего бы то ни было в любой точке бесконечности. Они для нас актуальны, мы по ним живём, мы воспринимаем мир, живущий по ним. И если так, то правомерно ли будет утверждать, что Бытие трансцендентно по отношению к нам?

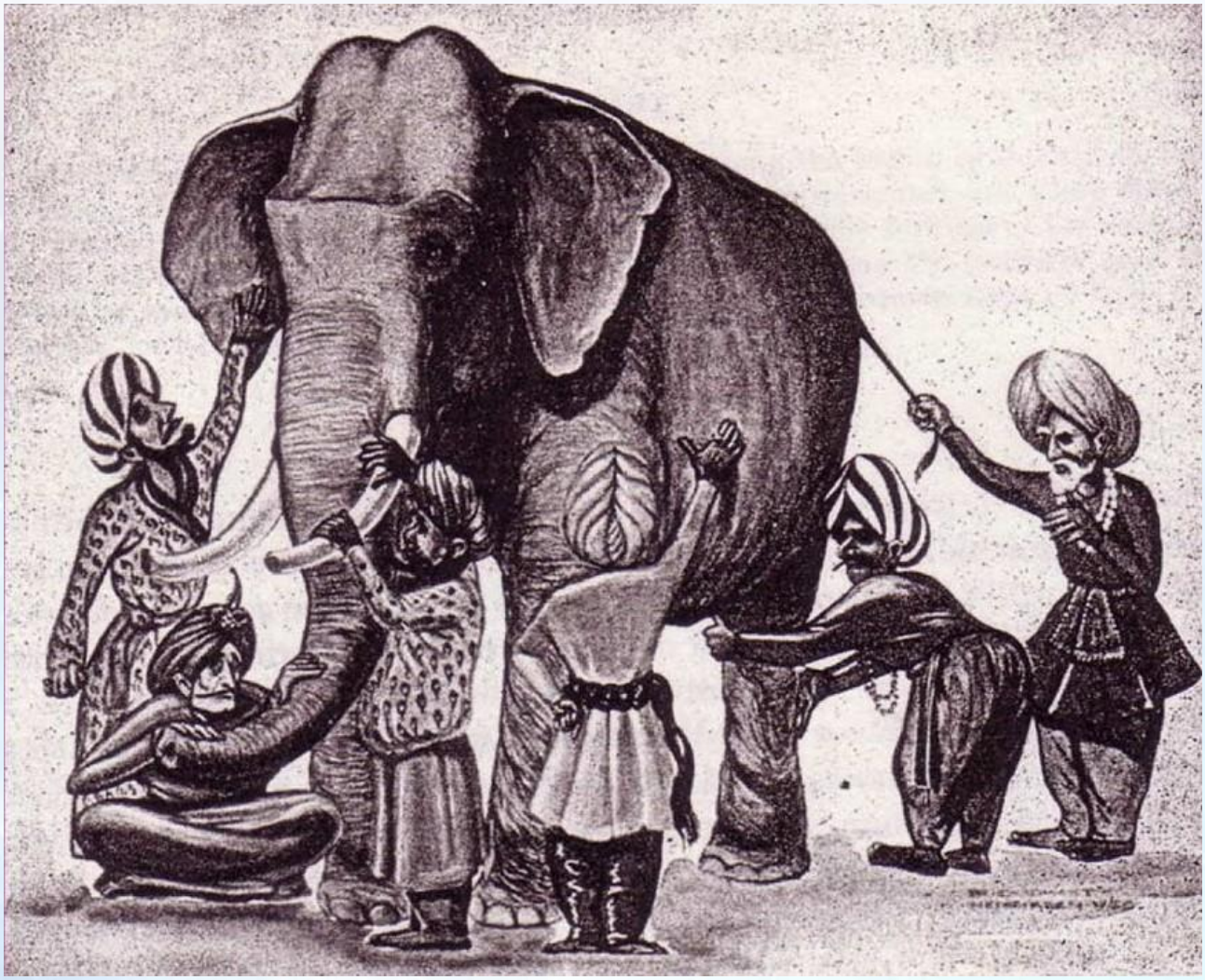
Мы не можем воспринять бесконечность — но при этом мы есть она. В нас должно быть нечто, что воспринимает её, нечто неизмеримо глубинное, подкладка самого нашего существования, единая для всего, что есть в бесконечности, — но мы не воспринимаем самого этого нечто. Иными словами, мы не видим части самих себя. Человек в этом смысле подобен колодцу, который уходит столь глубоко, что дно теряется во мраке, и разглядеть его уже невозможно. Получается, человек в определённом смысле трансцендентен по отношению к самому себе? Возможно. Но, опять же, можно ли назвать это

трансцендентностью?..

В общем, всё непросто. Нужно разбираться, нужно работать над этим, нужно осмысливать. Может быть, всё это легко разложить по полочкам с точки зрения какой-то из известных философских систем, в её контексте, при помощи её понятийного аппарата. Но нас интересуют ответы с точки зрения Учения, в его контексте. И удовольствие нахождения многих ответов, радость многих открытий у нас ещё впереди.

© Атархат, 2023

Что такое Бытие?

Учение много говорит о Бытии. Ну, как много... Относительно. В сравнении с некоторыми другими элементами нашей картины мира, мы не владеем таким уж большим количеством информации о нём. К тому же, сама его идея трудна для восприятия. Это одна из самых сложных для понимания частей Учения. Уже хотя бы потому, что Бытие беспредельно во времени и пространстве. Человеку, привыкшему воспринимать пространства предельные, всегда чем-то ограниченные, очень непросто представить нечто безграничное, — даже при том условии, что все мы являемся частицами этого безграничного нечто и, следовательно, сопричастны его беспредельности и бесконечности. Когда задумываешься над тем, что у Бытия нет начала во времени (в привычном понимании начала) и не будет конца, и что у него нет предела в любом

направлении, голова идёт кругом и возникает ощущение, что ты сейчас потеряешься в этой беспредельности, и сам себя не отыщешь. Поскольку ты — частица Бытия, получается, что ты вот-вот потеряешься в самом себе. От этого не легче, а наоборот, — ибо ситуация приобретает дополнительную парадоксальность.

Но как-то представить себе Бытие, хотя бы приблизительно, как-то понять его хочется. Да не только хочется, но и необходимо. Поэтому начинаешь искать способы понимания. Один из них, часто весьма эффективный, — понимание через аналогию. На что похоже то, что ты хочешь понять? Если удаётся провести удачную параллель, дело сразу упрощается.

Можно пойти этим путём и в случае с Бытием. На что оно похоже? А можно пойти и ещё дальше, и задаться вопросом о том, чему оно может быть тождественно. Возможно, мы уже знаем его под другим названием? Возможно, и его свойства уже где-то описаны, и его восприятие обозначено?

Если взгляд на эту проблему бросит человек, привыкший мыслить религиозными категориями, то он может отметить сходство наших представлений о Бытии с представлениями о Боге. Абсолютном Боге монотеистических религий. В первом приближении — и правда, похоже. Может быть, Учение говорит о Боге, но при этом называет его по-другому? В наше время, кстати, очень модной является точка зрения, гласящая, что все религии и духовные учения говорят об одном и том же, описывают одно и то же, только разными словами. Что ж, значит, имеет смысл остановиться на этом варианте подробнее.

Впрочем, здесь мы не будем углубляться в теологию и религиозную философию. Просто посмотрим, совпадают ли некоторые самые известные качества Бога и качества Бытия. Прежде всего, Бог вечен, его существование бесконечно. Бог был всегда и будет всегда, он предвечен и предсущ чему бы то ни было. То же самое можно сказать о Бытии. Затем, Бог создатель всего. Ничто не может быть создано помимо Бога, всё творится им. Тоже совпадает. Всё, что существует в Бытии, создано Бытием, помимо него ничего нет и не может быть. Затем, Бог всеведущ. Он знает прошлое, настоящее и будущее, поскольку всё это — он сам и то, что он творит. Вот тут мы видим первое несовпадение. Можно сказать, что Бытие всеведуще, потому что всё происходящее происходит в нём. Однако оно не осознаёт себя целиком, хотя само и разумно, — так как его разум проявляется в осознающих. Они познают и осознают его по частям, а в целом оно себя скорее ощущает, нежели осознаёт. И это ощущение касается прошлого и настоящего, но не будущего, которое не предопределено во всех деталях. Его формируют те же осознающие, обладающие свободой воли. Можно сказать так: все они являются частицами Бытия, но и оно не знает, что любой из них учудит в следующий момент. Идём дальше. Бог исполнен любви. Бытие тоже. Всё, что в нём существует, является не просто его творениями, но его частицами, и оно их любит, — хотя, опять же, в целом неосознанно. Любит и даёт им жизнь. Затем, Бог всеблаг. Ну, здесь смотря что подразумевается под «всеблагостью». Если то, что даже зло, допускаемое Богом, в итоге всё равно идёт во благо, тогда да. Ведь даже присутствующая в Бытии тенденция небытия, этот мощнейший импульс разрушения, предназначен для того, чтобы двигать вперёд эволюцию, и тем самым поддерживать жизнь Бытия и всего, что в нём есть. Затем, Бог справедлив. Если трактовать справедливость как систему строгих причинно-следственных связей, как порядок, когда в Бытии всё на своих местах, законы не знают сбоев, и определённые события или действия в определённых условиях всегда имеют определённые следствия, тогда да, это тоже совпадает. Затем, Бог совершенен. Вот и очередное несовпадение. Бытие несовершенно, оно эволюционирует, непрерывно развивается, движется вперёд. Это движение — его жизнь, и потому его эволюция никогда не закончится. Затем, Бог всемогущ. Он может когда угодно создать или обратить в небытие всё, что угодно. Тоже несовпадение. Как и было сказано, Бытие эволюционирует. Всё, что в нём появляется и исчезает, появляется и исчезает благодаря ходу эволюции, в соответствии с условиями, возможностями, векторами развития в разных его структурах и т.д. Всё происходит согласно действующим в Бытии естественным законам и причинно-следственным связям, а не в результате ничем не ограниченных в возможностях

сверхъестественных актов.

В принципе, достаточно. Думаю, уже понятно, что хотя представления об абсолютном Боге и наши представления о Бытии в ряде моментов схожи, это не одно и то же. И попытка списать расхождения на разные средства описания одного и того же была бы откровенной спекуляцией и подтасовкой понятий.

Хорошо. Если Бытие — не Бог, то что тогда? Может быть, стихия? Есть искушение так и подумать. Однако стихия — это, как ни крути, нечто, занимающее отведённое ему место в системе, её часть, но не она сама. И потом, стихия, что бы ни понималось под этим словом, не обладает разумом; она действует в рамках программы, и не отдаёт себе отчёта в своих действиях. Бытие же разумно, оно осознаёт происходящее, — пусть и через свои частицы, через осознающих. Они познают себя и мир, дают оценку происходящему и способны на свободные творческие действия. Так что хотя Бытие и видится стихией, так сказать, издалека, — надеюсь, понятно, что я имею в виду, — при более близком рассмотрении становится очевидно, что это не так.

Какие ещё варианты остаются, если не брать в расчёт всякую мистику, каковую мы решительно отвергаем?

Может быть, Бытие — это существо? Просто живое существо беспредельных габаритов. Хороший вариант. Простой и, вроде бы, понятный. Вопрос лишь в том, что такое «существо». Как его определить, — особенно учитывая, что такое определение в интересующем нас случае не может быть втиснуто в рамки

человеческого восприятия? А ведь даже внутри этих рамок всё сложно. Вот человек — существо. Лошадь — существо, птица, рыба, муравей, инфузория. А вирус? А растение? Оно, вроде как, признаётся живым, — но оно существо или нет? А камень? А часть человеческого организма, — такая, например, как зуб? Ещё вопрос: может ли в существе присутствовать то, что существом не является? Если да, тогда существо оказывается таковым не в полной мере. А можно ли считать существом то, что является им лишь частично? Если же не может, тогда либо человек — не существо, либо зуб — существо. И если верно последнее, тогда и камень — существо, и река, и атмосфера, и наша планета. И вся Вселенная. Кстати, по Учению — так и есть. Оно признаёт живым абсолютно всё, а Вселенную рассматривает как организм Творца, живого и разумного существа гигантских масштабов, — хотя и не беспредельных.

Тут я просто немного обрисовал, насколько всё сложно с определением, что есть существо, а что не есть. Однако подход Учения несколько упрощает дело. С его точки зрения Бытие в самом деле ближе всего к тому, что мы назвали бы существом. Ближе — но соответствует ли полностью? Оно живое и разумное. Однако существо, как и стихия, всегда является частью системы, оно всегда ограничено ею. Даже наша Вселенная, сиречь Творец. Даже ещё более грандиозная Вселенная, в которой он обитает. Существование всего этого, как и любого существа, обусловлено законами системы, в которой оно обитает и частью которой является. А может ли существо быть беспредельным, может ли оно при этом само быть и системой, и законами, по которым оно же существует?

Вот здесь сложно что-то утверждать. Получается, что Бытие либо не совсем существо, либо само понятие «существо», даже в подходе Учения, нужно ещё расширить. Расширить настолько, что это даже трудно представить и сформулировать. Знаем ли мы о Бытии достаточно для того, чтобы уверенно обозначить направления этого расширения и описать элементы, которые оно должно охватывать? Проще говоря, знаем ли мы и можем ли описать всё то, что делает Бытие существом новой категории? Кое-что важное знаем. А сколько не знаем?.. Ведь нельзя же сказать: «То, чего мы не знаем, делает Бытие существом иного порядка». Вернее, сказать-то можно, — но смысла в этом будет мало. Зато будет ощущаться уклон в ту самую мистику, которая для Учения неприемлема.

Что же получается в итоге? Получается, наши знания о Бытии на данный момент недостаточны для того, чтобы дать чёткое и однозначное определение ему как явлению. А может быть, такого определения и нет среди тех, которые были сформулированы человечеством в том или ином виде. Может быть, всё же не нужно пытаться втиснуть Бытие в уже обозначенные когда-то понятийные рамки, не стоит проводить аналогий с чем-то давно известным и привычным. Бытие недаром так удивительно и сложно для восприятия. Оно может пониматься как принципиально новая для нас категория существующего, для которой нужны новые определения и термины, вообще новый подход и новый понятийный аппарат. Сходство же его с чем-то уже известным можно объяснить тем, что это известное входит в него как элемент. И тогда главное — не повторить историю из известной притчи, где слепцы исследовали слона на ощупь. Тот, кто щупал бок, сказал, что слон похож на стену, для ощупавшего ногу он оказался похожим на колонну, а для того, кому достался хвост, — на верёвку. А что такое слон, они так и не поняли.

Скажем так: Бытие это Бытие. Чтобы понять, что оно такое, будем его изучать. Возможно, удовлетворительный ответ удастся дать только тогда, когда наука и искусство мышления достигнут новых уровней. А что до тех пор? А до тех пор Бытие никуда не денется. Оно существует, и мы живём в нём.

Продолжаем жить и познавать. И наслаждаться этим.

© Атархат, 2023

...и давай жить другим

Наверное, каждый знаком со знаменитым принципом, гласящим: «Живи сам и давай жить другим». Он в самом деле знаменит, так как является двоюродным братом другого хрестоматийного принципа: «Не судите, и не судимы будете».

О последнем у нас уже был разговор. Независимо от того, что имел в виду автор этой бессмертной сентенции, народу нравится понимать её как способ заткнуть рот любым критикам и выставить в дурном свете их, а не тех, кто совершил что-то плохое. Если же пойти дальше, то это превращается в выгодное предложение: ты закрывай глаза на мои пороки и проступки, а я, в свою очередь, закрою глаза на твои. Такой вот приятный консенсус.

«Живи сам и давай жить другим» воспринимается практически так же, — только более откровенно. Потому что под «жить» в данном контексте понимается, как правило, «жить в своё удовольствие». Удовольствия же весьма часто, а для некоторых и по преимуществу, плохо сочетаются, как минимум, с моралью и приличиями, и как максимум, с законом. Поэтому рассматриваемый принцип, он же лозунг, обычно означает «Делай что хочешь, и не мешай другим делать, что они хотят». Тоже предложение приятного консенсуса, как и в случае с «Не судите...», — только увиденное под несколько иным углом.

Этот принцип в самом деле очень любят, потому что он позволяет разом убить даже более чем двух зайцев. Во-первых, ты выговариваешь себе право ни в чём себе не отказывать, — даже в вещах морально сомнительных. Прежде всего в них, — ведь для права совершить что-то хорошее подобная индульгенция не требуется. Во-вторых, уже не нужно замечать чужие некрасивые поступки, как-то реагировать на них и т.д. Можно спокойно закрывать на всё глаза и не париться. Очень удобно. В-третьих, это можно подать как ратование за свободу личности, — что по нашим временам является практически беспроигрышным вариантом. Под соусом борьбы за свободу можно преподнести обществу почти любую гадость, оправдать почти любую дикость или глупость. На этом можно даже сделать себе имя. В отдельных случаях, если аудитория не слишком далека и непритязательна, можно сойти и за философа. Словом, куда ни кинь — одни плюсы. Как же можно не любить такой вкусный принцип?

Он просто не может быть невостребован в обществе процветающего эгоизма, самовлюблённости, потребительства и распущенности. А не демонстративный, но явственно просвечивающий в нём цинизм придаёт ему особую пикантность.

Возможно, после всего сказанного это прозвучит неожиданно, — но и Учение его не отвергает. Только у нас он наполняется иным смыслом.

Что до первой его части, «Живи сам...», то здесь возразить нечего. Можно разве что уточнить: под «живи» мы тут понимаем не жизнь в своё удовольствие, а именно жизнь как таковую. Хотя жизнь в радости, и с нормальными, непредосудительными удовольствиями, — это хорошо и замечательно, кто бы стал спорить? А вот вторая часть, «...и давай жить другим», заслуживает более подробного рассмотрения.

Как и было сказано, речь идёт о жизни. Просто о жизни. Однако эта «просто жизнь» — важнейшая и ценнейшая штука. Ею наделено всё существующее, — но она не берётся из ниоткуда, не воспроизводится сама собой. Жизнь продуцируется (если можно так выразиться) благодаря ходу эволюции. Всё существующее живёт, развивается, и через это развитие поддерживает дальнейшую жизнь. Совершенствование, переход ко всё более высокоразвитым формам даёт ей новые импульсы. Это общая закономерность; она действует и в нашей Вселенной, и в беспредельном Бытии. Эволюция идёт благодаря жизни, а

жизнь продолжается благодаря эволюции. И одним из важнейших факторов, позволяющих всеобщему развитию осуществляться, являются осознающие, — то есть разумные, мыслящие существа. Эволюция направлена на то, чтобы они могли появиться; когда это происходит, они привносят в неё элемент творчески действующего активного разума, и тем самым придают ей качественно новый импульс. Так они непосредственно участвуют в продуцировании жизни. И роль их является важнейшей. Например, если осознающие нашей Вселенной будут плохо выполнять свою эволюционную функцию, тогда Творец, который и есть Вселенная и который совершенствуется через осознающих, в итоге погибнет. Если же они всё сделают как надо, Творец в итоге выйдет на новый уровень своего развития, и его жизнь продолжится. Его и всего, что содержится в нём, всех его частиц.

Таким образом от того, что делают осознающие, зависит дальнейшая судьба Вселенной. И даже немного больше, — поскольку от того, что произойдёт с Творцом, зависит что-то в том мире, частью которого он является. Хотя это уже другой масштаб; нас же прямо сейчас интересует то, что происходит внутри Вселенной. Интересует в той части, в какой непосредственно касается нас, людей.

Предназначение человека — познавать, совершенствоваться, становиться лучше самому и делать лучше мир вокруг себя. Поступая так, он совершенствует содержащуюся в нём частицу Духа, частицу души самой Вселенной-Творца, и тем самым содействует эволюции этой души. Он помогает Творцу развиваться, поддерживает его жизнь, — как в текущем моменте, так и на будущее. А поддерживая жизнь Творца, он поддерживает и жизнь всех его частиц. Например, других людей. Даёт им возможность жить. В том числе на очень далёкую перспективу.

Когда понимаешь это, тогда слова «Живи сам и давай жить другим» предстают в новом свете. Оказывается, что «давать жить другим» вовсе не означает молчаливо поощрять их сомнительные или даже откровенно аморальные желания и поступки. И уж конечно это не означает самому быть таким. Как раз наоборот. Это означает познавать мир, развиваться умственно и нравственно, уметь в трудных ситуациях делать правильный моральный выбор, улучшать мир, заботиться о людях. То есть жить достойно. Жить как человек. И подавать пример такой жизни другим. Именно это умножает жизнь во Вселенной.

Человек — один из источников жизни. Очень важно это осознать. Ты не просто живёшь жизнью, которую дарит тебе Природа, не просто потребляешь её. Ты её создаёшь. Создаёшь и даришь другим. Ты сам — источник жизни. Человек предназначен для того, чтобы быть таким; он для этого создан эволюцией. И чтобы быть таким, нужно просто жить по-человечески. Так, чтобы не было стыдно за себя, чтобы не приходилось идти на сделки со своей совестью и чужими пороками, чтобы не приходилось давать друг другу в долг бесстыдство. Просто быть человеком. Это означает быть родником, из которого можно черпать жизнь. Это означает давать жить другим. Наполнять мир жизнью.

Может быть, кто-то поморщится и назовёт мои слова высокопарным морализаторством. Однако это не изменит одного простого факта: он живёт — а значит, пользуется плодами того, к чему относится с пренебрежением. Плодами трудов тех, на кого он смотрит с пренебрежительной улыбкой человека, точно знающего, с какой стороны у бутерброда масло. Ведь законы жизни нельзя отменить, сколько ты их ни отрицай. Ты можешь не признавать существования источников жизни, но ты всё равно будешь пить из них. И на здоровье.

А где-то и ты выступишь в роли такого источника, — может быть, сам того не заметив. Потому что нельзя прожить жизнь, не совершив правильных поступков, не принеся в мир хоть сколько-нибудь добра. Человек — всегда человек. В хорошем смысле этого слова.

© Атархат, 2023

Выбор кардинала Монтанелли

Кто смотрел советский художественный фильм «Овод» 1980 года, тот должен помнить центральную — по крайней мере, мне она видится таковой — сцену третьей серии, в которой главный герой открывается своему отцу. Её просто нельзя не запомнить, потому что это, безусловно, пик трагизма всей истории, наравне со сценой расстрела.

Кардинал Монтанелли приходит навестить больного и измученного заключённого, бунтовщика, судьбу которого он должен решить, дав или не дав своё согласие на его расстрел. Он не хочет разрешать убийства. И тут ещё выясняется, что осуждённый — его сын, потерянный много лет назад. Все эти годы отец винил себя в его смерти и мучился, как в аду. И вот они встретились. Кардинал плачет от радости, он предлагает сыну побег, чтобы вызволить его. Но тот, будучи когда-то набожным юношей, теперь, спустя много лет страданий, увечий, болезни, и винящий в этом отца, — который в самом деле не без вины, — разуверился и

возненавидел религию. Он требует, чтобы отец отрёкся от сана и веры и бежал вместе с ним. Только тогда он поверит, что тот действительно любит его и раскаивается в том, что совершил когда-то. Кардинал не представляет, как можно отречься от Бога, который только что вернул ему сына. Он готов на всё, — снестись с бунтовщиками, приложить руку к побегу, даже совершить самоубийство, — но только не на это. Однако сын ставит ультиматум: или я, или твой Бог. Кто тебе дороже? Либо отрекись от него, либо дай согласие на мою казнь.

Описывать эту сцену бесполезно: её надо видеть. Если о чём-то и можно сказать, что оно душераздирающе, то именно о ней. Кратко говоря, в итоге Монтанелли не находит в себе сил отречься. Выбор сделан. Артура расстреливают. Сам же кардинал, увидев сына, лежащего у расстрельной стены, повреждается в уме и тоже умирает.

В пересказе это не производит впечатления. Однако я не затем и пересказываю. Я хочу сказать несколько слов о моральной трагедии, разыгрывающейся на экране. Потому что хотя сюжет и вымышлен, трагедия-то настоящая.

Оба, отец и сын, чудовищно страдают. Один много лет терзался виной, другой же, несмотря на то, что отец во многом стал виновником его собственных мучений, всё же продолжает любить его. Он хочет убедиться, что отец тоже его любит и раскаивается, — и потому ставит кардинала перед поистине страшным выбором. Если вновь обретённый сын для него в самом деле дороже всего, то пусть он это докажет. Ведь Бог — это деревянный кумир, а сын, живой, искалеченный жизнью, истерзанный болезнью и тюрьмой, стоящий на пороге смерти, вот он, прямо перед ним. И если Бог есть, то не он ли допустил все эти муки? Так в чью пользу будет сделан выбор? Кардинал же видит всё иначе. В его понимании именно Бог сохранил Артура и возвратил его отцу. Тот все эти годы искренне верил, молился за сына и во искупление своего греха. Сокрушённый сердцем, он вёл жизнь столь праведную, столько делал для людей, что прослыл святым. И вот — счастье. Сын жив, и его можно спасти от казни. Кому нужно быть благодарным за это, если не Богу? И как можно отречься от него, да ещё в такой момент?

Да, требуя подобного, Артур жесток. Это от боли. Люди были жестоки к нему, сама жизнь была жестока к нему, — и теперь он жаждет получить своё утешение. Если он вернулся к отцу, то пусть теперь и отец вернётся к нему, оставив веру и Церковь, которые когда-то послужили отправной точкой всех бед и разлучили их. И как можно любить Бога, который сделал с твоим сыном вот такое? Кого вы

больше любите, падре, его или меня? Это жестокость дикой боли и отчаяния, последняя попытка оправдать и отца, и свою любовь к нему, которую Артур сам себе не может простить.

Он пошёл ва-банк, поставив свою жизнь против веры отца. И проиграл. Почему? Потому что не мог выиграть. Он потребовал от отца цену, которую тот не мог уплатить. Даже за жизнь сына.

Был ли жесток кардинал Монтанелли, делая свой выбор? И да, и нет. Потому что он просто не мог сделать иного выбора. Для него на самом деле не существовало альтернативы. Он мог отказаться от своей жизни, — что и предложил сыну. Он, священник, готов был пойти на смертный грех самоубийства и погубить свою душу, — потому что вновь обретённый сын для него дороже спасения души. Но это-то как раз возможный выбор. А как можно отречься от Бога? Ведь он верит, и в произошедшем видит именно перст Божий. Бог для него — реальность, и теперь стал ещё реальнее. Как отказаться от реальности? Как объявить несуществующим солнце, которое сияет над твоей головой? Это не то что хочется или не хочется, и он не то что готов или не готов к такому решению, а даже саму такую возможность он не может рассматривать в принципе. То есть выбор как бы есть, но в действительности его нет. Потому что подлинно верующий человек не выбирает, верить ему или не верить. Он просто верит. И это больше, чем жизнь. От жизни можно отказаться, а от веры нет, — если она настоящая.

Понимал ли это Артур, когда ставил своё условие? Может быть. И тогда это было осознанное стремление всё закончить, умереть, избавившись наконец от мук. Но скорее всего, не понимал. Он сам утратил веру, и пытался, как мог, спасти отца от наваждения поклонения «деревянному кумиру». Это была ошибка, за которую поплатились жизнью оба.

Сам я неверующий. Однако понимаю, что такое вера, и могу дать совет: никогда не ставьте верующего перед таким выбором, никогда не требуйте, чтобы он отказался от веры. Он не сможет, даже если очень захочет. Потому что это не вопрос желания, и даже не вопрос воли. Если вера есть, нельзя выбрать опцию «Не верить» и поставить напротив неё галочку. Это как с любовью. Разлюбить можно, как и разувериться, — но не сию минуту, по собственному желанию. Или как со знанием. Если оно есть, то оно есть, — и точка. Если ты знаешь, что дважды два — четыре, то отменить этого нельзя. Даже заявив во всеуслышание, что это не так, ты всё равно будешь знать, что это так. Ты просто солжёшь, и всё. Так и с верой: в крайнем случае, человека можно вынудить солгать ради, например, спасения жизни, своей или чужой. Но не отречься по-настоящему.

Скольких людей на протяжении истории принуждали отрекаться от их веры?..

Таких не счесть. Иногда подобным образом «обращали» целые народы. Впоследствии выяснялось, что многие продолжали тайно следовать прежней религии, совершать её обряды и т.д. Их изобличали, наказывали, даже истребляли. Или всё это продолжалось подспудно, веками, постепенно превращаясь в так называемую «народную религию», вырождаясь в суеверия. А сколькие отреклись под пытками или под угрозой казни? Кто-то и впрямь принял новую веру, — но это означало, что у него и прежней-то веры, по большому счёту, не было. Он не очень-то верил до этого, и продолжил не очень-то верить дальше. Многие из страха шли на ложь, а в душе продолжали верить по-своему. Иные предпочитали смерть. Ясно одно: у кого вера была, у того она и осталась. Её не выжжешь даже калёным железом.

Поэтому не надо и пытаться. Бесполезно. Можно постараться переубедить, что-то опровергнуть, что-то доказать, — и то если человек согласен вас выслушать. Требовать же, или, тем более, заставлять, нельзя. В лучшем случае, — хотя он далеко не лучший, — человек солжёт вам, а потом будет мучиться от этого. Или вашим отношениям придёт конец. В худшем случае с ним произойдёт то же, что с кардиналом Монтанелли, который помешался. Такая страшная моральная дилемма в самом деле может свести с ума. Ловушка, из которой нет выхода. Загонять в неё того, кому хочешь помочь, доводить его до психического срыва, — не самое удачное решение. Жестокое, бесполезное, и просто неумное. Если Артура в большой степени извиняет его собственное состояние, —

измученность душевная и физическая, лихорадка, крайнее психологическое напряжение, нахождение на краю гибели, аффект, — то многие ли потом смогут привести такие доводы в свою защиту?

Пусть то, во что человек верит, со стороны кажется странным, нелепым, смешным; пусть точно известно, что его мировоззрение не истинно. Требовать от него отречения всё равно нельзя. Это неуважительно, бессмысленно и жестоко. Да, он погрязает в заблуждениях. Но вот так его от них не спасёшь. Если не представляется возможным сделать это другим способом, значит, это и не удастся. Возможно, что-то изменится в будущем. Возможно, он сделает другой выбор. А сейчас его выбор таков, и это надо принять. Как с ним строить отношения дальше, и строить ли вообще, — уже другой вопрос.

Не ставьте никого перед выбором кардинала Монтанелли. Потому что только с виду это выбор, а на самом деле — приговор. Это может касаться не только религиозной веры, но любых убеждений вообще, — относящихся к политике, морали, науке. Мало ли людей погибло за свои убеждения? Убеждения сами — как приговор, если они искренни. И не надо называть это фанатизмом. Быть приверженным своим убеждениям, своей вере, быть приверженным до конца, —

нормально. Это по-человечески. Нельзя превращать этот приговор в приговор к безумию или смерти. Возможно, не для него одного.

Вот, пожалуй, и всё. Дальше я рискую уйти в самоповторы, а потому самое время закончить. Что хотел сказать, то сказал. Может быть, когда-нибудь ещё вернёмся к данной теме.

© Атархат, 2023

Мир через призму боли

Милые дамы, добрые господа! Ступайте домой и подумайте. Что было правдой вначале, правдой и осталось. Боль заставляет человека думать. Мысль делает человека мудрым. А мудрость делает жизнь сносной.

х/ф «Чайная церемония»

Тот факт, что люди страдают, открыл вовсе не Будда. Он очевиден для каждого, кто хотя бы раз обращал внимание на кого-то, кроме самого себя. Причём страдают все. Кто-то больше, кто-то меньше, — но все, без исключения. Страдание сопутствует человеку с того момента, как он появился на лице нашей планеты. Наряду со страхом, любопытством, злостью, любовью оно — одна из древнейших реалий человеческой жизни. Самые наивные думают, что от него избавлены счастливчики, богачи, властители, — но на то они и наивные. На самом деле от страдания не свободен никто. Каждого грызёт своя боль.

Можно ли сказать, что наш мир — это мир страданий? Да, можно. Нормально ли это? Нормально ли жить и мучиться? Я скажу так: это естественно. Страдания происходят от несовершенств, — твоих собственных, окружающих людей, мира.

Это как сидеть на посредственно сделанном, неудобном стуле. Всё время что-то будет затекать и болеть. А поскольку совершенства не бывает, то и страдания не прекращаются. Они могут стать меньше, существенно меньше, — но они продолжаются. Они связаны с трудностями и проблемами, а те стимулируют развитие человека. Поэтому пока мы страдаем, мы развиваемся, и наоборот. Когда же развитие подходит к победному финалу, мы перестаём перерождаться и уходим в мир Духа. Так и не удаётся никому пожить без страданий. Они сопровождают жизнь. Но в этом и штука: они не угнетают её, а знаменуют её собой. Не страдают лишь трупы. Чувствуете разницу между тем, что мешает жизни, и тем, что является свойством жизни? Принимать второе за первое — тягостная иллюзия, которая уже сама по себе умножает страдания.

Но о сущности страдания мы как-нибудь ещё поговорим подробно. Сейчас же я хочу коснуться только одного из его аспектов.

Все знают выражение «Носить розовые очки». Это значит, что кто-то слишком наивен и оптимистичен, и думает о жизни лучше, чем она есть. Право, не знаю, много ли таких людей... Сдаётся мне, что не очень. Трудно оставаться подобным романтиком, глядя вокруг. Но зато я точно знаю, сколько людей носит затемнённые очки. Знаете, сколько? Все до единого. И вы. И я. Наши затемнённые очки — это наше страдание. Как уже было сказано выше, никто от него не свободен. Каждый обладает парой очков, через которые мир видится в мрачном свете.

Почему так? Потому что каждый человек ранен. У каждого имеются раны на душе. Их много или не очень, они глубоки или больше похожи на царапины, они свежи и ещё кровоточат или уже поджили, — но они обязательно есть. Душа — самая чувствительная и незащищённая наша часть, и потому ей всегда достаётся. Поэтому каждому больно. И боль эта сопровождает человека всегда и везде. Есть люди, очень любящие ту или иную специю и кладущие её во всё, что бы они ни готовили. От этого у приготовленной ими еды всегда один и тот же привкус. Душевная боль, которая составляет львиную долю человеческих страданий, — как такая вот специя, в обязательном порядке каждый день добавляемая в блюдо жизни и придающая ему своеобразный вкус. Её ещё можно сравнить с проникающим повсюду навязчивым запахом, или с непрерывно звучащей фоновой музыкой, примешивающейся ко всем другим звукам. В итоге оказывается, что ты не можешь ощутить настоящего вкуса блюда, которое ешь, не можешь насладиться насыщенным ароматом или чистым звуком. К ним всегда что-то примешано, и оно накладывает на них свой отпечаток, искажает их. Не всегда сильно, но стабильно.

Об этом можно и не догадываться. Обычно именно так и происходит. Все понимают о самих себе, что они страдают, но мало кто идёт дальше и отдаёт себе отчёт в том, что это накладывает отпечаток на его мировосприятие. Что он смотрит на мир через призму боли.

Для кого-то это имеет более или менее определённый фокус, — как правило, из-за психологической травмы или чего-то подобного. Думаю, каждый встречал человека, который считает, что все вокруг мошенники и никому нельзя доверять, или что настоящей дружбы не существует, или что все мужчины — кобели, у которых только одно на уме, или что все женщины — потаскухи, у которых только одно на уме, или ещё что-нибудь в таком роде. Как будто очки, через которые такой человек смотрит на мир, забрызганы грязью, и потому какие-то участки мира всегда выглядят тёмными. А кто-то, так сказать, по совокупности причин, вообще считает мир отвратительным местом, непригодным для жизни. Он размазал пятна по своим очкам ровным слоем, и ему всё без исключения видится в грязно-бурых тонах. Так или иначе, нет тех, кто смотрит через совершенно чистое стекло. Может быть, у кого-то не имеется столь уж болезненных травм, и его очки даже не выглядят грязными, — но всё равно от чего-то ему больно, и хоть какое-то замутнение на стёклах есть.

Это означает одну печальную вещь, — а именно то, что даже у самого чёткого и ясного восприятия мира имеется погрешность. Идёт искажение. Здесь имеет место не объективный фактор, а субъективный. Призма твоей личной боли, через которую ты смотришь на всё, что тебя окружает, даёт то самое искажение. Пусть минимальное, пусть вовсе незаметное, но даёт. Кто-то вообще видит мир чёрным, а кто-то даже не замечает лёгкой дымки, — важна даже не эта разница, а то, что оба они не видят мир таким, каков он есть. Это общая беда. Никто не знает, как выглядит мир на самом деле. Даже в той его области, которая обозрима. Мы видим не мир как таковой, а мир плюс свою боль.

Возникает естественный вопрос: что тут можно сделать? Возможно ли вообще как-то исправить такое положение, чем-то компенсировав искажение, или ещё как-нибудь? Трудно сказать. Может быть, если знать об этой проблеме, если сознательно делать поправку на искажение, то его можно хотя бы уменьшить? Хорошо, если так. Однако человеку быть объективным по отношению к самому себе не легче, а то и труднее, чем по отношению к другим людям и миру. Именно своя проблема часто бывает видна хуже прочих. И даже если понимаешь её, как делать поправку? Словом, тут всё более чем непросто. Раненому человеку, живущему среди таких же раненых людей и глядящему не только вокруг себя, но и на самого себя через дымку боли, трудно справиться с такой задачей. Так что не

стану однозначно утверждать что-то на сей счёт.

Ясно одно: понимание проблемы может пойти на пользу. Если не удастся сделать какую-никакую поправку в своём восприятии, то хотя бы станет легче от мысли, что на самом деле не всё так плохо, как кажется.

В этом состоит хорошая новость. Мир в действительности лучше, чем мы о нём думаем. И если кому-то он не кажется мрачным и неуютным, а видится вполне даже светлым и прекрасным, то на самом деле он ещё лучше. И люди лучше, чем ты о них думаешь, — и даже лучше, чем они сами о себе думают. И ты лучше, чем тот, кого ты видишь в зеркале. Ну это ли не повод для радости? Может, мы и не видим реальности во всём её великолепии. Но шансы приблизиться к этому есть. А ещё ты теперь знаешь, что вокруг не так холодно, как ты думал. Может быть, когда ты перестанешь грезить холодом, тебе станет теплее?

Наступит ли такое время, когда человеческие души не будут столь изранены, и боль не будет так застить взгляд? Возможно. Но мы же помним, что страдание является свойством жизни, верно? Поэтому окончательно оно уйдёт только вместе с последним человеком. И нельзя сказать, что это плохо. Это естественно. А значит, нечего расстраиваться по данному поводу. Кто меньше расстраивается из-за того, из-за чего расстраиваться не следует, тот меньше страдает. Вот вам по крайней мере один верный способ уменьшить свою боль.

© Атархат, 2023

Человек из Учения: штрихи к портрету (4, 5, 6, 7)

4. Человек без кожи

Люди, как правило, стремятся страдать поменьше, поменьше чувствовать боль. В том числе — боль душевную. И некоторые духовные учения предлагают способы избежать таких страданий. Точнее говоря, избавиться от них через избавление от страстей, которые являются источниками переживаний и душевных мук. Соответственно, в таких учениях идеал человека — аскет и мудрец, достигший осознания суетности мира и избавившийся от страстей и желаний. Он всегда спокоен, невозмутим, его уже ничто не волнует, — ни собственные страдания, ибо их больше нет, ни чужие, ибо для него они неактуальны, а те, кто их испытывает, виноваты в них сами. Такой абсолютный внутренний покой, когда уже ничего не хочется и ничто не мучает, понимается как счастье, как своего рода достижение рая ещё при жизни.

Интересно, что в тех же самых учениях обычно очень ценится умение

сострадать людям. Это позиционируется как одна из главных добродетелей, или даже как самая главная. Однако избавление от страстей и страданий ценится всё же выше. Это основная цель. Поэтому если ты высокодуховная личность и развил в себе огромное сострадание, всё же ты, по идее, должен стремиться в итоге устраниться от этого тоже и обрести абсолютную невозмутимость. Особенно если считаешь, что все страсти и чувства берут своё начало в иллюзиях, и что сам мир тоже, по сути, иллюзорен

Человек из Учения смотрит на вещи иначе. Для него мир не иллюзорен, а реален. Наш мир, наша Вселенная является как раз главной реальностью, которая должна совершенствоваться, — и именно это важнее всего. Всё подчинено задаче её совершенствования, — в том числе смысл жизни человека. Он должен не бежать от реальности, объявляя её иллюзией, а стремиться познать её и сделать лучше.

Познавая мир, познаёшь его несовершенства, беды и проблемы, — иначе как сделать его лучше? Познаёшь несовершенства, беды и проблемы людей, учишься им сострадать, — иначе как поможешь им? Поэтому человек из Учения не старается утратить чувства, не стремится стать бесстрастным. Он открывается миру и людям, чтобы ощутить их настолько полно, насколько это возможно, со всеми их радостями и горестями. Он не притупляет свои чувства, а максимально обостряет их. Он словно остаётся без кожи, обнажив все нервы, и ощущает чужую боль как свою, в малейших её проявлениях. Это важная часть пути к выполнению предназначения. Кто чувствует чужое страдание, тот не останется равнодушным к нему и сделает всё возможное, чтобы облегчить его, чтобы помочь. Таково поведение, нормальное для человека.

Конечно, очень тяжело ощущать боль мира и страдания людей. Где взять силы и стойкость, чтобы не просто вынести всё это, но ещё и что-то делать, трудиться на общее благо? Ну, во-первых, в мире много не только боли, но и радости, которую ты тоже ощущаешь и которая служит противовесом страданию. Во-вторых, так глубоко ощутив великое единство с миром, ты не только обретаешь способность ощущать его боль и радость, но и получаешь возможность черпать из него силу. Она помогает вынести больше, чем может вынести человек, и не сломаться, и при этом ещё хорошо потрудиться для мира и людей.

5. Проблемы полезны

Человеческая жизнь в огромной своей части состоит из проблем. Постоянно возникают какие-то трудности, нужно находить непростые решения, с чем-то бороться, что-то преодолевать. Даже если всего этого в совокупности меньше,

чем светлых и приятных моментов, ощущается оно очень остро, — и потому может казаться, что вся жизнь состоит из одних проблем, с редкими проблесками радости. Люди часто воспринимают такую жизнь как несправедливость и сплошное мучение, многие проклинают её, многие впадают в депрессию. Некоторые просто не выдерживают и решаются на что-нибудь ужасное. Все хотят, чтобы проблем было поменьше, в идеале — чтобы их не было вовсе. Чтобы жизнь была спокойной и состояла из одних успехов и радостей. Такая жизнь видится как норма, а жизнь, полная трудностей, — как отклонение от нормы, досадное или даже трагическое.

Однако в действительности всё как раз наоборот. Любое развитие, любое достижение, любое движение куда-либо связано с трудностями и проблемами. Собственно, они, в определённом смысле, и есть сама жизнь, — ибо дают возможность идти эволюции и совершенствоваться человеку. Всё новое и лучшее прежнего, что когда-либо было достигнуто, было достигнуто через трудности и представляло собой решение какой-то проблемы, масштабной или не очень. Это относится и к развитию конкретного человека, и к развитию всего человечества, всей цивилизации. Препятствия на пути, трудности, проблемы, — это развитие и жизнь; их отсутствие, полный покой, — это застой и угасание. Можно привести очень простой пример: физические упражнения. Что делает человек, желающий, чтобы его тело стало более сильным, выносливым, более здоровым? Он выполняет различные упражнения, сообщая телу определённые нагрузки. Для положительного эффекта тело должно испытывать трудности и преодолевать их.

По Учению, трудностей бояться не надо. Они — не некая мистическая несправедливость и не наказание, посланное свыше, а естественная часть жизни. Естественная, необходимая и неизбежная. Мечтая о жизни без проблем, ты будешь только зря себя мучить, потому что это стремление к невозможному. К прочим своим страданиям ты прибавишь ещё и это. Нужно учиться относиться к проблемам правильно. Нет нужды искать их, специально нарываться на них. Уж чем-чем, а этим жизнь сама обеспечит тебя с избытком. Правда то, что проблем обычно бывает слишком много, — но их создают друг другу люди; и пока люди не изменятся, пока не станут другими, они будут продолжать это делать. Так или иначе, проблемы нужно воспринимать как должное, хотя часто и избыточное. К ним нужно относиться как к тому, что помогает жить, а не мешает. Как к тому, что даёт новые возможности. А то, что они причиняют страдания, — так ведь любое движение через препятствия причиняет страдания. Мышцы, и те болят после физических упражнений.

Так относится к проблемам человек из Учения. Он не боится их и готов ко

встрече с ними, готов преодолевать трудности. Он не мучает себя иллюзиями того, что можно достичь беспроблемной жизни, не растрачивает себя на погоню за недостижимым. Он не считает, что весь мир несправедливо ополчился против него, и не мучается обидами подобного рода. Проблемы не вгонят его в депрессию и не сломают. Он знает, что они не могут сломать его, потому что у него достаточно сил для того, чтобы их преодолеть, или хотя бы выдержать. И он ставит их себе на службу, используя как тренажёры, на которых можно упражняться и становиться сильнее. А заодно и сделать лучше мир.

6. Выживание — не главное

Можно практически не сомневаться, что на вопрос «Что является для человека высшей ценностью?», большинство ответит: жизнь. Это, вроде бы, вполне очевидно. Однако существует и вопрос о смысле жизни. И коль скоро такой вопрос ставится, и притом является одним из старейших и важнейших в истории человечества, то сам факт его упорной, снова и снова, постановки наводит на мысль о том, что жизнь, видимо, важна не сама по себе. Она нужна не для того, чтобы просто жить. Она нужна для чего-то большего. Что, соответственно, важнее её.

Очень многие с этим не согласятся. Для них нет ничего ценнее жизни. Просто жизни. Они готовы на всё, только бы сохранить её. Ради выживания они пожертвуют всем — совестью, человеческим достоинством, долгом, товарищами, близкими людьми... Ведь если жизнь — высшая ценность, то никакая цена за неё не чрезмерна. Безумное желание выжить владеет ими как непреодолимая сила, диктующая все поступки. Вопрос «Для чего ты живёшь?» перед таким человеком не стоит. Он стремится просто жить. Пусть трусливым, жалким, пусть бесполезным, пусть лживым, подлым, пусть преступным, опасным для других, — но жить. Это можно было бы назвать чем-то животным, если бы животное могло сознательно совершить подлость или преступление ради своего выживания. А так это что-то ещё пониже.

В то же время многие скажут: есть то, что важнее жизни. Ею можно пожертвовать, спасая или защищая кого-то. Её можно отдать за большое и нужное дело. Порой ею можно рискнуть ради познания, ради любви, ради чужого счастья. Можно пойти на смерть за убеждения, за справедливость, за то, чтобы исполнить долг, за то, чтобы сохранить чувство собственного достоинства и остаться человеком, пусть и в свои последние минуты. На самом деле, может найтись немало вещей, которые дороже жизни. И людей, которые поступают так, уважают, называют героями, считают примером для других, им ставят памятники,

о них пишут песни и снимают фильмы. Потому что это — люди, которые не просто живут. Они — те, кто делает мир лучше и своей жизнью, и своей смертью. Они и живут не напрасно, и умирают не зря.

И кроме того, они делают лучше себя. Человек совершенствуется через правильный выбор, через выбор в пользу блага, а не в пользу эгоизма и трусости. Так становится чище частица Духа, которую он несёт в себе. А ведь она ни что иное, как частица души Творца, и человек приходит в мир для того, чтобы её совершенствовать. Это его предназначение, он живёт ради этого. Вот и получается, что совершая достойный поступок он и делает мир лучше, и помогает другим, и становится лучше сам, и выполняет своё предназначение. Всё это ценнее жизни, — потому что она даётся именно для этого. Умирая, такой человек оставляет мир более лучшим, чем он был до того, а собственные духовно-нравственные достижения уносит с собой в следующую жизнь. В неё он придёт более совершенным, с более чистым Духом. И сможет в ней принести миру ещё больше добра.

Понимая всё это, человек из Учения старается жить так. Он ценит свою жизнь — но не как высшее благо само по себе, а как инструмент для вершения блага. Его нельзя под угрозой смерти принудить к трусливым и подлым поступкам, он не стремится выжить любой ценой. Он стремится совершенствоваться, делать добро людям, делать мир лучше, помогать Творцу в его совершенствовании. Иначе говоря, он стремится быть настоящим человеком. Если надо, то ценой жизни. Даже если бы жизнь была одна, и смерть была бы окончательной, это всё равно стоило бы того. А поскольку жизнь не одна, и достойные поступки совершенствуют человека на будущие жизни, то тем более.

7. Тело как инструмент

Материалистические воззрения утверждают, что человек — это материя, тело. Просто потому, что ничего другого нет. Души нет, это религиозный вымысел. Сознание и мышление существуют только в импульсах материального мозга. Материя в высшей форме своей организации и есть человек. И вот как раз с последним утверждением можно отчасти согласиться. В том смысле, что материя — это часть человека. Можно сказать, она — его поместилище, сопряжённое с ним самим. В оболочке материи находится человеческая сущность, представляющая собой Дух, как основу, и ещё одну оболочку в виде энергии. Материя нарастает вокруг основы, пока ребёнок находится в утробе матери, и потом, пока он взрослеет. А когда придёт время, материальная оболочка будет сброшена, перестанет быть человеком и распадётся, тогда как человеческая

сущность продолжит своё существование. Она ещё побывает в материальных оболочках, и не раз.

Для чего же человеку даётся тело? Оно есть способ его, человека, существования в мире материи. Нечто вроде скафандра или, если угодно, экзоскелета, дающего возможность присутствовать в иной среде и совершать в ней различные действия. Таким образом, тело — это инструмент. Инструмент, сращённый с человеком, и остающийся таковым до момента физической смерти. То есть до того момента, когда инструмент придёт в полную негодность. Тело изнашивается, оно может быть сломано, разрушено, как и всякая вещь или механизм. Мы чиним его, по возможности, чтобы оно прослужило дольше. Другое дело, что не всякий умеет правильно им пользоваться. Кто-то не воспринимает его как инструмент, а полностью отождествляет со своей личностью, кто-то использует для развлечения, кто-то — для удовлетворения пороков и совершения преступлений, а кто-то вообще не хочет никак использовать, а хочет полёживать себе на диване и ничего не делать.

Человек из Учения знает, для чего ему дан этот инструмент. Он дан для того, чтобы иметь возможность исследовать мир материи, чтобы иметь возможности для развития, каких нет за его пределами, чтобы получать опыт, совершенствоваться и действовать, изменяя мир вокруг себя к лучшему. Такой многоцелевой, необходимый и незаменимый для выполнения всех этих задач инструмент. Его нужно ценить и беречь, но при этом не забывать, что он такое. Да, он продолжение человека, — в той же мере, как молоток, гаечный ключ или карандаш являются продолжением руки. Но всё же это не рука. И к телу нужно относиться как к части себя, но не как к самому себе в полной мере.

Как и было сказано, его нужно беречь, о нём нужно заботиться, поддерживать в рабочем состоянии и использовать с должной степенью осторожности. Даже простой молоток быстро придёт в негодность, если относиться к нему наплевательски и использовать неаккуратно. Тело же есть инструмент куда более сложный и, в отличие от молотка, замене не подлежащий, — по крайней мере, в продолжение одной жизни. Однако неправильно будет и слишком беречь его. Если ты боишься повредить молоток и потому не хочешь забить гвоздь, то молоток оказывается бесполезным, и его можно выбросить. Инструмент предназначен для работы, и не следует избегать её, лишь бы сберечь инструмент. Для него нормально изнашиваться, и однажды он сломается. Главное, чтобы работа была сделана, и сделана хорошо. То же самое относится и к телу. С ним нельзя быть небрежным, им нельзя разбрасываться попусту, — но нельзя и превращать его в идол, нельзя служить ему, подчиняя интересам его благополучия всё остальное.

Это означает, что мало получить от Природы тело. Нужно ещё научиться правильно к нему относиться, правильно с ним обращаться, правильно его использовать. Тоже серьёзная наука сама по себе. Человек из Учения осваивает её, а дальше ему остаётся лишь хорошо потрудиться. Благо, всё для этого есть.

© Атархат, 2023

10 хилиад

Сегодня, 17 июля 2023 года, у нас большой праздник. Завтра начинается новая, 11-я хилиада. А это значит, что сегодня 10 000-й день с момента основания Учения. Первая круглая дата нашего календаря.

Позади 10 хилиад, десять тысяч дней. Много это или мало? Если округлить, то получится 27 лет. Для человека это много. При хорошем раскладе — треть жизни. Поэтому если смотреть с точки зрения последователей Учения и мерять годами их жизней, то это большой срок. Но если взглянуть с точки зрения самого Учения как того, чему предстоит существовать столько же, сколько ещё просуществует человечество, — а это, будем надеяться, ещё не одна тысяча лет, — то срок очень

скромный. В таких временных масштабах это как первые дни жизни для человека. Учение находится ещё в очень юном возрасте и, буквально, делает свои первые шаги.

Эти шаги очень трудны. Учение с самого начала столкнулось с серьёзными препятствиями. Ещё даже до того, как началось откровение. Прежде всего, из-за состояния моего здоровья, которое сразу неимоверно всё усложнило на перспективу. Затем, уже во времена начала откровения и основания Учения, ситуация усугубилась политической обстановкой в моей стране. Распространение и развитие Учения здесь стало почти невозможным. Ну и в последнее время всё осложнилось ещё больше, — хотя, казалось бы, дальше уже некуда. Я имею в виду как войну, ставшую катастрофой для всех, так и другие обстоятельства. Должен признаться, когда всё только начиналось, я понимал, что этот труд будет нелёгким, но не предполагал, что придётся работать в настолько тяжёлых условиях.

Тем не менее, сделано много. В основном решена главная первоначальная задача: изложение Учения, его письменная фиксация. Несколько книг пандэкта, сотни статей нашего электронного журнала, другие материалы, — всё это позволило довольно полно описать картину мира по Учению, его взгляды на предназначение человека, мораль и этику, его подход к различным сторонам человеческой жизни, его позицию по отношению к различным явлениям и проблемам общества. Сделать предстоит ещё очень много, есть ещё масса тем, которые нужно осветить, и вопросов, на которые нужно ответить. И даже пандэкт пока не завершён. Но Учение уже зафиксировано в виде достаточно развёрнутом и упорядоченном для того, чтобы быть целостной системой взглядов, основой жизни для его последователей, фундаментом для новой культуры, инструментом для будущего преобразования мира, питательной почвой для дальнейшего развития человеческой цивилизации. Выполнение этой задачи можно назвать первым этапом существования Учения. Сейчас мы стоим на пороге второго этапа.

В чём он заключается? В том, чтобы начать переход от теории к практике. Сейчас у нас есть картина мира, представление о человеке и его роли в мире, понимание целей, стоящих перед человечеством, и принципов, через которые эти цели должны быть достигнуты. Теперь перед нами встают дальнейшие вопросы, уже более практические. С чего начать работу по преобразованию мира? Как её организовать? Каким образом применять наши принципы? В какие конкретные проекты воплотить потенциал Учения? Как осуществить эти проекты? И ещё много других вопросов. Отдельная важнейшая задача — достаточно чётко оформить представления о будущем и донести их до людей. Показать всем

картину будущего мира, каким видим его мы. И предложить пути к достижению этого будущего.

Вместе с тем всегда, на любом этапе, одной из первоочередных остаётся задача открытия людям самого Учения. Ведь оно для них. Оно для всех. Для человечества, которому и предстоит строить будущий мир. Поэтому задача распространения Учения никогда не теряет актуальности А то, что мы стараемся всегда быть максимально деликатными и никогда никому ничего не навязывать, делает её ещё более сложной и ответственной. Пока наши успехи в этом направлении скромны. Но всё приходит со временем. Глобальные сдвиги в мировом масштабе не происходят сразу. Они вызревают медленно. И мы сейчас находимся, фактически, на старте этого процесса.

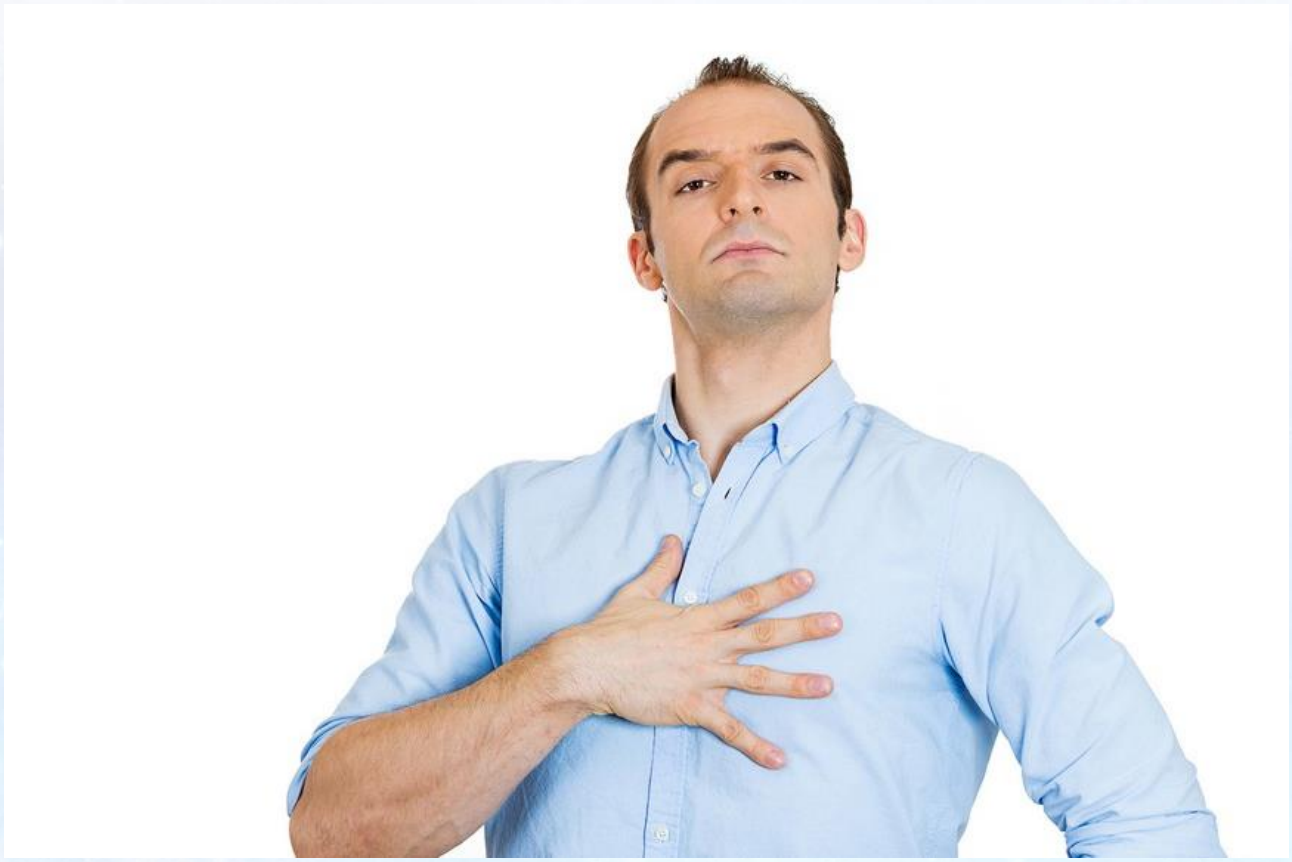
Можно сказать, что прошедшие 10 хилиад, 10 000 дней Учения, это и есть начало будущего. Первые шаги в него. Закладка его фундамента. Первые штрихи, благодаря которым начинает вырисовываться его облик. Поэтому сегодняшняя дата так важна. Поэтому она стала для нас большим праздником.

Сегодня это праздник для небольшого количества людей, разбросанных по пяти странам. Следующая круглая дата будет ещё через 27 лет. Уверен, что её отметит гораздо больше народа в гораздо большем числе стран по всему миру. Будем стараться для того, чтобы так и было. А значит, так и будет. Не знаю, доведётся ли мне самому увидеть это воочию. Но сегодня я вижу это внутренним взором.

Праздники проходят, труд продолжается. Но разве возможность трудиться для мира и людей сама по себе не радость, не праздник души и ума? Поэтому поздравляю всех последователей Учения не только с нашим первым юбилеем, но и с тем праздником, которым может быть вся жизнь. И желаю в этот день только одного: чтобы всё было как надо. Для нас, мира и Вселенной.

© Атархат, 2023

Эгоизм по Учению

Для того, чтобы успешно бороться с болезнью, её нужно изучить, понять. Болезни же бывают не только телесные, но и душевные. Речь, однако, не о тех из них, из-за которых людей называют «душевнобольными». Она о пороках и о том, что с ними связано.

Порок — следствие несовершенства частицы Духа, содержащейся в человеке. Точнее говоря, проявление этого несовершенства. Так же, как тело бывает не в порядке, так же не в порядке бывает и душа. Как болезнь или увечье есть отклонение от нормы, так и порок есть отклонение от нормы. Только отклонение это, в отличие от телесной болезни, которая может возникнуть и развиться по ходу дела, всегда бывает врождённым. Несовершенства частицы Духа присущи ей изначально, — и постепенно, с каждой последующей жизнью, изживаются. Собственно, в том и заключается совершенствование Духа, ради которого существует человек. А это означает, что борьба с недугами души даже важнее, чем борьба с недугами тела. Они должны тщательно изучаться. Нужно познать природу каждого из них, чтобы знать, как эффективнее с ними бороться.

Лекарствами, которые можно купить в аптеке, тут не поможешь; но зато само познание проблемы превращается в действенное лекарство, с которого нужно начинать лечение.

Сегодня мы поговорим об одной из самых больших проблем всех времён: об эгоизме. Не будет преувеличением сказать, что это бич человечества. Бедствие, гораздо более разрушительное, чем ураган, землетрясение или эпидемия чумы. Катастрофа, продолжающаяся непрерывно, с первобытных времён. То, что привело к бесчисленным разрушениям и смертям, принесло людям неисчислимые страдания. Причём как тем, кто стал жертвой чужого эгоизма, так и самим эгоистам.

Эгоизм имеет свои корни в гордыне, вырастает из неё. Гордыня же есть один из худших пороков, или даже худший. Она питает остальные пороки, стимулирует их. Её влияние можно разглядеть практически в каждом из них. Что такое гордыня по своей сути? Это предпочтение себя другим, вознесение себя над ними. И это проглядывает в пороках и дурных качествах, — зависти, жадности, властолюбии, гневливости, трусости, подлости и иных. Что же до эгоизма, то его можно назвать худшей формой гордыни, — наиболее слепой и наименее подверженной восприятию критики и самокритики. А ещё эгоизм — это гордыня в действии, в практическом выражении. Гордыня, оформленная в конкретные поступки.

Гордыня может быть скрытой. Гордец может втайне презирать всех вокруг, но стараться не выказывать своего презрения (можно только позавидовать выдержке таких людей). Или он может проявлять свою гордыню в словах и суждениях, не особо проявляя её в поступках. Эгоизм же практичен. Эгоист так или иначе переводит предпочтение себя в действие. Эгоизм, как практическая гордыня, как раз и проявляется в пороках. Жадного он заставляет грести всё под себя и не делиться с другими, властолюбца — стремиться подчинить всё и всех своей воле, подлеца — обманывать и предавать ради своих интересов, и так далее. В центре всегда «я», эго; оно играет роль точки, вокруг которой вращается мир. Это чёрная дыра, затягивающая всё в себя, производя при этом разрушения вокруг. То есть эгоист всегда что-то делает, — более или менее открыто, более или менее агрессивно, более или менее успешно. Если же он не делает в этом направлении ничего, то его сложно назвать эгоистом. Так же, как сложно назвать мореплавателем человека, который никогда не выходит в море, хоть и очень хочет.

Итак, эгоизм — это, так сказать, практическая гордыня. И потому самая вредоносная и опасная для окружающих, самая разрушительная. Это первый важный момент в том, что касается эгоизма.

Но интересно то, что эгоистов можно разглядеть и в животных. Ведь они не думают о благе мира, заботясь, в основном, о себе, или о себе и о своём потомстве. Разве не эгоизм в чистом виде? Нет. Во-первых, потому, что их забота о себе чисто инстинктивна. Они не осознают, хорошо это или плохо, и не могут выбирать, вести себя так или вести себя иначе. Не могут они и мыслить, изыскивая пути для удовлетворения своих запросов. Запросы же их имеют естественные рамки, далее которых не идут, — это будет во-вторых. Человеческий эгоизм всегда требует больше, чем необходимо на самом деле. Он заставляет отнимать что-то у других даже тогда, когда это выше реальных потребностей эгоиста. Животное же берёт столько, сколько ему требуется для того, чтобы вести нормальный образ жизни. Ну и в-третьих, поведение животного таково, как то требуется для эволюции. То есть оно не разрушительно для мира, а созидательно. Животное именно таким и должно быть, и это вложено в него как своего рода программа, которую мы называем инстинктами. И животное не способно осмыслить свою программу и сознательно поступить наперекор ей, когда она мешает чему-то более важному и необходимому. Да и нет у него ничего более важного и необходимого.

А у человека есть. Он в своё время отделился от мира животных, обретя нечто большее нежели то, чем обладают они. Обретя новые способности и возможности. А значит, обретя новое предназначение. Он должен активно познавать, совершенствовать свой Дух и делать лучше мир вокруг себя. Это если сказать максимально кратко и упрощённо. Но даже из такой сжатой формулировки становится ясно, что человек не может вести образ жизни животного: это противно его природе. Следовательно, естественный животный «эгоизм» ему не годится. Конечно, инстинкты, присущие животному, есть и у человека, — поскольку тело его по сути своей остаётся животным. Но человеческая сущность должна брать верх над животной, подчинять её себе и использовать как подспорье в выполнении предназначения. Одним из аспектов развития человека — и человека вообще, и каждой отдельной личности — как раз и является достижение контроля над тем, что можно назвать его животной частью.

Многим это удаётся очень плохо. Многие попадают в полную зависимость от своего животного, превращаясь в самого настоящего его слугу. Существует даже концепция, призванная это оправдать и гласящая, что человек — просто немного более высокоразвитое животное, что для него естественна животная жизнь и животные стремления, и что разум предназначен лишь для того, чтобы более эффективно обслуживать эти потребности. То есть неосознанный животный «эгоизм» превращается в эгоизм вполне осознанный, который и объявляется нормой. Таким образом оправдывается и объявляется нормальным всё дурное,

что делает эгоист, — жадность, жестокость, обман, похоть, и так далее. Всё это подаётся как нормальная борьба за выживание, в которой каждый сам за себя, а окружающие — исключительно конкуренты, враги или добыча. Соответственно, если ты что-то отнял или украл, подчинил кого-то себе, согнул в бараний рог или уничтожил того, кто тебе мешает, и тому подобное, то ты — молодец. Ты выжил, воспитал детей такими же, и теперь уже они будут грабить, сгибать всех в бараний рог и уничтожать мешающих. Это сознательная апология эгоизма, причиняющего страдания людям и разрушающего мир, попытка выдать его за естественное поведение человека как разумного животного.

Но в том-то и штука, что человек — не животное. И в попытке приравнять себя к последнему, поставить на один уровень с ним, человек падает ниже. Он становится хуже животного. Ведь в животном-то ничего плохого нет. Оно живёт по эволюционным законам, рассчитанным на животное, — а там иная мера нормального. У человека, как у существа принципиально отличающегося, и мера должна быть человеческой. От него требуется больше; он — активно созидающая творческая сила. То, что в действиях животного кажется злом, на самом деле им не является; и если животное не вершит сознательного блага, то это тоже не есть зло. А вот если человек сознательно ведёт себя как животное, употребляя на это свой ум и способности, то это выливается в вершение зла, в причинение вреда людям и миру. Невершение же блага, когда его можно и должно вершить, тоже можно рассматривать как форму зла. Ты не засеял поле, хотя мог, а другие не могли, — и в итоге они умерли с голоду. Не убийство ли это? Его орудием стало бездействие. Животное нельзя обвинить в сознательном причинении вреда другим из-за своего эгоизма, и нельзя обвинить в сознательном невершении блага. Поэтому человек, из эгоистических побуждений сознательно ведущий себя как животное, не встаёт на один уровень с ним, а становится хуже, падает ниже, превращаясь в опасное чудовище. Страшнее же и горше всего, что это ведь не просто некое непонятное чудовище, а человек, по своей воле избравший путь превращения в него. Человеческая его сущность никуда не делась; она там, внутри, зажатая и угнетённая. Теперь ему нужно долго, в борьбе, с новыми страданиями и болью, выбираться из ловушки, в которую он сам себя завлёк.

Итак, стремление вернуться к образу жизни, естественному для животного, не может служить оправданием эгоизма. Оно лишь поощряет его как чисто человеческое отрицательное качество и делает его ещё более разрушительным. Это второй важный момент в том, что касается эгоизма.

Но в чём же суть разрушительности эгоизма? Понятно, что он причиняет практическое зло и приносит практический вред. Однако почему он работает

именно так? Что превращает эгоизм в то, чем он является?

Онтологический исток эгоизма как разрушительного явления — в том, что он идёт против единства. Именно единство лежит в основе всего, именно оно является базисом жизни и развития. Бытие как единое целое борется с тенденцией небытия, продолжая себя во всех своих частицах. Творец, и Вселенная как тело Творца, — единый организм, со своим строением, своими законами, по которым всё в нём работает, с определёнными взаимосвязями между его частицами, благодаря которым эти частицы функционируют как единое целое. Организм человека работает так же. Наша цивилизация, со всеми её открытиями, достижениями и творениями, создана совокупными усилиями человечества. Государство работает как совокупность социальных институтов, законов, различных служб и прочих составляющих. Любая организация эффективно и успешно действует только тогда, когда она действует как единый организм, где всё на своём месте и все помогают друг другу, обеспечивая продуктивную совместную работу. Семья — потому семья, что она в большей или меньшей степени едина. Любой механизм или электрический прибор работает как единая система, где каждая деталь имеет свою функцию и помогает другим деталям выполнять их функции. Единство — и в смысле устройства чего бы то ни было как системы, и в смысле общности целей всех составляющих системы — это жизнь, движение, развитие. Эгоизм ему противостоит.

Эгоизм — это когда частица системы перестаёт быть заинтересована в благополучии всех прочих её частиц как таковых и в благополучии общем с ними, и переносит своё внимание и свои усилия по благополучию исключительно на себя. Даже хуже: когда она начинает рассматривать другие частицы как пищу, а систему — как то, что можно и нужно эксплуатировать в своих интересах. И тогда в государстве начинает процветать диктатура, коррупция, хищения разного уровня, от многомиллионных сумм до отвёртки, вынесенной с предприятия, вообще преступность во всём её разнообразии и изобретательности, тунеядство, и прочее социальное зло. В человеческом же организме клетка-эгоист становится раковой клеткой, со вполне предсказуемым для него финалом. Худшее, что может произойти с системой, это саморазрушение, когда её частицы теряют связь друг с другом, теряют способность поддерживать друг друга. Она просто рассыпается, даже без всякого агрессивного воздействия извне.

Эгоизм — это распад единства. Таким образом, он по самой своей сущности направлен против жизни. Он несёт разрушение. Иначе и не может быть, когда одна частица начинает предпочитать себя остальным, а своё частное благо — общему благу, благу целого. Она начинает пожирать или эксплуатировать другие частицы,

а целое начинает просто грызть и ломать, выдирая из него куски, чтобы построить из них свой личный рай.

Если взглянуть на эгоизм в исторической перспективе, как на то, что присутствует в людях с самого возникновения нашего вида, станет ясно, что именно так и происходит. Эгоизм может принимать разные формы. Он может быть не только личным, но и семейным, государственным, национальным, расовым, корпоративным и т.д. И всегда, в любой из своих форм, он заставляет кого-то тянуть одеяло на себя, заставляет лгать и разрушать, заставляет чего-то несправедливо требовать, что-то присваивать обманом или силой, кого-то подчинять или уничтожать. Посмотрите — ведь это и есть все беды человечества во все его времена. На всех уровнях — от общечеловеческого и государственного до семейного и личного. В виде более или менее откровенном и агрессивном. Иногда он бывает неочевидным даже для самого эгоиста, а иногда бывает ясно осознаваемым, возведённым в принцип жизни, и под него даже подводится философская база. Он нередко мимикрирует под здравомыслие, практичность, свободу (его излюбленная маска), и даже под гуманизм. Он многолик и многоразличен на вкус. Но он всегда разрушителен. Потому что он всегда ставит запросы одной частицы, даже самые нелепые и вредоносные, выше нужд других частиц и выше общего блага. Эгоист разрушает всё вокруг лишь для того, чтобы ему самому было хорошо. Общество, где таких людей много, это тяжело больное общество, в котором оказывается неуютно жить даже самим эгоистам. Неудивительно, что они страдают и сами: ведь они лезут из кожи вон, тщась добиться своего, мучаются от зависти, ненависти, алчности, испытывают удары и разочарования При этом на каждого из них всегда найдётся несколько других таких же или ещё более ушлых, которые вздрючат уже его. А жить в доме, всё более и более разрушаемом совместными усилиями, — сомнительное удовольствие. Вот тут было бы неплохо в самом деле включить здравый смысл, — но нет: эгоизм ослепляет, не позволяет увидеть того, что перед глазами. Он отшибает способность ясно мыслить. В этом он ещё и сродни безумию.

Итак, эгоизм разрушителен по своей сути, так как он всегда выступает против единства как против того, на чём держится жизнь, благодаря чему идёт развитие, благодаря чему возможно созидание. Он ведёт общество, как единую жизнеспособную систему, к распаду на отдельные частицы, скрыто или открыто агрессивные друг к другу, и тем самым уничтожает его. Это третий важный момент в том, что касается эгоизма.

Как это обычно бывает в отношении столь важных вопросов, замечу, что невозможно подробно разобрать тему эгоизма в небольшой статье. Здесь лишь

обозначено несколько ключевых моментов, дающих возможность понять в общих чертах, что он такое, чем он опасен, почему так важно бороться с ним в себе и противостоять ему в обществе. Многое осталось вне фокуса внимания, — но и разговор на эту тему у нас не последний.

© Атархат, 2023

РУБРИКА: **С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УЧЕНИЯ**

Чайлдфри: за или против?

В последнее время даже на постсоветском пространстве всё чаще можно услышать слово «чайлдфри». Оно не то чтобы новое здесь, но в сравнении с другими распространёнными англоязычными словечками, сленговыми, компьютерными, интернетными и прочими, глаз пока что не натёрло. Поэтому ещё не все знают, что оно означает. Некоторые, особенно из старшего поколения, недоумевают, — что ж это за напасть такая, чайлдфри? Потому что власти, как светские, так, кстати говоря, и духовные, относятся к упомянутому явлению явно отрицательно. А всё просто. Чайлдфри — это люди, которые не хотят заводить детей. «Свободные от детей», если перевести с английского по смыслу.

Тут можно придти в недоумение. Что здесь такого? Экое диво! Ну подумаешь, не хочет человек детей. Такие были всегда. И вдруг вокруг этого поднимается шум, появляется иноязычный термин, пугают народ... В чём проблема-то?

Но, видимо, проблема есть. Об этом вам скажет и государство, и Церковь. И дело не в том, что слово иноземное, влияние Запада и всё такое. Явление-то общераспространённое. Суть проблемы в другом.

Она в том, что государство, например, заинтересовано в приросте населения.

Нужны налогоплательщики, солдаты, собственные специалисты различного рода, нужно заселять и осваивать территории, если страна велика и богата ресурсами. Нужен приток молодёжи, чтобы компенсировать старение населения, — иначе в какой-то момент трудоспособных станет меньше, чем пенсионеров. Получается, что обновление, так сказать, человеческого фонда является стратегической необходимостью, частью внутренней политики государства. Это нужно ему для выживания. С такого угла зрения те, кто не хочет заводить детей, оказываются чем-то вроде вредителей, не желающих выполнить долг перед родной страной. А поскольку таких становится всё больше, тенденция становится всё опаснее. У Церкви свои резоны осуждать чайлдфри. Во-первых, с её точки зрения они идут против Бога, который заповедал людям плодиться и размножаться. И не нужно думать, что это несерьёзный довод. По религиозным понятиям, пойти против Божьего завета — нечто гораздо худшее, чем пойти против закона, писанного людьми. Ну и во-вторых, конечно, меркантильный интерес тоже имеет место. Меньше населения — меньше верующих, прихожан. Меньше прихожан — меньше пожертвований, оплат различных таинств и треб, меньше продаж литературы, различной атрибутики типа икон и крестиков, расходников типа свечей и т.п. Так ведь можно и обеднеть.

Кроме того, государство и Церковь в один голос осуждают чайлдфри как эгоистов, которые стремятся жить только для себя. Потому что одно дело — когда человек целиком посвящает себя науке, общественной деятельности и другим важнейшим вещам, вследствие чего просто не имеет времени на семью, или, скажем, идёт в монахи, что богоугодно, и совсем другое — когда он просто хочет жить в своё удовольствие и не нести ни за кого ответственности.

Но у чайлдфри есть и немало сторонников. В смысле, тех, кто одобряет их и считает символом свободы личности и её независимости от внешних обстоятельств. Такие убеждены, что если кто-то не желает заводить детей, то он имеет на это право, и решение его является безусловно правильным уже потому, что таков его выбор. Государственные интересы ему не указ, религиозные заповеди— тем более; что же до морали, то моральные законы каждый пишет себе сам. Что ему нравится, что для него удобно, то и морально.

Среди причин, приводимых некоторыми чайлдфри в обоснование своего решения, есть одна, которую нельзя не отметить особо. Они считают наш мир настолько неблагополучным местом, полным опасностей, страха и страданий, что приводить в него детей, по их мнению, просто негуманно. Это очень интересная точка зрения. Настолько интересная, что позднее мы поговорим об этом отдельно. Пока же просто отметим для памяти.

В общем и целом, всё достаточно просто, и объяснять особо нечего. Доводы всех сторон понятны. Но что тут правильно? Быть чайлдфри — это хорошо или плохо? Что об этом может сказать Учение? Оно за или против образа жизни чайлдфри? А ведь это, надо заметить, кое-где уже считается целым общественным движением, и начинает требовать к себе соответствующего внимания.

Начнём с того, что Учение очень высоко ценит свободу выбора. Не просто высоко: это один из ключевых моментов его картины мира и один из важнейших его принципов. Без свободы выбора человек не может нравственно совершенствоваться, а без нравственного, а значит, и духовного совершенствования он не может выполнить своё предназначение и внести свой вклад в эволюцию Вселенной.

Однако свободный выбор — не вещь в себе, он существует не ради выбора как такового. У него есть цель. Он должен совершенствовать человека, как и было сказано. А для этого нужно не просто делать выбор, но учиться делать выбор правильный. Нужно познавать мир, чтобы научиться различать правильное и неправильное и научиться делать выбор в пользу того, что хорошо. То есть ориентиром должна быть мораль. Только правильный моральный выбор совершенствует человека. Это означает, что свободный выбор нужно приветствовать, — но если он оказывается неверным, его нельзя одобрить. Человек может ударить себя кирпичом по голове, он имеет на это право, которое нельзя оспорить, — однако можно ли назвать такой поступок умным и полезным?

Тогда вопрос в том, хорошо ли отказываться от рождения детей. Ответ по Учению будет отрицательным. Это неправильно, если нет особо уважительных причин. Они могут быть разными, но эгоистическое стремление жить только для себя к их числу точно не относится. Тогда следующий вопрос — почему всё-таки нужно иметь детей? Здесь сделаем маленькое, но важное уточнение: это не обязательно, но очень желательно. Это просто правильно. Почему же? Во-первых, это естественно. Люди делятся на два пола для продолжения своего рода, и более того — своего вида. Во-вторых, это необходимо для развития человеческой личности. Если женщина не стала матерью, а мужчина — отцом, то они недополучили важный жизненный опыт, в том числе эмоциональный, остались в какой-то степени психологически недозревшими, как бы незавершёнными. В-третьих, забота о детях как раз является мощным фактором, противодействующим эгоизму. А он есть одно из худших явлений человеческой жизни, богатейший источник всего дурного и разрушительного, обычная причина бед, преступлений, страданий. В-четвёртых, дети — это человеческие души,

личности, которые приходят в мир для того, чтобы совершенствоваться самим и делать лучше его. Нужно давать им возможность жить. Ведь такую возможность дали и тем, кто теперь отказывает в этом другим.

Можно привести ещё доводы, — но и из сказанного вполне понятно, почему неправильно отказываться от рождения детей. Это очень, очень важно. Настолько важно, что Учение настоятельно рекомендует завести хотя бы одного ребёнка; а если это невозможно, — например, по причине бесплодия, — то правильно будет взять ребёнка приёмного. Дети — естественная и необходимая часть человеческой жизни, и отказываться от них не нужно.

При этом Учение всё же не требует этого категорически, не вменяет в неотвратимую обязанность, от которой нельзя отказаться. В самом деле, бывают разные ситуации. Кому-то объективные причины не позволяют ни создать семью, ни завести детей. У кого-то просто не сложилось, — да, и такое случается. Кто-то впрямь так глубоко ушёл в некую важную деятельность, что упустил из вида личную жизнь. Что ж, не самая предосудительная причина. Ну а если кто-то и впрямь руководствуется эгоистическими соображениями, то в этом проявляется его несовершенство. Ему есть чему учиться, есть что осознавать, есть куда двигаться. Возможно, он переменится, и ещё изменит свой выбор. А может, это произойдёт уже в следующей жизни. Ведь человеку на то и даётся много жизней, чтобы он имел время и возможность понять свои ошибки, победить свои пороки и недостатки.

Так кто же такие чайлдфри с точки зрения Учения, если коротко? Это заблуждающиеся люди, несовершенные, — а абсолютно совершенных и не бывает, — и это одна из проблем на их пути развития. Да, они неправы, они ошибаются (на этом месте возмутятся они сами и те, кто их одобряет). Но они не вредители и не угроза для государства (тут не согласятся государственники), и не великие грешники, пошедшие против Бога (тут осуждающе нахмурятся церковники). Они просто люди, по ошибке принявшие неверное решение, но при этом продолжающие познавать, учиться, приобретать ценный жизненный опыт. Их можно критиковать, но конструктивно, объясняя, что они ошибаются. Им нужно помогать понять, в чём их ошибка, — конечно, если они сами пойдут в этом навстречу, — а не делать из них государственных преступников или исчадия ада. И в Учение им путь открыт. Оно для того и существует, чтобы помогать людям в преодолении заблуждений и подсказывать верное направление движения.

Однажды — сегодня или завтра, в этой жизни или в одной из последующих — каждый человек осознает свои заблуждения, преодолеет свои недостатки и выйдет в самую высокую точку своего развития. Это естественный процесс, и это

неизбежно: вопрос только во времени. Ну а пока — что есть, то есть. Просто не будем забывать, что жизнь человека — это постоянные перемены к лучшему. Очень часто они малозаметны, — но они есть всегда. Поэтому набираемся терпения и продолжаем работать над улучшением себя и мира. Ведь если подумать, то чем ещё заниматься?

© Атархат, 2023

К вопросу о самоубийстве

Наверное, это прозвучит странно, и уж наверняка неприятно, но такое явление, как самоубийство, занимает в жизни общества видное место. Гораздо более заметное, чем может показаться. Каждый — или почти каждый — знает кого-то, кто покончил с собой, или пытался, или подумывал, или грозился. То есть, на самом деле, вокруг этого хватает.

И отношение к данному явлению в обществе резко отрицательное. Когда оно, общество, было очень религиозным, самоубийство осуждалось как тяжелейший грех, — настолько тяжкий, что самоубийца и теряет право быть похороненным на христианском кладбище, и, самое главное, губит свою душу, лишаясь возможности спасения. Почему? Потому что жизнь дана тебе Богом, — и только ему решать, когда её у тебя забрать. Жизненные проблемы и страдания посылаются им же, в качестве испытаний, и ты должен их вытерпеть, а не дезертировать. То есть с христианской точки зрения самоубийца, ни много, ни

мало, идёт против Бога, присваивая себе его право решать вопросы жизни и смерти. Когда общество стало менее религиозным, самоубийство стало осуждаться по более прозаическим причинам, — как проявление слабости, побег от труда на благо общества, плохой пример другим и т.д. Да и вообще, чисто по-человечески, убивать себя — это странно, ненормально, дико. Даже более странно и дико, чем убивать других. Теперь, когда государство всё ещё светское, но религия вернула себе часть утраченных прежде позиций, её подход вновь несколько актуализировался. Самоубийство, так или иначе, по-прежнему считается большим злом.

Я рассказываю, почему в нашем современном обществе осуждают самоубийство, и кто-то может даже удивиться, — а зачем это объяснять? Разве не всё понятно и так, и разве отношение к нему может быть иным? Представьте себе, может. Для начала напомню, что не так уж давно самоубийство в виде, например, пули в висок, было в дворянской и офицерской среде способом смыть позор. И было это настолько важно, что даже гнев Божий не останавливал набожных дворян и офицеров, — а уж тем более неверующих. Видной частью национальной культуры самоубийство ещё недавно было в Японии. Самурай, делающий себе харакири, — один из самых растиражированных элементов японской специфики, знакомый всему миру. К слову говоря, с собой кончали не только мужчины, но и женщины самурайского сословия. Самоубийство вообще не считалось в Японии чем-то ненормальным. И в Древнем Риме броситься на меч считалось достойным и мужественным поступком. Ещё пример — джайнизм. В этой религии лучшим завершением жизни считается то, когда человек погрузился в крайний аскетизм и заморил себя голодом. Раньше, согласно историческим преданиям, так уходили из жизни даже некоторые цари, исповедовавшие джайнизм. Ну и напоследок отмечу, что в ряде современных государств принимаются законы, официально разрешающие тяжело больным людям уход из жизни по собственной воле, и даже предписывающие врачам оказывать им в этом помощь. Причём государства эти — вполне себе христианские.

Я это к тому, что самоубийство — вовсе не такая однозначная штука, как принято думать. Просто мы с вами воспитаны в культуре, где оно резко осуждается. А вообще с таким отношением, при желании, можно было бы и поспорить.

Но я не буду спорить. Всё сказанное выше было сказано просто для справки. А сам-то я тоже противник самоубийства. Как и Учение, которое считает его абсолютно недопустимым. Сейчас мы посмотрим на причины такого подхода. Но сначала нужно определиться с тем, что считать самоубийством, а что нет. Потому

как и тут не всё очевидно и просто.

Итак, самоубийство — это когда человек намеренно лишает себя жизни. И это плохо. Но вот кто-то кинулся под пулю, закрывая собой товарища, или упал на амбразуру вражеского ДЗОТа. Это самоубийство? Технически — да. Он знал, что определённые действия приведут к его смерти, и он их совершил. Однако это не то, что обычно понимается как самоубийство и осуждается. Наоборот: это считается героическим поступком, одобряется обществом, вызывает уважение, даже ставится в пример. Может быть, способ не тот? Всё же пулю выпустил другой человек. Ну а если он выдернул чеку гранаты и подорвал себя вместе с окружившими его врагами? Можно сказать, что он убивал не себя, а их, — хоть и сам инициировал взрыв, точно зная, что погибнет. А если он уже в плену, и кончает с собой, опасаясь, что не выдержит пыток и выдаст товарищей? Это самоубийство, определённо. Но ради того, чтобы спасти других. То есть опять же, достойный поступок, — так получается? А когда кто-то идёт на смерть под пытками или на казнь, не желая предать товарищей, свою страну, убеждения, долг? Ведь знает, что умрёт. Самоубийца? Те, кто против него, скажут — да, самоубийца, и ещё фанатик. Но те, кто на его стороне, так его не назовут, а будут восхищаться и чтить его память. Или кто-то кинулся спасать человека в горящий дом, или бросился помогать тонущему, сам плохо умея плавать, и в итоге погиб. Только большой циник назовёт такого самоубийцей. Зато многие скажут – молодец. Пойдём немного в другую сторону. Что, если исследователь решился на опасное предприятие, или учёный поставил опасный эксперимент с огромной вероятностью гибели экспериментатора, и в самом деле погиб? Здесь идти на смерть, вроде как, было необязательно, можно было отказаться от опасной затеи. И тем ее менее, такие люди тоже пользуются посмертным почётом. Потому что то, что они сделали, было сделано для других людей. Пусть не для немедленного спасения кого-то, — но ради познания, прогресса, общей пользы.

Подобные примеры можно продолжать, и оценка всегда будет такой же.

Следовательно, самоубийство в привычном, предосудительном смысле слова, — это не просто когда человек идёт на смерть или саморучно лишает себя жизни. Здесь ключевое значение имеет намерение. Хорошо — когда ты совершаешь это ради большого хорошего дела, ради жизни или пользы других людей, ради общего блага. Плохо — когда ты делаешь это из малодушия, страха, отчаяния, нежелания противостоять жизненным невзгодам и т.п. В первом случае это подвиг, и он самоубийством не считается, во втором — то самое предосудительное самоубийство, характеризующее самоубийцу с худшей стороны.

Хотя есть и другие нюансы. Так, самоубийством можно счесть доведение себя

до смерти через легкомыслие или неосторожность. Например, участие в опасных для жизни забавах, небрежность и несоблюдение техники безопасности во время выполнения опасных работ, и тому подобное. Вообще любой неоправданный риск. Здесь намерения лишить себя жизни нет, — но ведь тебе отлично известно, что твои действия опасны, что можно легко погибнуть. Тот, кто так поступает, как бы соглашается умереть, — причём умереть зря, по-глупому. Он наплевательски относится к своей жизни, разбрасывается ею. Чем же не самоубийство?

А самоубийство ради чести, — офицера, самурая? Побуждение, вроде, благородное, — однако сам поступок бесполезен. Кровь не смывает позора. Его вообще нельзя обнулить, — ведь что было, то было, из реальности ничего не вычеркнешь. Что можно сделать, так это по возможности компенсировать свою вину, — если в самом деле виноват, — «перевесить» её достойными и полезными поступками. Только уж никак не пулей в висок и не мечом в живот. По итогу — намерение тут не позорное, но вследствие его неправильности получается именно напрасное самоубийство.

Ну и что касается религиозного самоубийства, — как у тех же джайнов, и не только. Здесь намерение также не позорное: люди исполняют то, что предписывает им их вера, стремятся таким образом достичь своих духовных целей. С их точки зрения это хорошо и правильно. С точки зрения тех, кто придерживается иных взглядов, это неправильно, и потому является предосудительным самоубийством, и является следствием фанатизма, — и ещё много всякого нехорошего говорится об этом. В принципе, с тем, что это самоубийство, могут согласиться обе стороны; только моральная его оценка будет разной. Сюда же, с известной долей обобщения, кто-то может отнести тех, кого, например, сжигали на кострах как нераскаявшихся еретиков, и тех, кто шёл на смерть, не желая обращаться в чужую веру. Я же не соглашусь. Тут речь идёт о верности убеждениям, и об убийстве за это, а никак не о самоубийстве. Абсолютно разные вещи.

Словом, самоубийство только кажется простым и однозначным в своей оценке явлением. В действительности же оно гораздо сложнее и многограннее. Ему могут даваться как разные определения, так и разные оценки.

Так что же говорит об этом Учение? Каково его отношение к самоубийству?

Учение придаёт первостепенное значение именно намерению. Решение погибнуть ради чьего-то спасения, ради общего блага и т.п. сложно назвать самоубийством, — даже если технически всё так и выглядит. Это не самоубийство, а самопожертвование. Достойный поступок, поступок человеческий, в самом высоком смысле этого слова, столь же далёкий от банального самоубийства, как

небо от земли. К тому же, это верный и сильный моральный выбор, помогающий тому, кто его делает, стать духовно совершеннее. Может быть, настолько, что один такой поступок окажется в смысле духовного делания сильнее, чем вся оставшаяся жизнь. Подобным же образом Учение относится к тем случаям, когда кто-то идёт на смерть за свои убеждения или во имя долга. Это не фанатизм, а мужественный поступок, достойный глубокого уважения, — даже если убеждения были ошибочны, и долг тоже оставлял желать лучшего.

Такие поступки Учение самоубийством не считает. Чего нельзя сказать о самоубийстве из малодушия, страха и проч. (смотри выше). Конечно, с нашей точки зрения Бога, который один имеет право распоряжаться жизнью и смертью, нет. Своей жизнью и своей смертью человек вправе распорядиться сам. Однако это не означает, что любое решение будет правильным только потому, что ты вправе его принять. Природа даёт человеку жизнь для того, чтобы он набирался знаний и опыта, в том числе через трудности и страдания, менял к лучшему себя и мир, а не для того, чтобы он пасовал перед проблемами и пытался сбежать от них в смерть. Проблемы и страдания — путь к тому, чтобы стать мудрее, лучше, сильнее, способ, так сказать, «прокачаться» и сделаться совершеннее. И бежать от этого нельзя ни в коем случае. Нужно всё выдержать, перебороть. Силы на это есть у каждого: люди наделены ими от природы. Нужно только суметь найти в себе и мобилизовать эти силы. Задача сложная, но выполнимая. Как бы ты ни страдал, самоубийство будет неправильным решением. Что, кстати, относится и к самоубийству тяжело больных. Учение выступает против него. Как бы ни была горька чаша твоей жизни, её нужно выпить до дна. Нужно выжать из обстоятельств, в которых ты оказался, весь возможный опыт. Он пригодиться в будущих жизнях. И, кстати, в сравнении с личным адом, который каждый человек проходит после смерти, страдания самой страшной болезни могут показаться вовсе не такими уж тяжёлыми. Ну а по выходе из личного ада ты обнаружишь, что все моральные терзания, от которых ты хотел убежать, например, через петлю или ту же пулю в висок, никуда не делись: они по-прежнему с тобой. И теперь бежать уже некуда. Так что самоубийство как побег от проблем и страданий, с точки зрения Учения, не только неправильно и недопустимо, но и бесполезно.

Что до глупого риска и прочих способов попусту профукать свою жизнь, то это, понятное дело, также недопустимо. Такое поведение и стыдно, и попросту преступно. То же самое можно сказать о сведении себя в могилу через вредные привычки и зависимости, такие как алкоголизм, наркомания и им подобные. Тоже ведь самоубийство, — только растянутое по времени.

Самоубийство ради чести, как и ради религиозных целей типа попадания в рай,

можно понять и даже отнестись с уважением, — но одобрить нельзя, поскольку то и другое основано на заблуждениях. Достойно сожаления, когда люди погибают вот так, в результате мировоззренческой ошибки.

Можно суммировать. Учение разделяет самоубийство и самопожертвование, — тут его подход, в общем, совпадает с тем, который бытует в обществе. Самопожертвование, таким образом, — отдельная тема. Самоубийство из слабости, отчаяния, а также доведение себя до гибели по легкомыслию и небрежности, равно как и через различные губительные пристрастия, Учение резко осуждает и считает абсолютно недопустимым. Представлений о том, что покончив с собой можно смыть позор или искупить вину, в Учении нет, — так что это мы тоже полностью отвергаем. Точно так же самоубийство не нужно для достижения посмертного блаженства и иных духовных целей. В Учении подобные представления отсутствуют, и оно относится к таким вещам как к трагическим заблуждениям.

Вот так, если в очень общих чертах.

Тема, на самом деле, весьма обширная, с уклоном в психологию, социологию, историю, религиоведение, и ещё много куда. Я здесь буквально пробежался по вершкам, едва её коснувшись, — просто для того, чтобы обозначить позицию Учения. Всего лишь обозначить, — потому что и с точки зрения Учения об этом тоже можно сказать ещё немало. Возможно, когда-нибудь мы продолжим этот разговор.

© Атархат, 2023

Сегодня — ради завтра

Жизнь человека трудна. Так было всегда, и так продолжается сейчас. Раньше он боролся за выживание, и порой дожить до вечера было уже победой. Сейчас стало чуть полегче, конечно, — хотя и не везде, — но борьба за жизнь продолжается. При этом вызовы, с которыми сталкивается человек, часто имеют уже иное звучание.

В ходе этой борьбы возникло и стало расхожим убеждение, что нужно жить одним днём и не загадывать далеко на будущее. Всё внимание — на текущие, сегодняшние проблемы, потому что ещё неизвестно, наступит ли для тебя завтра. Если же и думать вперёд, то ненадолго, — например, до следующего урожая, ибо кормить семью всё-таки надо. Странным образом с подходом таких страдающих и с трудом выживающих людей оказался созвучен подход гедонистов. Только посыл у этих другой: не выживай, а наслаждайся жизнью на всю катушку сегодня, потому что завтра может для тебя не наступить. Свою роль в формировании такого

ограниченного подхода к жизни сыграла и религия. Ведь поскольку всё, по большей части, зависит от богов и иных сверхъестественных сил, — жизнь и смерть, всякого рода преуспевание, семейное счастье, победа в битве и т.д., — и без их благоволения всё равно ничего не будет, то нужно стараться угодить им сегодня, чтобы они помогли тебе завтра. Да, ты тоже что-то делаешь, глядя в недалёкое будущее, — например, снаряжаешь караван, если ты купец, или разрабатываешь план военной кампании, если ты полководец, — но успех не в твоих руках. Если ты сегодня не угодишь высшим силам, завтра они погубят твой караван или помогут победить твоему врагу.

Понятно, что так рассуждали не все и не всегда, — но обычно именно так. Человек жил в короткой перспективе, — тем более, что и жил-то он недолго. При таком раскладе смотреть далеко в будущее и задумываться о грядущих перспективах мира было особо некому и некогда. Да и зачем, собственно, задумываться, если религии в один голос обещают в будущем конец света, в той или иной форме. Причём, как водится, в будущем не столь уж отдалённом. Вот и ещё один стимул не смотреть далеко вперёд, а стараться сегодня сделать что-то для спасения души, или наоборот — погрешить всласть, пока есть ещё немного времени. Даже правители и прочие государственные люди, которым, как будто, по должности положено мыслить глобально, не раздумывали о том, как построить счастливый мир будущего, а решали текущие и ближайшие проблемы своих государств и династий. Кто же думал об отдалённом будущем? Разве что редкие мечтатели и утописты.

К настоящему моменту в этом смысле изменилось не слишком многое. Религии, хоть и подрастерявшие уже своё влияние, всё так же пугают концом света и призывают молиться богам сегодня, чтобы те были милостивы завтра. Гедонисты всё так же ведут разгульную жизнь, — благо, теперь она стала гораздо богаче на возможности. Массы людей по всему миру каждый день трудятся, как рабы, чтобы иметь возможность накормить детей. Для многих до сих пор предел мечтаний и планов на будущее — чтобы дети могли получить образование. Демократические президенты и премьер-министры думают, в основном, на дистанцию до следующих выборов, которые нужно выиграть. Всевозможные диктаторы и автократы думают о том, как удержать власть сегодня, чтобы не быть повешенными завтра. Капиталисты разного калибра, правда, думают далеко

вперёд, вкладывая деньги в развитие своих бизнесов; но для них счастливое будущее — это их личное счастливое будущее, их самих и их наследников. В стремлении к построению этого будущего они ломают человеческие жизни и разрушают природу, совершенно не заботясь о завтрашнем дне остального мира. Правда, не стоит забывать о том, что богатые тоже плачут. У них хватает своих проблем, и построить отдельно взятое, прочное, безмятежное счастье им всё равно никогда не удаётся.

Хотя нельзя отрицать, что в наше время множество людей думает о будущем мира и пытается что-то предпринять для того, чтобы оно оказалось лучше. Возможностей для такой деятельности теперь стало побольше. Однако эффект всё равно невелик. Тенденция жить сегодняшним днём пока что явно перевешивает, и основное движение пока совершается именно в этом направлении. Из крупных попыток повернуть его в другую сторону отмечу коммунистическую идеологию, какой она была в свои лучшие дни. Объединение человечества на основе справедливых социальных принципов, совместный труд во имя построения нового, лучшего мира, вообще ориентированность на будущее, как ближайшее, так и отдалённое, плюс хоть какие-то планы осуществления ставящихся задач. В таком ключе старались воспитывать детей, приучали их смотреть в будущее, в общее лучшее будущее, и рассматривать себя как его строителей, — что было необходимо и архиважно. Это была не только интересная, но и многообещающая попытка. И уже можно констатировать, что она потерпела крах. Коммунистическая идеология пребывает в состоянии тяжёлой болезни, и неизвестно, оправится ли она и обретёт ли новый импульс к жизни. А если обретёт, то не повторится ли её печальная история.

Сняв розовые очки и внимательно посмотрев вокруг, обнаружишь, что всё выглядит довольно мрачно. Человечество жертвует своим завтра ради своего сегодня уже совокупными усилиями и в планетарных масштабах. Да, кто-то пытается что-то этому противопоставить, как на уровне проектов отдельных энтузиастов, так и на уровне международных организаций, — но получается как-то не очень. Так уж устроена жизнь, что разрушить что-то общими усилиями, пусть даже разрозненными и нескоординированными, достаточно легко, тогда как объединиться и построить что-то хорошее не в пример труднее.

Если исходить из мировоззрения Учения, то подход к жизни по принципу «Жить сегодняшним днём» абсолютно неприемлем. У человека есть предназначение, у его жизни есть цель, и цель эта — не просто выживание. Иначе люди были бы животными. Хотя, к слову сказать, есть немало тех, кто именно так и считает. И у них, увы, есть повод. В самом деле, очень многие демонстрируют

чисто животное поведение, — перегрызают друг другу глотки в соперничестве за территорию и самок, ведут себя как хищники или как добыча, коротают свои дни за грызнёй, едой, сном и спариванием. Максимально ориентированная на будущее деятельность для них — выращивание потомства и создание запасов, подобно какому-нибудь грызуну. Неудивительно, что они видятся друг другу животными, а свой мир воспринимают как дикий лес. А ведь на самом деле они давно уже вырвались из этого леса, они — люди, у них есть достойные людей цели, и есть способности этих целей достичь. Для этого им и дана жизнь. Выживание — это хорошо, это правильно. Но оно нужно не для того, чтобы бесконечно длить полуживотное существование, которое, на самом деле, мало кому в радость. Человек живёт для того, чтобы ставить себе человеческие цели и осуществлять их. А это значит, что невозможно нормально жить, не глядя в будущее.

Каждый из нас должен совершенствоваться сам и стараться сделать мир лучше. Совершенствоваться — не означает просто оттачивать навыки выживания, которые часто рассматриваются как умение лучше прятаться, изобретательнее лгать, ловчее воровать и больнее кусаться. А совершенствовать мир — не означает просто укреплять своё логово и повышать его комфортность. Совершенствоваться — значит менять себя к лучшему, избавляться от дурного в себе и культивировать благое. Совершенствовать мир — значит делать его более безопасным, удобным и прекрасным для всех. Делать его таким, чтобы следующие поколения, которые будут жить в нём, имели возможность и опору, чтобы шагнуть

в этом ещё дальше. Смысл ведь в том, чтобы и каждый отдельно взятый человек мог выполнить своё предназначение и внести свой вклад в жизнь и эволюцию Вселенной, и чтобы всё человечество в целом могло выполнить своё предназначение, заключающееся в том же. А это — задача на будущее, личное и общее. И свою жизнь нужно ориентировать на её выполнение. Для этого человеку дано всё то, чем он обладает, — от самой жизни и разума до чувств и талантов. Мы не просто существуем здесь и сейчас. Мы идём в будущее. Более того: мы его создаём.

Сегодня существует ради завтра. Наше завтра, и личное, и общечеловеческое, должно вырастать из нашего сегодня, как дерево вырастает из семени. Иначе в том, что мы делаем сегодня, не было бы никакого смысла. Смотреть вперёд и двигаться вперёд, познавать существующее и создавать новое, достигать целей и в процессе становиться сильнее и лучше, вот это — жизнь. Настоящая человеческая жизнь, о которой потом не приходится сожалеть как о том, что пропало зря. Учение призывает жить так и учит жить так. Жить, понимая, что завтрашний день важнее сегодняшнего. Твой день и всего человечества. Сегодня должно быть вкладом в завтра. Иначе завтра в самом деле может однажды просто не наступить.

Нет, это не примитивный мечтательный романтизм, не те же розовые очки, только со стёклами в звёздочках. Я вполне понимаю, что если будет становиться всё больше тех, кто меньше переживает за себя сегодня и больше переживает за мир завтра, то будут находиться ушлые деляги, которые станут на них паразитировать, обустраивая своё собственное удобное сегодня. Так и произойдёт. И чтобы помешать этому произойти, людям, стремящимся позаботиться о лучшем завтра для всех, нужно действовать вместе. Нужно помогать друг другу, поддерживать друг друга, защищать друг друга. Нужно быть единым сообществом, коллективом, иметь единое видение реальности, единое понимание целей и общую программу действий. Иначе это будет разброд, пусть и с лучшими намерениями, и кормушка для негодяев. А получится ли в такой ситуации достичь существенных успехов — большой вопрос.

Надо ли уточнять, что средством для того, чтобы организоваться и успешно действовать, я считаю Учение? Оно не просто призывает к чему-то, но и является путём для достижения этого. Если оно говорит, что сегодня существует ради завтра, то оно может и обосновать это, и предложить средства для воплощения озвученного принципа в жизнь. Как именно? А это уже другая тема. И не одна.

© Атархат, 2023

Это расплывчатое понятие — «родина»

Когда государство требует от человека умереть,
оно называет себя Родиной.
Бертольд Брехт

В наше время, когда в политику втянуты даже те, кто от неё далёк, слово «родина» стало, наверное, одним из самых часто употребляемых в официозе и публичном пространстве. Причём я хочу подчеркнуть именно его политизированность. Ведь по идее, родина — это что-то близкое, тёплое, уютное, что-то очень личное. А тут это понятие превращается в государственный термин, указующий и обязывающий, это слово пишется с заглавной буквы, оно вопит и грохочет, и даже пугает, — потому что попробуй не проявить должного уважения, смешанного с почти религиозным трепетом, и быстро узнаешь, почём фунт лиха. При этом для многих оно — просто привычный штамп, задумываться над смысловым содержанием которого непривычно. Да и зачем? Всё же просто и понятно. Родина — это родина.

А вот нет. С родиной всё далеко не так просто, как кажется. Уже хотя бы потому, что не вполне понятно, что оно означает. Думаю, будет интересно

немного поговорить об этом.

На самом деле тут всё весьма расплывчато. Что считать родиной? Вот во времена моего детства в ходу было понятие «советская Родина». Хорошо, а не советская — это какая? Это другое государство? Но какое отношение оно имеет ко мне, коли потребовалось делать уточнения? Или это нечто более локальное внутри советской Родины? Так ведь упомянутое нечто тоже советское, разве нет? Но это так, просто к слову. Самое же главное в том, что официальное представление о Родине насаждает государство, которое при этом ставит знак равенства между Родиной и собой. То есть Родина (здесь именно с заглавной буквы) — это государство, в данном случае, для народа, преподносимое больше как территория, нежели как аппарат управления территорией. Родина — это страна, а у страны есть карта, на которой обозначены границы. Родина — то, что внутри границ. Именно так. А иначе государству невыгодно. Ему нужно, чтобы его воспринимали как целое, любили как целое и защищали как целое. Потому что если население будет понимать под «родиной» нечто более локальное, то и сфера любви и защиты для него сузится. На месте государства — особенно если оно крупное и многосоставное — вдруг обнаружится куча разных родин, уроженцам которых будут интересны свои родины и не будет дела до чужих. Тут и до сепаратизма недалеко. История изобилует такими примерами. Так что вот вам географическая карта — и будьте любезны любить и жаловать. А всякие там «малые родины» — ну, вроде как да, имеются... Но налоги вы платите не им, и защищать пойдёте территории, которые не имеют с ними ничего общего, кроме центрального правительства.

Ну, пусть так. А что насчёт границ? Они ведь меняются. Страны появляются и исчезают, прирастают территориями и убывают. Вот карта твоей Родины, актуальная на сегодняшний день. А вот карта N-летней давности, из которой видно, что за это время отпало несколько территорий. Вопрос: они Родина или нет? Если нет, то это странно. Ведь не может же определение Родины быть завязано на твою персону и быть актуальным только во время твоей жизни. Те территории больше не являются Родиной только потому, что лично ты их не застал в её составе? Ладно. А вот твой дед, ныне живущий и здравствующий, или даже не твой, неважно, — вот он застал. Они были его Родиной. Те земли, горы, леса, реки. Он любил их как часть свой страны, защищал, пел о них песни, клялся им в верности. А что теперь? Они больше не Родина, потому что какие-то люди изменили границы? Куда же всё девалось? Это тогда на самом деле не было Родиной, и всё было обманом, или оно и сейчас продолжает оставаться Родиной, а сегодняшнюю географическую карту можно отправлять в макулатуру? А если

представить, что в будущем твоя страна присоединит какие-то территории, то что же тогда получается, — они уже Родина, только никто не в курсе? Или как? Выходит, Родина в смысле «государство» — фикция, воображаемая величина, которую можно менять как угодно? Это не место, где ты родился, а что-то, что просто назвали так, назначили Родиной, исходя из сегодняшних актуалий, и переназначат, когда будут исходить из актуалий завтрашних?

Ну а если вдруг страна прекратит своё существование и исчезнет с карты, ты будешь сидеть и плакать о том, что потерял родину? Но как можно её потерять: земля, где ты родился, она ведь никуда не делась. Она есть, несмотря на то, что страны нет. То есть родина и страна — всё-таки не одно и то же, надо так понимать.

В таком случае на первый план, видимо, выходит родина в более узком смысле слова. Хорошо, а в насколько узком? Люди часто называют родиной свой родной город. Потому он и родной, ибо «родина» — это место, где ты родился.

Однако тут мы сделаем небольшое отступление и отметим, что между понятиями «родина» и «отчизна» часто ставят знак равенства. Особенно любит это делать государство, когда ему что-то очень нужно от своих граждан, — например, чтобы они шли воевать за него. Тогда звучат патетические призывы защитить Отчизну и т.д. И такой подход вносит путаницу. Потому что «отчизна» — земля отцов. А если твои родители эмигрировали, и ты родился уже в новой стране жительства? Тогда «отчизна» и «родина» для тебя — разные страны. А если твоя отчизна (страна, откуда происходят твои предки) воюет с твоей родиной (страной, где родился ты), то правильно будет защищать родину или отчизну? Это я к тому, что нарочитое упрощение, сливающее два понятия в одно, чаще всего имеет политико-пропагандистский окрас и ориентируется на тех, для кого это в самом деле одно и то же. Может, таких и впрямь большинство, — однако это не отменяет того факта, что мы здесь имеем дело с разными понятиями, которые могут совпадать, а могут и не совпадать. Поэтому их априорное объединение в рамках одного смысла, как бы по умолчанию, является ярко выраженным пропагандистским приёмом, призванным давить на эмоции.

Однако же, идём дальше. Город (или деревня) как родина. Зачастую город плюс та территориально-административная единица, в которую он входит. Люди, у которых такая родина совпадает, обычно называются земляками, и на этом основании чувствуют некую близость. У них имеется нечто общее, что их объединяет. Особенно остро это ощущается, когда они оказываются на чужбине, — причём даже не обязательно в чужой стране, но и на другом конце своей страны, если она достаточно велика. Тут они друг для друга свои, они могут каким-то образом объединяться, оказывать друг другу поддержку, защищать друг друга.

Ведь они — земляки, у них общая родная земля, родина, и это обязывает. А вот когда они дома, в своём городе, они могут даже враждовать, потому что, например, происходят из разных районов. Тут уже речь идёт не о родном городе, а о родном районе. Иногда даже об улице. Так что же является родиной? Возьмём минимальный масштаб и предположим, что родина — это дом, где ты родился. Отчий дом. Тоже отчизна, в некотором смысле. Однако если уж говорить начистоту, прямо вот так вот сужая рамки, то ведь рождаются-то люди, в основном, не дома, а в роддомах. Получается, твоя подлинная родина — участок земли, на котором построен роддом, где тебя произвели на свет. Так, что ли? Но это выглядит как какая-то сатира, или даже как откровенный фарс. Ну ладно, пусть будет отчий дом. А если он вовсе и не отчий, а арендованный, если это съёмная квартира? А если ты родился в самолёте, или на корабле, в международных водах, или просто в зарубежной поездке родителей? Родину тогда придётся приравнивать к их гражданству? Или же к их национальности, с которой всё тоже может быть очень и очень непросто?

Так что же является родиной? Роддом, дом родителей, улица, район, город, некая географическая область? Некая территориальная единица внутри большой страны, выделяемая национальному или иному признаку, — республика, автономная область, штат и т.д.? Вся страна целиком? Но даже если последний вариант, то я, честно говоря, сомневаюсь, что такой человек будет ощущать каждый город и каждое село своей страны как родное. Вот просто не верится, да и всё тут.

По итогу всего сказанного получается, что родина — это нечто неконкретное, крайне расплывчатое и туманное, почти призрачное. Наиболее чёткие очертания это понятие принимает в государственной пропаганде, — и это зачастую становится предзнаменованием крупных неприятностей для населения.

Кто-то скажет, что родина — это то, что ты сам считаешь родиной. То есть для кого-то — родительский дом с подворьем, для кого-то — город, для кого-то — страна. В принципе, тут сложно что-то возразить. Кроме того лишь замечания, что если так, то о родине правомерно говорить по отношению к отдельным людям, и неправомерно по отношению к сколь бы то ни было большим группам. Потому что в комнате может находиться несколько человек, все уроженцы одной страны, но у каждого будет своя отдельная родина. Она становится чем-то настолько индивидуальным, настолько истончается по смыслу, что практически теряет актуальность за пределами психики конкретного человека. А как общественное явление полностью отдаётся на откуп пропаганде, превращается просто в инструмент манипуляции. Что, как минимум, грустно.

Вы спросите, а что же тогда могу предложить я? Что будет правильно считать родиной? Но я отмечу особо, что ничего не предлагаю. Просто ставлю проблему, обрисовываю её в самых общих чертах. Над тем, что здесь правильно, нужно думать, рассуждать, мозговать. Вырабатывать универсальный подход, — если он вообще возможен. Что же до меня лично, то я точно знаю одно: я родился на планете Земля. И если я воспринимаю нечто как родину, то в первую очередь её, планету. Об остальном можно спорить.

Есть ещё интересный вопрос: а можно ли говорить о таком понятии, как «духовная родина», что оно могло б означать и какое значение оно может иметь? Но это тема уже для другого разговора. Будем надеяться, что он не за горами.

© Атархат, 2023

А ведь хотели как лучше

Хотели как лучше, а получилось как всегда.
В. Черномырдин

О сектах можно говорить очень долго. И о них говорят. В основном, как о чём-то вредном или устрашающем. Было дело, и я писал о так называемых «деструктивных сектах», — в том ключе, что из-за некоторых бедокуров подрывается доверие к нормальным, полезным духовным сообществам, и всех начинают стричь под одну гребёнку. Однако тема сект гораздо шире рассуждений о том, чем они могут быть вредны для общества. Хотя именно этот её аспект сейчас наиболее востребован, — уж не буду здесь объяснять, по каким причинам. Я собираюсь затронуть другой момент означенной темы. Хочу поделиться некоторыми мыслями относительно обстоятельств возникновения сект.

Что такое секта? Согласно определению, это группа, отколовшаяся от религии по причине расхождения во взглядах на доктрину, отправление культа и т.д. То есть группа верующих, понимающих те или иные моменты религии иначе, чем её глава или, говоря шире, руководство. Группа несогласных. Они могут по-своему трактовать какие-то элементы мировоззрения, иначе толковать какие-то места из Священных Писаний, считать, что определённые части ритуала должны выглядеть

иначе, или ещё что-нибудь, или всё вместе, или по отдельности, или в разных сочетаниях. Словом, они убеждены, что что-то понимается или делается неправильно, и что такое положение необходимо исправить.

Это стремление исправить, направить по верному пути, — ключевой момент. Обычно находится кто-то, кто объявляет нечто неверным, ошибочным, и предлагает свой вариант, который отличен от, так сказать, генеральной линии руководства. У него находятся сторонники, которые идеологически группируются вокруг него и поддерживают его точку зрения. В итоге образуется ответвление от религии, новая община, в которой практикуется то, что вытекает из особого мнения, которого придерживаются её члены. Это, собственно, и есть секта. Я немного упрощаю, схематизирую, чтобы не прибегать к громоздким определениям и описаниям с использованием специфической терминологии, — но суть от этого не меняется.

Итак, находится человек или люди, считающие, что нечто понимается или делается неправильно. Они начинают отстаивать свою позицию, доказывать свою правоту. Почему они это делают? Вряд ли из простого желания поспорить или из врождённой склочности. Они, скорее всего, делают это из самых лучших побуждений. Из стремления исправить ошибку, — или то, что они считают ошибкой. Конечно, могут быть такие, которые попросту претендуют на духовную — или не только духовную — власть в данной религии. Но эти нам сейчас неинтересны, потому что в своих эгоистических целях они могут использовать как инструмент что угодно. Могут быть и такие, которые услышали «глас свыше», приказавший им пойти вразрез. Но речь сейчас и не о них, потому что тут, весьма возможно, начинается уже область психиатрии. Нас, в контексте нашей беседы, интересуют те, кто хочет, чтобы было лучше для всех.

Их можно понять. Ведь чем больше в религии ошибок, тем менее пригодной она становится для того, что является её функциями. Она уже не показывает стройной картины мира, не обеспечивает коммуникации между людьми и высшими силами, не даёт утешения, не ведёт к спасению или иной заявленной цели. Она перестаёт быть тем духовным путём, каким призвана быть. И неудивительно, что в её лоне находятся люди, старающиеся не допустить подобного. Было бы гораздо более удивительно, если бы таких не находилось.

Они выступают со своей точкой зрения, предлагая её для всеобщего принятия. Это может происходить по-разному, — например, в виде открытого диспута, в виде проповеди, в виде написания полемических или иных текстов и т.д. Их точка зрения, понятное дело, противоречит официально принятой, и потому обычно осуждается как ересь и отвергается. Осуждаются и они сами. При всём при том у

них чаще всего находятся последователи, составляющие общину, религиозная практика и жизнь которой, как они убеждены, больше соответствуют духу и букве исповедуемой религии. Происходит раскол, — иногда более масштабный, иногда менее. Так ли или иначе, в любом случае вместо одной традиции возникает две, соперничающие или откровенно враждующие и борющиеся за последователей. Что, конечно же, никак не идёт данной религии на пользу, не делает её сильнее и стабильнее. А там, глядишь, и ещё один раскол приключится. А потом и раскол в отколовшемся течении. Там ведь тоже рано или поздно отыщутся несогласные. И пошло дробление.

Это происходит постоянно. В крупнейших религиях в совокупности насчитываются уже тысячи течений, направлений и сект. Так дерево из одного ствола пускает множество ветвей, веток и веточек. Только для дерева это нормально и хорошо, — а для религии...

Ветвление делает её слабее. Вот она была более-менее единой и крепкой, а вот она уже существует в виде нагромождения сект, враждующих и между собой, и с материнской конфессией. Хотя её-то материнской никто из них обычно не считает, а считает самым главным гнездом отступников, сошедших с верного пути. Вражда порой достигает такого накала, что происходят кровопролития, войны, казни еретиков и прочее, ужас чего усугубляется тем, что это же ведь, по большому счёту, единоверцы. Но даже если резни не происходит, хорошего всё равно мало. Течения тратят силы, время и ресурсы на критику друг друга, на переманивание приверженцев. А те, не говоря уж о потенциальных последователях, теряются в этой мешанине, тонут в сомнениях. Где Истина? У кого она, если все эти духовные наставники и святые клеймят друг друга как глупцов и лжецов? В результате люди разуверяются, или перестают доверять авторитетам и религиозным предписаниям, или вообще изобретают себе личные формы веры, — этакие микросекты из одного последователя. Да и реноме в глазах религий-соперниц тоже подрывается. Всё это делает данную конкретную религию рыхлой, неустойчивой, менее авторитетной, менее привлекательной, и в итоге менее жизнеспособной. Сектантство расшатывает и разрушает её.

А ведь те, кто провоцировал её расколы, действительно хотели как лучше. По их мысли, все должны были отказаться от неправильной и вредной для веры точки зрения, принять их точку зрения, безусловно правильную, и религия должна была оздоровиться и укрепиться. Но так не получается. Более того: потом уже в их сектах найдутся те, кто, вдохновившись их примером, пойдёт по их сомнительному пути. По пути благих намерений, ведущих религию в данном случае именно туда, куда указывает известное изречение.

Вот я и думаю: как же грустно, что столь благие побуждения приводят к такой вот катастрофе. Потому что дробление на секты для любой религии — катастрофа, однозначно. И ещё грустнее видеть, что, несмотря на тысячи примеров, и из далёкой истории, и современных, всё это продолжается. Кажется, никто ничему не учится. Все продолжают думать, что путём взращивания противоречий можно что-то починить. Не пора ли понять, что в данном случае это так не работает?

Хочется сказать такому деятелю следующее. Да, ты понял, что то-то и то-то, оказывается, неправильно, и ты стремишься объяснить это всем, открыть им глаза. Однако противопоставлять свою точку зрения точке зрения тех, кто стоит во главе религии, значит во всеуслышание заявлять, что крупнейшие её авторитеты и руководители ошибаются, и что по их вине верующие введены в заблуждение. Этим ты подорвёшь доверие и уважение к самому духовному пути. Ну а где гарантия, что ты всё понимаешь лучше них и что именно твои соображения правильны? Гарантия — твоя уверенность в том, что ты самый умный и проницательный? Безусловно, в таких благих побуждениях присутствует ясно различимый элемент гордыни. Ну в самом деле, ты же не можешь понимать неправильно. А вот они ошибаются, это же ясно! Только потом и на тебя найдётся свой гордец, который ни во что не поставит твои знания и твой авторитет. Что ещё? Доводы? Но доводы твоих оппонентов, скорее всего, не менее убедительны, а то и более.

Но допустим даже, что ты прав, а они и впрямь заблуждаются. Что от этого принципиально меняется? Всё вряд ли получится что-то исправить таким способом. Ты, опять же, нанесёшь удар по авторитету религии, внесёшь раздрай и раскол, что совершенно точно не пойдёт ей на пользу, а только во вред. Это называется «медвежья услуга». Хотел помочь, но только сломал. Одних добрых побуждений недостаточно. Для их реализации нужны годные методы. Какие? Думай, ищи. Может быть, удастся что-то сделать исподволь, постепенно. Переубедить со временем. Повлиять на умы без вхождения в конфронтацию. Может быть, это получится уже не у тебя, а у нового поколения твоих единомышленников. Но что тебе важнее — привлечь внимание к себе лично, или чтобы дело завершилось успехом и религия в итоге оздоровилась? Что-что? Я не расслышал...

Опять же, возвращаясь к мысли, что ты вовсе не обязательно прав. Может быть, впрямь стоит сделать такое допущение и оставить свои соображения при себе? В интересах поддержания дисциплины, невнесения раздора и сохранения единства. Да, тебе очень хочется верить, что ты прав, и что ты сейчас всё исправишь и всех спасёшь. Но это — посмотри правде в глаза — без гарантии. А

вот навредишь ты практически наверняка. После такого лечения организм станет ещё более больным и слабым. Примеров тому — не счесть. Или все другие были олухами, а ты один — умница? Что ж, поздравляю: в гордыне ты действительно сделал выдающиеся достижения. Этого у тебя не отнять.

Вот так, примерно. Это даже не то чтобы доводы а, скорее, констатация того, что ситуация очень сложна.

В самом деле, как тут быть? Если ты видишь, что в твоей религии что-то неправильно, нехорошо, следует ли выступить против этого, следует ли сделать что-то, чтобы исправить положение? Ответ как будто очевиден: да, конечно. Молчать нельзя, и надо что-то делать. Однако опыт показывает, что такое выступление практически гарантированно — в сотнях или даже тысячах случаев против единиц, буде таковые имеются — приводит к противоположным результатам. Это как увидеть, что человек заболел, и нужна операция, но в то же время знать, что оперативное вмешательство с вероятностью 99,99% приведёт к осложнениям, которые только ухудшат его состояние. Что делать? Резать, надеясь, что именно в твоём случае произойдёт чудо? Или не вмешиваться, чтобы не навредить ещё больше? Или искать другие способы лечения, — хотя не вполне понятно, какие?.. Если ничего не делать и молчать, не высказывая протеста, то выглядит это, скажем так, не очень. Плохо выглядит. Но с другой стороны, выступать, зная, что ты не поможешь, а только расшатаешь здание, да ещё с вероятностью того, что ты всё-таки неправ, — не означает ли это намеренно идти на причинение вреда? Не преступление ли это по отношению к религии, которой ты, вроде как, стремишься помочь? Где выход из этого противоречия? Есть ли он вообще?

Что из двух вариантов ни выбери, всё будет плохо. Так что нужно постараться выбрать меньшее из зол. Мне представляется, что надо быть скромнее, не спешить считать себя умнее всех и не расшатывать единство. Так религия будет здоровее. Если что-то и нужно делать, то как-то иначе, более постепенно и плавно, не доводя дела до расколов. Как именно, надо смотреть в каждом конкретном случае.

Вот, по большому счёту, и всё, что я хотел сказать. По сути, просто обрисовать проблему. Ведь сектантство — явление в самом деле вредное. В первую очередь, для самих религий. И если понимать, что большинство сект возникло в результате попыток что-то исправить и улучшить, то остаётся только печально удивляться тому, как благие намерения могут не строить, а разрушать, и как плохо люди учатся на чужих ошибках.

Ну и в качестве финального замечания добавлю, что на ум сразу же приходит другая область человеческой деятельности, где всё обстоит похожим образом.

Это политика. Политическая партия — как религия, со своей доктриной, верой/убеждённостью, правилами, мероприятиями, главами и наставниками. И в ней точно так же происходят расколы, и практически по тем же причинам. И существует понятие «партийная дисциплина», по принципу придерживания своих личных мнений и амбиций и следования общему курсу, чтобы как раз не допустить в партии расколов и дробления. Вполне можно проводить аналогии. Это позволяет как увидеть данную проблематику с новых ракурсов, так и сделать некоторые любопытные обобщения. Словом, тут есть над чем подумать.

© Атархат, 2023

Рабочие маски политики

— Вы такие умные, что меня от вас тошнит, — сказал Клозе.
— С другими парнями можно поговорить о бабах, футболе и пьяных дебошах, а вы постоянно треплетесь о политике, религии, философии и прочей ерунде.
С. Мусаниф. «Имперские танцы»

Слышали ли вы когда-нибудь утверждение, что спорт должен быть вне политики? А искусство? А наука? Уверен, что слышали. Причём особенно часто и настойчиво об этом говорят в последнее время, ввиду текущих событий. Я имею в виду войну. Причём такие утверждения особенно часто используются как пропагандой страны-агрессора, так и теми, кто агрессору сочувствует, либо не хочет портить с ним отношения. Либо же теми, кто саму агрессию не одобряет, но является уроженцем или гражданином страны-агрессора и переживает за её судьбу. Это само по себе уже говорит о многом.

Тема-то в любом случае интересная и важная. К тому же, сейчас снова особенно актуальная. Поэтому было бы неплохо рассмотреть её чуть пристальнее. Вопрос прост: в самом ли деле наука, искусство и спорт могут держаться в стороне от политики?

Начнём в заявленном порядке, то есть с науки. Она имеет огромное значение для государства. Во-первых, она двигает вперёд технический прогресс. А что это означает? Это означает новые технологии добычи полезных ископаемых, переработки, транспортировки грузов и так далее. Развитие производящей промышленности. Развитие транспорта как такового. Это энергетика. Это средства связи. Это медицина, образование. И ещё много чего, — вплоть до оружия. Атом ведь тоже не остался мирным. Без успехов науки не было бы атомной бомбы. Таким образом, наука обеспечивает государству всё то, что делает его сильным, — от здорового и образованного населения до финансов и военной мощи. Это всегда влияет на внутреннюю политику, и это, фактически, делает политику внешнюю. Государство, существенно отстающее от других государств в научно-техническом плане, едва ли сможет играть серьёзную роль в международной политике и, так сказать, в судьбах мира. Не факт, что оно сможет даже просто существовать. Во-вторых, наука — это авторитет и престиж. Талантливые учёные и их достижения создают своей стране имидж, придают ей вес, обеспечивают ей участие в международных научных проектах, и прочее, и прочее. Всё это — и во-первых, и во-вторых — даёт стране возможность осуществлять свою политику. Наука, по факту, является инструментом политики, её оружием. Нормально это или нет — другой вопрос. Правда в том, что так есть.

Теперь искусство. Оно может быть много чем, — от психологической терапии до средства зарабатывания денег, от средства воспитания до развлечения. Но кроме того, оно является показателем качеств народа, его талантов, его творческих потенций, интеллекта, силы духа. Искусство тоже создаёт государству определённый имидж в мировом сообществе. С этим связан следующий момент: искусство — мощнейшее средство культурного влияния на другие государства и народы. В особо запущенных случаях — даже культурного их подчинения. А это один из эффективнейших инструментов политики. Затем, искусство — средство раскрутки и продвижения идеологии. Любой. С его помощью можно навести лоск даже на самые неприглядные идеи, красиво упаковать их и экспортировать куда угодно. Ну и, конечно же, искусство — безотказное средство собственно пропаганды, как внутри страны, так и вовне. Оно может облагородить человека, но оно может и превратить его в самое настоящее чудовище, исполненное высокомерия, злобы и ненависти. Пропаганда, использующая искусство как свой инструмент, представляет собой подлинное супероружие в руках политики.

Ну и спорт. Это тоже показатель определённых качеств народа, — например, физических и волевых. Это участие представителей страны в международных соревнованиях, это достижения, используемые для повышения её имиджа, это

способ держать её в фокусе всеобщего внимания. Это средство поддержания патриотизма. Это средство рекламы чего угодно, от бизнеса по производству спортивного инвентаря до той же идеологии. И много что ещё. А значит — тоже действенный политический инструмент.

Вот так всё это выглядит, в самых общих чертах. Очень красноречиво, даже если не углубляться в детали, не правда ли?

Так можно ли всерьёз утверждать, что наука, искусство и спорт могут оставаться вне политики? Видимо, нет. Заявления же, что они не только способны, но и обязаны быть вне её, могут делать либо крайне наивные люди, либо как раз те, кто занимается их — науки, искусства и спорта — использованием в политических целях или поддерживает таковое. Любое правительство, любой режим занимается этим. Если нужен яркий исторический пример, то вспомните гитлеровскую Германию. Её учёные работали над созданием атомной бомбы, которая должна была обеспечить победу в войне, её искусство прославляло арийскую расу и убеждало в её превосходстве над прочими расами и народами, она принимала у себя Олимпийские игры, превращая их в мероприятие по пропаганде нацизма, в той или иной форме. Другой пример, не менее яркий, — Советский Союз. Об успехах советской науки трубили на весь мир, искусство пропагандировало советскую идеологию и образ жизни, и достижения советских спортсменов тоже были предметом гордости и средством влияния.

Так было, и до сих пор ничего принципиально не изменилось. Только арсенал технических средств пропаганды и её психологических приёмов расширился. Государство — не обязательно тоталитарное — не может отказаться от таких инструментов. Они продвигают влияние, — а это нужно всем. Диктаторским же режимам это нужно особенно. Потому что когда в стране проблемы с соблюдением прав человека, или вообще царит откровенный террор, становится жизненно необходимо предъявить международному сообществу хоть что-то положительное, — например, спортивные достижения или научные открытия. Это помогает диктатурам держаться на плаву в плане международных отношений, сохранять хотя бы остатки престижа, вообще представать в хоть немного человеческом виде. А значит, поддерживает их существование.

В этом свете особую остроту приобретает вопрос о том, можно ли и нужно ли прилагать усилия к ограничению культурного влияния диктатуры или государства-агрессора, закрывать его спортсменам доступ на международные соревнования, а его учёным — в международные научные проекты. Не являются ли те, кто выступает против таких мер, опосредованными пособниками агрессора? Они заявляют, что спорт, искусство и наука должны быть вне политики, — но это, как мы видим, нереально. А значит, подобные заявления спекулятивны, и сами по себе носят пропагандистский характер. Ещё они упирают на то, что все эти учёные, спортсмены и деятели искусств не виноваты в том, что делает их страна. Ну, во-первых, некоторые из них, если не большинство, это одобряют и поддерживают. Либо потому, что имеют определённые моральные проблемы, либо потому, что являются идеологическими фанатиками, либо потому, что трактуют патриотизм как обязанность поддерживать свою стану и представляющий её режим в любом случае, что бы она ни совершала. Во-вторых, даже если эти люди сами ни в чём не виноваты, то, что они делают, превращается в средство пропаганды преступного режима. Их используют. Сами того не желая, они становятся идеологическим оружием. И будет ли правильным решением никак не защищаться от этого оружия? Топор тоже рубит не сам, а по чьей-то воле, — но означает ли это, что от его удара не нужно прикрываться щитом?

Замечу, что здесь я не предлагаю конкретных решений, а ставлю проблему. Всё обстоит вот так — и что с этим делать?

Вернёмся к приведённой мною аналогии. Вы скажете: «Человек — не топор. Он обладает свободой воли. Нельзя низводить его до уровня вещи». И будете абсолютно правы. Но вопрос в том, кто низводит. Неужели я? Нет. Я лишь констатирую факт. Низводит же государство, относящееся к своим гражданам как к вещам и использующее их в качестве инструментов своей политики. Они —

люди. И тем сложнее оказывается проблема. Получается, что они в ловушке. Такой человек ни в чём не виноват, он занимается любимым делом, и занимается успешно, — однако он должен отдавать себе отчёт касательно того, как это может быть использовано диктатурой или милитаристским режимом. Что ему делать в такой ситуации? Признать себя вещью? Смириться и продолжать, сохраняя вид наивности и непонимания, что происходит? Продолжать, всё понимая и не скрывая этого от себя, но приводя самому себе довод, что это твоя работа, она нужна стране, и ты должен её делать? Сознательно встать на сторону режима и принять активное участие в пропагандистской деятельности, тем самым сделавшись соучастником преступлений? Бросить дело своей жизни, чтобы не дать возможности использовать его во зло? Открыто выступить против режима и попасть под удар? Выбор есть, есть куда применить свою свободную волю, удостоверяя прежде всего себя, что ты — не безмолвный предмет, не вещь. Выбор есть, — однако тому, кто вынужден выбирать из таких вариантов, не позавидуешь. Самый настоящий капкан.

Каждый выбирает сам. Поддаваясь страху или преодолевая его. Следуя совести или стараясь заглушить её голос. Прячась за благородные отговорки или отбрасывая их. Даже если тебе приставили нож к горлу, всё равно тебе решать, что будет дальше.

Настало время для краткого резюме. Оно будет заключаться в следующем. Первое: наука, искусство и спорт не могут оставаться вне политики. Их используют не только преступные режимы, — но их всё равно используют в политических целях. Второе: политика не только использует их активнейшим образом, но и попросту выступает от их имени, обделывая свои дела. Они — её рабочие маски, которые всегда функционируют и которые она поворачивает как хочет. Третье: множество людей, работающих в этих сферах, оказываются заложниками ситуации, из которой практически невозможно выйти без потерь. Перед ними встаёт сложный моральный и, шире, жизненный выбор, который приходится делать в любом случае, — ведь отказ его сделать и уход в пассивность тоже будет сознательным и вполне конкретным выбором.

Возможно ли здесь что-то изменить, или так будет всегда? На первый взгляд, ничего поделать нельзя. И это правда: пока мир будет оставаться таким, каков он сейчас, — разделённым, боящимся, враждующим, соперничающим, манипулирующим, — изменить положение дел вряд ли получится. Сначала должен измениться сам мир, человечество должно осознать себя по-новому, изменить свою жизнь. Нужно, чтобы образовалась новая почва, — и тогда смогут созреть новые плоды. Ну а пока... А пока — «Нате вам Шарикова, ешьте его с кашей!». Что люди создали сами, то они и имеют. Ведь эта тяжёлая ситуация не возникла вдруг, ниоткуда, сама собой, и её не послали боги. Человек — творец не только своего счастья, но и своего несчастья.

Утешает одно: если человечество само выстроило свою жизнь криво, то оно же само может перестроить её так, что будет не стыдно за проделанную работу. Как именно? Давайте искать возможности и способы.

© Атархат, 2023

Общая концепция цивилизации

Не будем прибегать к длинным вводным рассуждениям и начнём сразу с констатации достаточно очевидного и уже навязшего в зубах факта: с человечеством не всё благополучно.

Вроде бы, что в этой мысли такого особенного? Покажите мне что-то, с чем всё благополучно. Неблагополучность чего бы то ни было — нормальное состояние этого чего бы то ни было. Иначе оно было бы идеальным, — а идеала, как тоже общеизвестно, не бывает. Так-то оно так, но... Бывает неблагополучно, а бывает НЕБЛАГОПОЛУЧНО. Люди — не самые глупые и безответственные создания. А человечество существует очень давно. Даже если не брать в расчёт то, что говорит об этих сроках Учение, и ограничиться текущими данными официальной науки, всё равно это десятки тысяч лет. Мягко говоря, впечатляюще длинная история. И что мы имеем в виде её плодов на сегодняшний день? Да, — самолёты, орбитальные станции, компьютеры, сложные медикаменты, небоскрёбы, развитое искусство и ещё кое-что полезное. Но что скрывается под этим великолепием? Ожесточённая борьба за выживание, как в древности, люди,

принципиально мало отличающиеся от первобытных дикарей, всегда готовые треснуть ближнего дубиной по голове, в огромной доле или даже в большинстве эгоистичные, часто жестокие, порой грязные, периодически не желающие активно использовать свой мозг, — и в этом последнем они даже более дремучи, чем их далёкие предки. И как апогей большой дубины — ядерное оружие, как и разное прочее, ровняющее города с землёй и могущее в любой момент покончить со всем человечеством сразу. Развиваться десятки тысяч лет для того, чтобы бережно сохранить в себе дикаря и изобрести эффективные способы тотального самоубийства... Это даже не просто неблагополучие. Это явное отклонение в развитии, патология во всём её безобразии. Причём патология всего человечества в целом. У него в какой-то момент что-то определённо пошло не так. Или не пошло так, как надо, когда должно было пойти.

Масштаб происходящего заставляет предположить, что проблемы не у какой-то отдельно взятой эпохи, страны или нации, а именно у всей нашей цивилизации. Похоже, она развивается неправильно, движется в неверном направлении.

Здесь нужно немного задержаться и уточнить, что именно мы будем далее понимать под «цивилизацией». Слово-то привычное, но, как ни странно, единого общепринятого значения у него нет. Кто-то говорит о цивилизации просто как о достигнутом в древности уровне развития общества, когда стали возникать города, кто-то говорит о европейской цивилизации, об азиатской и т.д., а кто-то — даже о цивилизациях отдельно взятых народов или религий, как неком наборе их характерных особенностей и достижений. Нас же интересует глобальное определение цивилизации разумной расы, — в нашем случае, человечества. Дать такое определение, тем более, краткое, довольно сложно. Но давайте попробуем, и скажем так: цивилизация — это разумная раса в контексте совокупности её научных, технических, социальных, культурных, этических, политических, экономических и прочих достижений. В нашем случае это человечество на текущем уровне своего развития, со всеми его достижениями, образующими среду, в которой оно существует. Говоря максимально кратко и просто, человеческая цивилизация — это мы сами и всё то, чего мы достигли и что создали. Остановимся на этих формулировках, ибо их, в принципе, достаточно для понимания сути разговора.

Теперь вопрос: а что означает утверждение «С цивилизацией что-то не так»? Оно означает, что у неё большие проблемы с развитием. То есть вместо того, чтобы целенаправленно и успешно развиваться, обращать одни достижения в фундамент для других, и в результате становиться всё более просвещённой, гуманной, прочной, сильной и благополучной, она тормозит собственное

развитие, действует во вред самой себе (и соседям, если таковые имеются), расшатывает и разрушает себя, не может успешно продвигаться к своей цели. К какой цели? А вот это — вопрос преткновения.

Какова цель человеческой цивилизации? Её нет. Прозвучало неожиданно? И тем не менее, это так. Погодите возмущаться. Скажите сами, в чём её смысл. Кто-то ответит: в создании таких условий, когда люди смогут жить и наслаждаться и будут счастливы, — имея в виду материальное довольство, удовольствия, комфорт и безопасность. Я же назову такой подход примитивным. Это счастье грызуна в тёплой норке, где есть партнёр для спаривания, игрушка и запас пищи. Если человечество существует ради этого, то ему незачем было развиваться от уровня мелких млекопитающих эпохи гибели динозавров. Всё необходимое для такой жизни было уже тогда. Другая, более продвинутая точка зрения будет гласить, что смысл нашей цивилизации — в познании мира и освоении новых просторов. В познании — да. Но оно ведь не самоцель. Мы едим для того, чтобы жить, а не живём для того, чтобы есть. Познание нужно для чего-то, для достижения каких-то целей. Каких? Для означенного освоения новых просторов? Но чем тогда человечество отличается от колонии муравьёв, которые только и делают, что осваивают новые территории и строят новые муравейники? То есть это точка зрения хоть и более продвинутая, но удивительным образом роняющая нас до уровня уже даже не грызунов, а насекомых. Третья точка зрения соединяет две первые. Можно быть любознательными и просвещёнными, и в то же время наслаждаться жизнью на свежеосвоенных просторах. Ну да, ну да... Вечно разрастающаяся популяция муравьёв-гедонистов, исследующих свою планету, а затем и космос, который они бороздят на чудесах своей научно-технической мысли в поисках, где бы ещё удобно устроиться и что бы ещё сожрать... Очень привлекательная картина! Прямо до отвращения привлекательная.

К сожалению, современная научная мысль не может предложить внятного варианта ответа на вопрос о смысле и цели человеческой цивилизации. То, что скажет как учёный, так и обыватель, в итоге сведётся к выживанию как минимум и поиску хорошей жизни как максимум. Мы ставим себе высшей целью выжить и добиться того, чтобы жить хорошо и вольготно. К тому же, в основном, сводятся различные социальные и политические концепции. Можно сказать, что именно это было основной идеей человечества во все времена. Из первобытных времён она перекочевала в эпохи более цивилизованные, и пришла в наше время. Люди сегодня, как и раньше, стремятся выжить и жить хорошо.

А разве это неправильно? Правильно. Но этого мало. Выживание и благополучие — средство, но не цель. А они воспринимаются именно как цель, как

высшая ценность. Люди борются за это на протяжении всей истории. Однако особыми успехами в достижении желаемого им похвастаться не приходится. Они постоянно бедствуют, страдают, гибнут. Причём чаще всего по вине друг друга. Потому что эти ограниченные цели они ограничивают ещё больше, стараясь каждый для себя. Максимум — для своего народа или страны. В результате стремление к выживанию и благополучию оборачивается взаимной резнёй, угнетением и страданиями. Ведь выживать и строить себе хорошую жизнь приходится за счёт других. Борьба же за такие высшие цели сопровождается высшей степенью жестокости. Так было, и так продолжается. Нынешний уровень научно-технического развития цивилизации не может предложить ничего нового. Выживание и потребление. Познание, — но лишь чтобы выяснить, куда и как ещё можно расселиться и что потребить. И далее, уже в космосе, предлагается то же самое. Просто потому, что ничего лучше не придумали. Развиваться, чтобы заселять новые территории. Там развиваться, чтобы расселяться ещё дальше. Там питаться, плодиться, и снова расселяться. Зачем? А просто так. Ради самого процесса.

Вы спросите: «А как же духовные цели, предлагаемые религиями?». Я спрошу в ответ: а много ли вы знаете религий, предлагающих человеку цели более глобальные, нежели его личное духовное совершенствование, личное просветление, личное спасение и тому подобное? В крайнем случае — оказание влияния на ближних, чтобы они тоже уверовали, спаслись и т.д. Религиозные идеи обычно завязаны на высшие силы, которые и вершат судьбы мира. Людям же предлагается, в принципе, всё то же: выживание, только уже в мистическом смысле спасения души или чего-то вроде того, и благополучие, — при жизни, если высшие силы позволят, или после смерти, если заслужишь. Это никак не тянет на стержень, скрепляющий и направляющий цивилизацию. Для того, чтобы быть таким стержнем и формировать цель цивилизации, религии слишком мелочны и аморфны. Им не удаётся сохранять единство и прочность даже внутри себя. Может быть, религия годится для человека как личности, но не для человечества как цивилизации.

Итак, что мы имеем в итоге? Человечество, продвигающееся вперёд технически (да и то, до недавнего времени, через пень-колоду), но психологически застрявшее на стадии первобытной борьбы за выживание, и благодаря этому как раз усложняющее выживание, — и отдельным индивидуумам, и всему себе в целом. Подошедшее к опасной черте, когда разрыв между достижениями техники и уровнем психологии уже чреват глобальным суицидом, — как бы в насмешку над всеобщим признанием жизни тире выживания высшей ценностью. Не имеющее

внятного понимания цели существования собственной цивилизации, и потому либо смотрящее в будущее с растерянностью и страхом, либо переносящее туда пещерные представления. Всё это как раз и означает, что с нашей цивилизацией что-то не так, что у неё большие проблемы. Она словно бы потерялась, заблудилась сама в себе, при этом ещё серьёзно прихварывая как физически, так и душевно.

Не согласны? Ну так загляните в историю, внимательно посмотрите на наше настоящее, обдумайте известные представления о будущем. Только постарайтесь подойти к этому непредвзято, стараясь увидеть то, что есть, а не то, что хотелось бы видеть. Возможно, тогда ваше мнение изменится.

Что же может в этом плане предложить Учение? Для начала оно может предложить общую концепцию цивилизации. Пока очень кратко, в нескольких важнейших пунктах.

Пункт первый — само определение, что такое цивилизация человечества как разумной расы, что вообще следует понимать под этим термином. Его я уже дал выше, в максимально сжатой форме.

Пункт второй — необходимость цели, оправдывающей само существование цивилизации. То, что имеется сейчас, — просто жить и расширяться, — в качестве такой цели выглядит неубедительно. Потому что это процесс, а не результат. Прокладка дороги, которая будет идти всегда, но сама дорога так никуда и не приведёт. Выживание для человечества — средство, а не цель. Если у жизни нет цели, она теряет смысл. В том числе, жизнь целой цивилизации. И это не может закончиться ничем хорошим. Что же это может быть за цель? Если она не лежит в плоскости материальной культуры, жизни материального тела и достижений материального характера, будь то технические разработки или накопление богатств, значит, это цель более глубокая, выходящая за рамки мира материи.

Пункт третий — собственно цель. Согласно Учению, осознающие (т.е. разумные в привычном понимании этого слова существа) несут в себе частицы Духа, — того, что можно назвать душой Творца, душой Вселенной, — и должны совершенствовать их. Совершенствовать через познание мира, обретение понимания разницы между естественным и неестественным, правильным и неправильным, добром и злом, и совершения морального выбора между ними. Таким образом, главные задачи человека — понять, как устроен мир, понять своё место в нём, научиться делать верный моральный выбор и совершать поступки, делающие мир лучше, а не хуже. Это ведёт к совершенствованию Духа, что в будущем даст Вселенной-Творцу возможность перейти на новый уровень развития. Таково предназначение каждого человека в отдельности, как разумного

существа, и таково предназначения всего человечества в целом как совокупности таких разумных существ, действующих совместно. Соответственно, цель цивилизации — обеспечить человеку условия для выполнения его предназначения. То есть создание условий и возможностей для познания, морально-нравственного развития и практической деятельности на благо людей, мира и Вселенной. А отсюда следует, что ещё более далеко идущая цель человеческой цивилизации — внесение своего вклада в эволюцию Вселенной, в развитие Творца.

Пункт четвёртый — некоторые важные соображения, вытекающие из вышесказанного. Во-первых, нужно принципиально изменить подход к дальнейшему развитию и распространению человечества. Сейчас дело идёт по принципу «Развиваться, чтобы расселяться», тогда как правильным принципом будет «Расселяться, чтобы развиваться». Разница здесь огромна. Не делать целью научно-технического развития освоение новых пространств только для того, чтобы потом просто спокойно заниматься на них потреблением, а развиваться и осваивать новые пространства для того, чтобы находить там новые возможности для дальнейшего развития, прежде всего интеллектуального и морального. Во-вторых, — и это напрямую вытекает из во-первых, — нужно иметь своей главной целью не спокойную и комфортную жизнь, а развитие. Оно на самом деле плохо сочетается со спокойствием и комфортом. Скорее наоборот: оно подразумевает беспокойную жизнь, стремление к знаниям, постоянное движение вперёд, испытания в сложных ситуациях, преодоление препятствий, непростой моральный выбор, труд, активную творческую деятельность. Развивающийся человек — это не тот, кто строит себе тихую и комфортную жизнь потребителя, старается избегать треволнений и не нести ни за что ответственности. Это исследователь, жадный до знаний, борец, не пасующий перед трудностями и опасностями, труженик, не боящийся сложных задач и творческих вызовов. В-третьих, нужно понимать, что жизнь даётся ради совершенствования, и тем самым ради выполнения предназначения. То есть она — инструмент, и потому выживание, хотя оно и очень важно, не является самоцелью. Познание бывает сопряжено с рисками и опасностями, а правильный моральный выбор порой подразумевает страдания, и даже самопожертвование. Всё это нормально для человека, живущего именно как человек, а не как агрессивный хищник, тихий грызун, паразит или овощ. Важнее всего — интеллектуальное и моральное развитие и совершенствование Духа; выживание по сравнению с этим — второстепенная, подчинённая ему цель. Особенно если учесть, что каждый человек живёт не один раз, а много, и конечный результат его развития складывается из результатов

всех прожитых жизней.

Итак, кратко суммируем. У человека и человечества есть цель — путём собственного интеллектуального и нравственного совершенствования и полезной деятельности способствовать улучшению мира и развитию Вселенной-Творца. Для этого нужен не покой, комфорт и жизнь жадного потребителя, а познание, поиск, острый моральный выбор, активный труд. Цивилизация должна обеспечивать человеку возможности для всего перечисленного. В этом её функция, и в этом направлении она должна развиваться. Все её совокупные достижения должны работать на это.

Такова общая концепция цивилизации с точки зрения Учения. Познание и моральное развитие как приоритеты. Предоставление людям возможностей для воплощения этих приоритетов в жизнь. Покой, понимаемый как отдых, удобства, развлечения — хорошо, но не тогда, когда ради них приносятся в жертву более важные, приоритетные вещи. Погоня за благополучием, добываемым за счёт других, и вражда на этой почве неприемлемы. Человек должен стремиться к тому, что действительно важно, к выполнению своего предназначения, и помогать в этом другим. Люди должны совместно действовать в том направлении, чтобы человечество в целом развивалось интеллектуально и морально, и в итоге смогло выполнить своё предназначение как разумного вида. Им нужно строить свою цивилизацию так, чтобы она, в свою очередь, создавала им условия для развития и выполнения предназначения. То есть, говоря проще, для того, чтобы они могли становиться лучше сами и делать лучше мир.

Когда Учение станет мировоззрением всего человечества, — то есть в нашем пространстве, в пространстве Учения, — подход к смыслу и функциям цивилизации будет именно таким. Это исправит те печальные и опасные отклонения в её развитии, которые мы наблюдаем сегодня, поможет победить эгоизм и враждебность, устранит опасность глобального суицида. Если не бояться патетики, то можно сказать, что это выведет человечество на верный путь, который оно ищет уже много тысяч лет.

Как к этому придти? Как всё организовать? Как строить общество, чтобы оно работало вот так? Каким должно быть воспитание людей, чтобы они могли создать такую цивилизацию? Тот общий набросок, который я здесь дал, вызывает и означенные вопросы, и множество других. Что ж, это уже само по себе — увлекательнейшее исследование. Будем совершать его и постепенно продвигаться к ответам.

© Атархат, 2023

Просвещение, организация, возможности

Недавно мы говорили об общей концепции цивилизации, и пришли к тому, что если задачи человечества — познание, развитие и моральное совершенствование с целью внести свой вклад в эволюцию Вселенной, сиречь Творца, то задача цивилизации как совокупности достижений в разных сферах и созданных реалий жизни — обеспечить условия для этого. То есть человечество должно строить свою цивилизацию как среду, благоприятную для выполнения его задач. Как среду, в которой познание, развитие и моральное совершенствование смогут идти максимально успешно и эффективно. Пока что это не очень получается. Человек ставит себе другие задачи, — а если даже и верные, так сказать, технически, то подразумевает для них неверные цели. В результате цивилизация не может быть тем, чем она должна быть. Она оказывается выстроенной неправильно, больной. И вместо того, чтобы придти к достойной жизни и должным успехам, человечество ходит по кругу одних и тех же ошибок и проблем, и страдает много больше, чем могло бы. Оно, буквально, блуждает по кругам созданного им же самим ада. Могло ли быть иначе, если сам путь его развития явно повернул не туда? И как финальная точка этого процесса, впереди отчётливо вырисовалась угроза тотального самоуничтожения. Грустно и страшно это констатировать, —

но такова наша сегодняшняя реальность.

Для того, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону, нужно изменить понимание человечеством самого себя, изменить его представления о собственных целях, — то есть, по сути, его представления о смысле собственного существования. Только такие глубокие изменения могут дать нужный эффект; изменения на уровне поверхностном будут косметическими и ничем существенно не помогут. Если корни дерева погружены в плохую почву, оно не будет здоровым, как бы красиво садовник ни подрезал ветки. Если говорить о цивилизации, то её нужно перестраивать на других основах.

Это входит в число задач, которые ставит перед собой Учение. Может возникнуть вопрос: а не слишком ли амбициозно? Если кто-то собирается решить подобную задачу быстро, изменить человеческую цивилизацию в сжатые сроки, — тогда да, слишком амбициозно. И невыполнимо. Но мы сознаём всю грандиозность и сложность задачи, и понимаем, что это займёт десятки и сотни лет. Предстоит огромная работа. Кроме того, нужна основа, на которой будет выстраиваться обновлённое здание человеческой цивилизации. Такая основа у нас есть: это само Учение как система взглядов, его видение картины мира и места в этом мире человека, человеческого предназначения.

Собственно, с этого и надо начинать. В нашем пространстве, в пространстве Учения, важнейшее значение придаётся познанию. Познанию мира, себя, себя в мире. Поэтому одной из основ общества, строящегося по Учению, будет то, что можно назвать просвещением, в широком смысле этого слова.

Кто-то скажет: «Ну и что тут нового? Всё это началось ещё в XVIII столетии, и с тех пор все люди стали достаточно просвещёнными. Поголовная грамотность, школьное и высшее образование, начитанность и так далее. Чего ещё не хватает?». Я отвечу: всё не совсем так. Во-первых, далеко не везде в мире всем доступно даже школьное образование, не говоря о высшем, и не все даже просто умеют читать. Трудно поверить? Это потому что кое-кто слишком привык к хорошему. Мир вовсе не так благоустроен, как кажется. Во-вторых, а так ли много даёт школьное образование? Через несколько лет после окончания школы многие ли помнят то, чему их учили? Да, благодаря ей все умеют читать, писать, знают простой счёт, получают какие-то знания о мире. Но сколькие вспомнят что-нибудь существенное из школьного курса физики, химии, алгебры, геометрии, биологии, географии, астрономии и прочего, — и даже из правил родного языка? Преподают много, сложно и нудно, стараются нагрузить ученика огромным количеством знаний, — но, в основном, без толку. Люди помнят, причём далеко не всегда, лишь то, что было в числе любимых предметов, и то, что в дальнейшем оказывается

связанным с их родом деятельности. Остальное часто исчезает, словно и не было. В-третьих, лучшие времена начитанности, кажется, уже прошли. С появлением Интернета она пошла на убыль, — хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Широчайший доступ к качественной информации, научной и художественной литературе, и так далее... Однако для того, чтобы с начитанностью всё было хорошо, качественного продукта мало. Нужно ещё желание, умение и привычка его потреблять. А для этого необходимо соответствующее воспитание, соответствующие жизненные цели и жизненная позиция. Нужна культура восприятия знаний и их потребления. Ну а блоги, соцсети, комменты, различного рода дилетантская и просто глупая писанина, выдаваемая за познавательные и образовательные материалы, коей море безбрежное, плюс хохмы, новости и пропаганда, — всё это отнюдь не формирует начитанности. Оно лишь создаёт в голове помойку. А ведь это и есть круг чтения среднего Интернет-пользователя. Того самого бывшего школьника, о котором шла речь в предыдущем пункте. Или не бывшего, а нынешнего. Он жадно впитывает всё это вместо школьной программы. Хотя читающих много, начитанных, увы, всё меньше.

В нашем пространстве получение и распространение знаний будет одной из основ жизни. Знания — это, прежде всего, фактор воспитания. Человеческая личность строится на них. В каком мире ты живёшь? Что такое человек? Кто ты сам? В чём смысл твоей жизни? Чего ты хочешь? Как этого достичь? Какие качества тебе необходимы, и зачем? Что хорошо и правильно, а что плохо и неправильно, и почему? Что и как делать, чтобы твоя деятельность шла на пользу обществу, а не во вред? Куда и зачем идёт человечество? И ещё множество других вопросов. Получая ответы на них, ребёнок формируется как личность. И качества личности во многом будут зависеть от этих ответов. Но ответы нужны и взрослому человеку. Ведь процесс воспитания и самовоспитания, как и процесс познания, продолжается всю жизнь.

УЕХ — обширное и глубокое мировоззрение, у него есть ответы на важные вопросы. Потому существенной частью просвещения будет преподавание Учения. Однако нужно понимать, что оно — не религия, которая ввиду самой своей сущности, скажем так, плохо сочетается с наукой. Учение, наоборот, полностью принимает научный подход и считает науку естественным и действенным средством познания мира. Собственно, именно научной картины мира оно и придерживается. Само оно предлагает знания о том, что науке пока ещё неизвестно, что пока ещё недоступно научным исследованиям. Плюс вносит моральный аспект. Наука и Учение дополняют друг друга. Поэтому Учение ратует за научные исследования и распространение научных знаний. Соответственно, в

нашем пространстве будет придаваться не меньшее, а то и большее, чем сейчас, значение как самой науке, так и преподаванию научных дисциплин. Как будет поставлено само преподавание, как, вообще, будет организовано образование, — вопрос отдельный, требующий отдельного обсуждения. Образование должно быть более доступным и эффективным. Будут разрабатываться новые учебные программы и методики.

В цели Учения входит сделать каждого человека достаточно образованным, обладающим хорошим кругозором и умеющим применять полученные знания на пользу людям и миру. Без этого не получится ни создать по-настоящему благополучное общество, ни переформатировать нашу больную цивилизацию, ни направить человечество на путь выполнения им своего предназначения во Вселенной. Знания о человеке, мире, Вселенной служат как отправной точкой этого пути, так и средством движения по нему.

Знания — величайшая ценность. Но они ценны не сами по себе, а благодаря тому, что их можно применить. Они лежат в основе всего; даже ложку не получится поднести ко рту, если не знать, как ею пользоваться. Они должны быть применяемы на практике, правильно и с пользой. Человек с хорошим образованием и кругозором не просто развивается умственно, духовно, морально, но ещё и должен иметь возможность воплотить свои знания в поступки в конкретную деятельность. В деятельность, которая будет полезным вкладом в жизнь общества, которая поможет построению здоровой цивилизации, поможет общему развитию человечества и выполнению его предназначения. Да, человек может и должен мыслить такими широкими категориями; для него это нормально. Воспитание, получение знаний, образование, кругозор, — всё это должно помочь ему научиться смотреть на мир вот так, масштабно, и понимать такие вещи. Учение ставит себе задачей воспитание именно такого человека, — знающего, мыслящего широко, понимающего цели человеческой цивилизации и общее благо, стремящегося и умеющего внести в это свой вклад. Воспитание просвещённой, моральной и деятельной личности, не замыкающейся на мелких личных интересах и выгодах, а стремящейся целеустремлённо и творчески работать в команде под названием «Человечество».

Для того, чтобы люди могли быть такими, чтобы они могли трудиться, реализовывать свой потенциал, должны создаваться благоприятные условия. Даже самый распрекрасный и умнейший человек мало что сможет сделать, если ему связать руки и вырыть на его пути ямы. Мало давать людям знания: нужно давать возможность эти знания применять. Поэтому ещё одним приоритетом в обществе, построенном на принципах Учения, будет создание условий не только

для всестороннего развития человека, но и для его деятельности. Если просвещённый человек стремится что-то делать для мира и людей, то нужно обеспечить ему такую возможность. Нужно это организовать.

В свете всего вышесказанного можно прорисовать следующую взаимосвязь. Человечество должно развиваться, оно должно выполнять своё предназначение, а его цивилизация должна быть благоприятной средой для этого. Чтобы выстроить такую цивилизацию и достичь таких целей, люди, прежде всего, должны знать и понимать, кто они, для чего они существуют, какими нужно быть, чтобы достигнуть главных целей человечества, как устроен мир, что можно для него сделать и как это делать. А чтобы действительно это сделать, чтобы реализовать возможности, нужно уметь всё организовать. От организации личной жизни и быта до устройства общества и государства, от организации выполнения отдельных проектов в разных отраслях и сферах деятельности до организации проектов общечеловеческих, планетарного, а впоследствии и ещё большего масштаба. Тогда одни возможности, воплощаясь в жизнь, будут порождать другие возможности. Тогда человечество будет двигаться вперёд, развиваться, выводить свою цивилизацию на новые уровни и быть тем, чем оно должно быть для Вселенной.

Просвещение, организация, возможности. То, чему в нашем пространстве, то есть в обществе, построенном на принципах Учения, будет придаваться особое значение и уделяться особое внимание. То, без чего это общество просто не сможет существовать. То, что жизненно необходимо человечеству для его дальнейшего успешного развития.

***

Много ли я сказал в этой статье, много ли объяснил? Да почти ничего. Одним штрихом обозначил некоторые важнейшие приоритеты, и всё. Это ведь не одна тема, а множество, — и все грандиозные по масштабам. Тут ещё говорить, говорить и говорить, рассказывать, объяснять, ставить вопросы, искать ответы, моделировать, обосновывать и обсуждать. Целый океан, на берегу которого мы сейчас стоим. Здесь я хотел всего лишь бросить на него беглый взгляд, чтобы и ещё раз ярче ощутить самому, и, если получится, помочь ощутить вам, какой простор нам предстоит осваивать, задачи каких масштабов и какого разнообразия предстоит решать.

Мы находимся в самом начале пути построения общества по Учению. Делаем первые шаги к этому. И один из них состоит в том, что мы должны представить людям Учение, рассказать им о нём. Не только о его картине мира, — об этом, к

слову, написано уже довольно много, — но и о том, чего от него ждать. Да, такая формулировка вполне подходит, ибо отражает суть вопроса. Если Учение позиционирует себя как будущее мировоззрение всего человечество, если оно говорит, что общество в перспективе будет основано на его картине мира и его принципах, то оно должно рассказать, каким будет это общество, и объяснить, почему именно таким. Ведь нашим потомкам жить в нём. Оно, вообще, привлекательно или нет?

Эта статья показывает несколько его черт, — черт очень важных, во многом определяющих его специфику. Ну и дальше мы будем касаться разных аспектов. Будем набрасывать штрихи, которые будут складываться в ясные линии, которые однажды сложатся в чёткий портрет. Портрет нашего с вами будущего. А насколько привлекательным он окажется, каждый сможет судить сам.

© Атархат, 2023

Горький Эверест

На днях прочёл новость о том, что бывший британский военный Хари Будха Магар, более десяти лет назад, во время службы в Афганистане, лишившийся обеих ног, взошёл на Эверест. Понятное дело, не один, в сопровождении, — но взошёл. Тогда, после трагедии, он чувствовал себя так, словно его жизнь закончилась, и пытался покончить с собой. Ну а теперь вот покорил высочайшую вершину мира, чтобы, по его словам, изменить представления об инвалидах и вдохновить других людей.

Наверное, читатель ожидает, что я сейчас назову его поступок подвигом и выражу своё восхищение. Что ж: он этого заслуживает. Однако к положительным эмоциям у меня примешивается большая горечь. Я сам инвалид, практически полностью обездвижен. И, может быть, поэтому моя точка зрения на данное событие может быть небезынтересна.

Вот он говорит, что хочет изменить представления об инвалидах. Я спрошу: чьи представления? Можно понять так, что представления других людей, физически здоровых. Ведь очень часто можно услышать жалобы на то, что они

относятся к инвалидам неправильно, как к неполноценным, как к тем, кто хуже здоровых, кто лишний в обществе. И такое отношение в самом деле имеет место. Так что да, здесь он прав. Но, с другой стороны, как ожидать от здоровых иного отношения, если инвалиды зачастую относятся к себе точно так же? Взять хотя бы самого Хари. Потеряв ноги, он ощущал, что жизнь кончена, и пытался совершить суицид. Почему? Не потому ли, что больше не видел для себя места в этой жизни? И если он, инвалид, так чувствовал и так думал о себе, то что же должны думать здоровые? Я буду груб и скажу прямо, ибо, являясь инвалидом сам, могу себе это позволить: как ты можешь требовать, чтобы другие считали тебя полноценным, и вообще человеком, если ты сам себя за такового не считаешь? И это относится ко многим инвалидам. Одни играют в футбол без ног, другие пускаются в путешествия, кто-то собирается лететь в космос (о чём я тоже в своё время писал заметку), кто-то покоряет горы. Для чего — для собственного удовольствия, для здоровья, для познания, для получения интересного опыта? Во вторую-третью очередь — возможно. Но в первую очередь... Сделав это, такой скажет: я доказал, что инвалиды ничем не хуже здоровых. Да, — но кому доказал? В первую очередь, себе. С этим, как правило, они не спорят, и даже сами так говорят. Ну а до того они так не считали? Не считали, что ничем не хуже остальных? Это нужно было обязательно доказывать, тем самым публично расписываясь в собственных сомнениях относительно того, являются ли инвалиды нормальными людьми? Видимо, Хари тоже хотел в первую очередь изменить свои собственные представления, а уже потом чужие.

По-моему, инвалиды не хуже других по умолчанию, и им не нужно этого доказывать. Стремление доказать свою полноценность как людей и членов общества говорит прежде всего о том, что в ней есть сомнения. Сомнения у самих инвалидов. Это предрассудок, которому они подвержены так же, как и здоровые. Предрассудок, заключающийся в том, что человек — это прежде всего тело. Нет целого, нормально функционирующего тела, — нет человека. И всевозможные попытки что-то доказать скорее укрепляют данный предрассудок, чем изживают его. Да и чисто логически тут всё не вяжется. Вот один что-то совершил и что-то доказал. Он доказал за всех инвалидов, или только за себя? Если за всех, то, получается, остальным теперь можно ничего не доказывать? Ведь всё уже доказано. Да, но ведь до него другие инвалиды тоже доказывали, и не раз. Он почему-то не счёл это доказательством за всех, и за него в том числе. Он стал доказывать снова. Значит, это доказательство только за себя, — что более понятно. Но тогда как же с теми, которые не совершили ничего подобного и не доказали, что они не хуже? Получается, они хуже, — в том числе в собственных

глазах? Не означает ли это, что доказательство одного может слишком дорого обойтись другим, ещё больше занизить их самооценку?

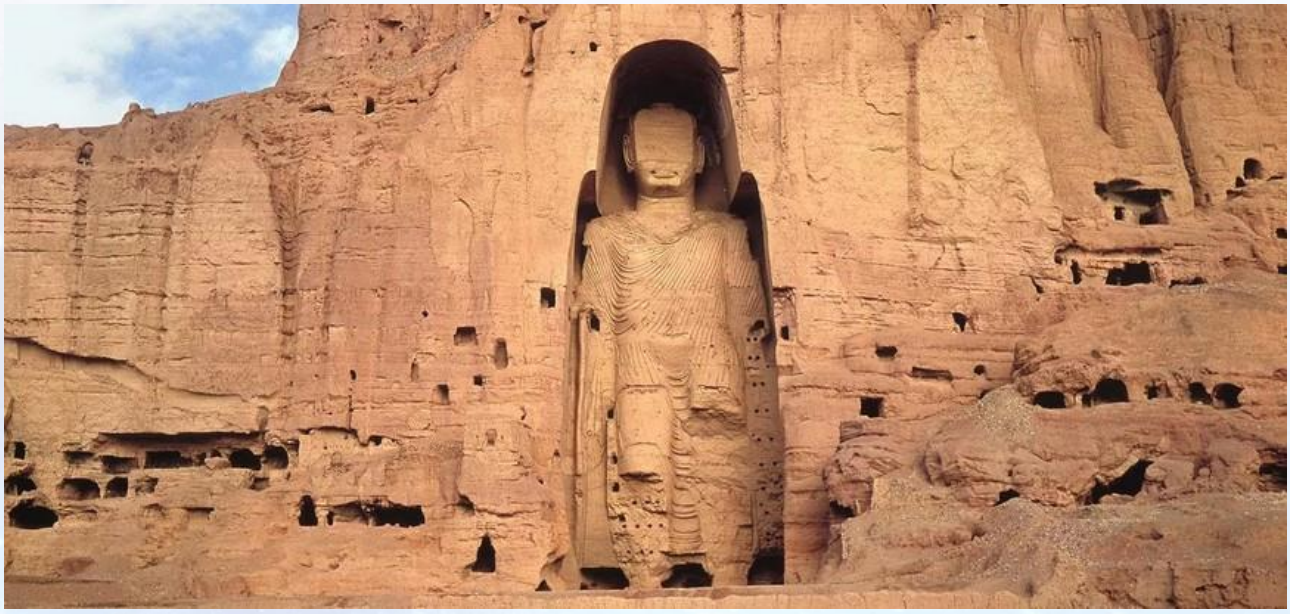
Я тут говорю о логике, — однако ясно, что с логикой происходящее имеет мало общего. Подобные поступки совершаются на эмоциях. Это можно понять. И у меня такие вещи тоже вызывают эмоции. Обидно за инвалидов, которые не обладают достаточным самоуважением для того, чтобы быть людьми, не доказывая своего права на это никому, и особенно самим себе. Так что для меня такой Эверест не только радостен, но и очень горек.

Занимайтесь спортом, путешествуйте, если можете, отправляйтесь в космос, покоряйте горы. Всё это замечательно. Но делайте это потому, что вы хотите так жить, а не для того, чтобы доказать, что вы не хуже кого-то. Вы и так не хуже. Пора уже сами это понять. Не нужно тратить свою и без того непростую жизнь на доказательства того, что в доказательствах не нуждается. Лучше заняться поиском способов участия в жизни общества. Для себя в каждом конкретном случае, и для всех.

Но это уже другая тема.

© Атархат, 2023

20 лет спустя

Когда в 2001 году талибы разрушили гигантские статуи Будды в Бамианской долине, я был возмущён и опечален до глубины души. Культурное преступление — самая мягкая характеристика, какую можно дать подобному деянию. Ибо это действительно огромная и невосполнимая утрата для мировой культуры, исторической науки, и, конечно же, для духовной сферы жизни человечества.

Да, изваяния планировали восстановить и, может быть, когда-нибудь сделают это. Но то будут уже другие статуи. Их облик будет сохранён, и мы сможем видеть, как всё это выглядело. Однако только визуальная сторона нам и останется, — материальная же история, запечатлённая в камне, обработанном много веков назад, утеряна навсегда. Часть древности, присутствовавшая в нашем времени, исчезла. С другой стороны, а что здесь такого уж необычного? Разве древние артефакты, от каких-нибудь застёжек до целых крепостей и храмовых комплексов, не исчезают постоянно? Всё со временем разрушается и уступает место новому, — которое потом ждёт такая же судьба. Это нормально. То, что сохранилось до сегодняшнего дня и известно нам, это даже не крохи от того, что было, а гораздо меньше. Так стоит ли горевать? По-моему, всё же стоит. Потому что любой исторический артефакт всё равно является огромной ценностью как часть подлинного прошлого, к которому можно прикоснуться. Потому что когда исчезает то, чего мы не знали и что не имели возможности сохранить, — это одно; когда же погибает то, что мы знали и могли сберечь, — это совсем другое. Потому что когда такую драгоценность намеренно и варварски уничтожают буквально на

твоих глазах — это просто чудовищно и невыразимо больно. И ещё целый ряд «потому что»...

Хотя логика произошедшего тогда как раз понятна, и вопросов не вызывает. Это ведь талибы, позиционирующие себя как последователи ислама в его подлинных, первоначальных устоях. А такой ислам не одобряет, и даже прямо осуждает и запрещает изображение людей, будь то рисунок или статуя, ибо усматривает в этом идолопоклонство. Так что, с одной стороны, это был дикий и варварский поступок, а с другой стороны, люди просто следовали предписаниям своей религии, не больше и не меньше. К тому же, уничтожали богопротивных идолов чужой религии. Насколько можно их за это осуждать в современном мире, где, вроде бы, одним из широко декларируемых общественных устоев является уважение к чужой вере и убеждениям? Проблема в том, что здесь красивые теоретические декларации в стиле «Вот как должно быть» в очередной раз столкнулись с суровой практической действительностью. Ведь любые взгляды влекут за собой практические поступки, через которые они воплощаются в жизнь. И уважая право чужих взглядов на существование, ты должен также признавать и уважать право на существование той практики, которая из них вытекает. Иначе все эти декларации уважения будут пустыми словами. Вот так в наше время и получается, что убеждения как бы уважают, но то, что из них следует, осуждают. Это противоречие, которое покамест не разрешено. Но его мы обсудим как-нибудь в другой раз.

Поводом же для написания данной заметки послужило то, что нынешние талибские власти Афганистана намерены превратить Бамианскую долину в один из туристических центров страны. Пустые ниши, в которых когда-то стояли изваяния Будды, вкупе с обломками скалы, теперь рассматриваются как ценное историческое наследие. А раз ценное, то и прибыльное. На нём будут пытаться сделать деньги.

Вот чего я не ожидал, того не ожидал... Непредсказуемый поворот. Ведь даже с учётом намерения заработать такие действия выглядят странно. Эти самые ниши всё равно остаются частью чужого культа, который исламом однозначно рассматривается как языческий, а значит, подлежащий искоренению во всех своих проявлениях. Однако в министерстве культуры Афганистана ныне заявляют, что статуи Будды (которых, напомню, больше не существует) имеют большое мировое значение. Что это? Сожаление о том, что было сделано двадцать с лишним лет назад? Проснувшееся понимание важности всемирного культурно-духовного достояния? Тогда это уже не те талибы. Или это цинизм, замешанный на меркантильности? Или неуклюжая попытка представить себя в лучшем свете в

глазах международного сообщества? Или ещё что-то? Словом, странно всё это... Ну или всё же просто деньги. Тогда всё до отвращения банально, стыдно, — и было бы скучно, если бы ни было так печально.

Остаётся ждать дальнейшего развития событий. Со временем ситуация должна стать более понятной. Там посмотрим, чем нас ещё удивят. Или не удивят, а вгонят в испанский стыд. Лично мне очень грустно, но очень интересно.

© Атархат, 2023

Конец нелепости. Или?..

Конец прошлого месяца ознаменовался интересным событием: в США запретили так называемую «позитивную дискриминацию» в ВУЗах. Полвека она имела место — и вот вдруг обнаружилось, что она неконституционна. Можно было бы сказать по этому поводу: «Лучше поздно, чем никогда». Но я не скажу. Потому что когда что-то происходит поздно, то для кого-то это означает потери, которые уже не вернёшь. Сомнительный повод для радости...

Тем не менее, я приветствую этот запрет. Почему? Потому что это был довольно неумный, очень неуклюжий и морально кривой способ исправить совершённую некогда несправедливость. Последняя заключались в том, что в прежние времена доступ в американские высшие учебные заведения для, скажем так, небелых учащихся был закрыт, или, как минимум, сильно лимитирован. Когда времена расовой сегрегации миновали, государство стало пытаться как-то искупить свою вину, — и не было придумано ничего лучше, как сделать поступление в ВУЗы для небелых граждан более лёгким, чем для белых. Если раньше могли иметь место одни квоты, то теперь появились другие, противоположные.

Кто-то скажет, что это было правильно. Я отвечу: разве? Что же здесь такого правильного? Во-первых, исправить уже ничего нельзя, поскольку те, кто тогда, в худшие времена, был обойдён, они так обойдёнными и остались. Для них ничего не было исправлено. Преимущества получили уже другие поколения, — то есть совсем другие люди, которые от той несправедливости не пострадали. И тут впору ставить вопрос о том, можно ли возместить детям потери их отцов. Если да, то, по логике, тогда можно и наказывать детей за провинности отцов. Так что подобными действиями можно поощрить довольно опасный ход мыслей. Во-вторых, дискриминация — всегда дискриминация. Если под этим словом понимается несправедливость, допущенная по отношению к кому-то, ущемление его законных прав, то она не может быть позитивной. И в данном конкретном случае расширение прав одних происходило за счёт прав других, для которых это не было «позитивной» дискриминацией, а как раз наоборот. В-третьих, получается, что таким образом не только кому-то помогают, но и кого-то наказывают, — причём отнюдь не тех, кто когда-то совершил несправедливость. Если за их грехи должны сегодня расплачиваться совсем другие люди, чьи права были урезаны, то это новая несправедливость. Может быть, потом будут возмещать кому-то потери уже этих пострадавших, и опять за чей-то счёт? В-четвёртых, если принципы приёма в ВУЗы строятся на объективной оценке соискателей, и если это ложится в фундамент дальнейшего процесса учёбы, то сам этот процесс оказывается нарушенным. Система обучения начинает вместо свойственных ей образовательных функций выполнять несвойственные, — функции компенсации ущерба. Надо ли объяснять, что из этого вряд ли получается что-то хорошее? Хотя, видимо, надо...

Словом, правильно сделали, что отменили эту вредную нелепость. Да, именно нелепость. Потому что это напоминало попытку лечить подобное подобным, — но в самом неудачном исполнении, в стиле «Кому-то нехорошие люди сломали руку — давайте во искупление их поступка сломаем руку ещё кому-нибудь».

И отдельно стоит отметить уже упомянутое обстоятельство, — то, что позитивная дискриминация была признана неконституционной. А раньше это не было понятно? Конституция написана так неконкретно, что трудно определить, что ей не соответствует? Или кто-то тогда, несколько десятилетий назад, запудрил всем мозги и ввёл в заблуждение, или как-то иначе продавил неконституционную инициативу? Или основополагающий документ государства можно толковать в зависимости от требований текущей повестки дня, и это в порядке вещей? Как бы то ни было, получается, что и нынешнее решение может быть не окончательным. Спустя какое-то время мы можем увидеть, как тот же

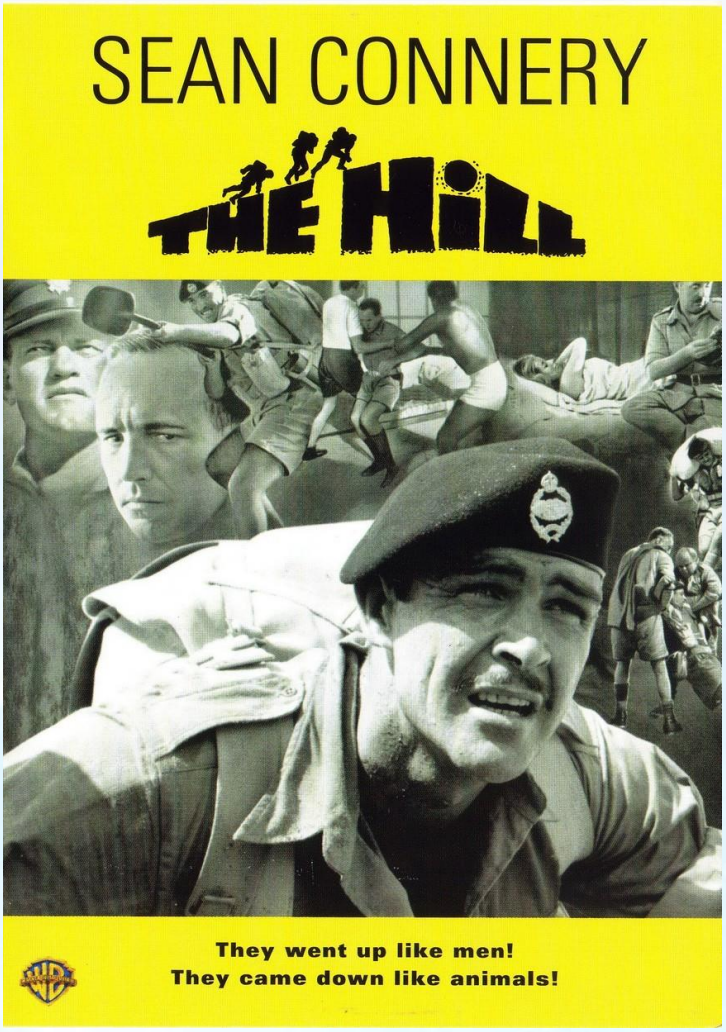
Верховный суд США отменит его и восстановит позитивную дискриминацию. А потом... Да мало ли что ещё выкинут потом. Ведь если даже Конституция не является высшим руководством для принятия однозначных решений, то возможно всё, что угодно.

И последнее, о чём хочется сказать. Сейчас в США некоторые протестуют против данного решения. Похоже, в основном те, кто в результате теряет свои льготы. То есть как раз небелые или не совсем белые граждане. И возникает вопрос: а в чём проблема? Сегрегации больше нет, все имеют равные права и равные возможности для поступления в высшие учебные заведения. Радоваться же надо: наконец-то наступило равенство, которого все так домогались! Но почему-то рады далеко не все. Кто-то, видимо, на самом деле хочет не равенства, а приоритета. Хочет оказаться в роли тех, за чьи несправедливые решения ему должны что-то возмещать, — хотя те решения лично его никак не коснулись. Очень красивая картина рисуется... Ну вот же она, возможность продемонстрировать, что ты достаточно умён и способен для того, чтобы пройти одинаковый для всех отбор и получить заслуженную награду. А ты хочешь просочиться по льготе. Разве это не унизительно? И потом, разве это не является как бы косвенным признанием того, что небелые в самом деле уступают белым в своих способностях, и нуждаются в подпорках в виде льгот, бонусов, работающих на них квот и прочего подобного? Это тоже не унизительно? Нет? Что ж, тогда мне больше нечего добавить.

© Атархат, 2023

РУБРИКА: **ДОСТОЙНОЕ КИНО**

Холм

«Холм» — британский художественный фильм 1965 года по одноимённой пьесе Р. Ригби и Р. С. Аллена.

Рассказывать об этом фильме трудно. Он длинный, действие происходит в очень ограниченном пространстве, но событий много, и каждая сцена важна. Тут получится или слишком подробно, или слишком поверхностно, — так, что будет сложно прокомментировать. Попытаюсь найти некий баланс, — хоть и не уверен, что получится.

Жанр его обычно определяют как «военная драма». Пожалуй, соглашусь. С поправкой на то, что военных действий мы на экране не увидим, зато военных людей — много.

Действие происходит во время Второй Мировой войны, в Северной Африке, в британском лагере-тюрьме, куда отправляют для отбывания наказания штрафников из разных армейских частей. Самовольщики, дезертиры, воры, дебоширы... Лагерем заведует безвольный комендант, этакий овощ в военной форме, которому подчинён старший сержант (старшина) Уилсон, которому, в свою очередь, подчинено ещё несколько сержантов. Лагерь расположен в пустыне: это несколько тюремных зданий, окружённых стенами. Здесь муштруют и перевоспитывают заключённых, — в адской жаре и песке, под сержантские команды, крики и брань. В центре лагеря насыпан песчаный холм, вверх-вниз по которому гоняют воспитуемых, доводя их до изнеможения и обмороков. Этот холм — самое страшное средство наказания и муштры. Старшина Уилсон — грубый и заносчивый солдафон, узурпировавший всю власть в лагере и

наслаждающийся ею. Он проявляет жестокость, но в то же время в нём проглядывает и нечто человеческое. А вот свежеприбывший под его начало сержант Уильямс оказывается самым настоящим садистом.

В лагерь прибывает пятёрка новых заключённых, среди которых — строптивый малый по фамилии Робертс, отказавшийся вести своё подразделение на убой и набивший морду вышестоящему офицеру. Понятно, что он вызывает у новых командиров особую неприязнь. Старшина, ещё плохо знающий Уильямса, поручает ему заняться новичками, — пообломать их, «усмирить». Тот рьяно берётся за дело. Он гоняет их на холм, — сначала по приказу старшины, потом по собственной инициативе. Робертсу достаётся на полную катушку. Но особенно сержант зверствует над Стивенсом, самым тихим из новичков, виновном в том, что он сбежал из части, пытаясь вернуться домой, к жене. Уильямс так издевается над ним, что тот не выдерживает и через пару дней умирает.

Это означает крупный скандал и неприятности как для Уильямса, так и для старшины Уилсона, который допустил трагедию. Последний, гордящийся тем, что за все долгие годы его службы подобного не случалось, не хочет, чтобы дело получило ход, и потому встаёт на сторону своего не в меру ретивого подчинённого, прикрывая его. Они утверждают, что это был несчастный случай. Робертс же заявляет, что беднягу Стивенса убил сержант Уильямс, замучив его до смерти.

Начинается противостояние. На Робертса давят, но он стоит на своём. Поначалу он в одиночестве. Все, даже другие сержанты и местный офицер медицинской службы, который выше званием, боятся двух всевластных извергов. Но потом происходят волнения заключённых, которым стала известна эта история. Затем Робертса поддерживает один из пятёрки, негр по фамилии Кинг, с которым плохо обращаются потому, что он чёрный. Он подтверждает, что виноват Уильямс; а когда его начинают за это оскорблять, он поднимает свой личный бунт, срывая с себя военную форму. Уильямс и два других сержанта избивают Робертса, повреждая ему ногу. Старшина продолжает ломать его по-своему, собираясь вместо госпиталя отправить в камеру-одиночку. Но тут на его сторону встаёт сержант Харрис, которого возмущает происходящее, и тоже свидетельствует против Уильямса. Офицер медицинской службы, всегда мягкий и нерешительный, настаивает на отправке пострадавшего в госпиталь. Уильямс при поддержке старшины шантажирует его, угрожая обвинением в халатности, — дескать, это он

при осмотре новоприбывших не сообщил о том, что Стивенс слаб здоровьем и что его нельзя гонять на холм. Но медик впервые за весь фильм проявляет характер, тоже поднимая своего рода бунт, и отправляется к командующему округом. Становится ясно, что Уильямс и старшина проиграли. В заключительной сцене садист остаётся наедине с покалеченным Робертсом и намеревается расправиться с ним, чтобы поквитаться за всё. Но врываются Кинг и МакГрэт, ещё один из пятёрки, и нападают на Уильямса. Робертс кричит им: «Не трогайте его! Мы победили! Вы же всё испортите!». Но судя по всему, — хотя этого уже не показывают, — они забивают сержанта насмерть.

Конечно, этот краткий пересказ, практически, синопсис, вкупе с избранными кадрами, не передаст и малой доли впечатления от фильма. Даже после раскрытия сюжета его можно смотреть так, словно всё внове. И пересматривать снова (я за несколько лет делал это трижды). Потому что важен смысл, и важно, как всё показано. Драматургия сюжета, работа оператора, атмосфера, лица людей, их эмоции, — это нужно увидеть и прочувствовать.

Сам сюжет не то чтобы очень оригинален: одиночка, выступающий за справедливость, против подмявших всех под себя мерзавцев, действующих кнутом (угрозы, шантаж, побои) и пряником (протестующим заключённым обещают прощение и сыр на завтрак). Но в атмосфере военной тюрьмы старая тема звучит по-особому. Даже бежать некуда. Робертс и без того преступник с точки зрения закона военного времени, он и так за решёткой. А теперь он ещё опасен здешним заправилам. И с ним может случиться что угодно. Вокруг

безразличные сержанты-надсмотрщики. Один из сокамерников, Бартлет, — мошенник и трус, от которого ничего хорошего ждать не приходится. Медик, — неплохой человек и офицер, но слишком тихий. Даже комендант ничего не значит, — старшина говорит о нём: «Он кричит мне «Да», когда я ещё не вошёл в дверь». Сам старшина — человек, которого власть над заключёнными превратила в самоуправного властителя, не терпящего ни малейшего противоречия. А то, что чин его невелик, не сдерживает его, но, кажется, только усиливает наслаждение властью. И Уильямс, психопат по своим замашкам, который сначала уверен в собственной безнаказанности, а в конце, когда понимает, что дело плохо, и начинает паниковать, дерзает угрожать самому старшине. С другой стороны — Кинг и МакГрэт, которые долго терпели, но в итоге сорвались и убили мучителя. Хотя, как говорил Робертс, они уже и так победили. Озверение привело к ответному озверению.

Что будет дальше? Этих двоих, видимо, ожидает трибунал и, возможно, расстрел. Старшина и тюфяк-комендант, скорее всего, тоже будут иметь неприятностей выше крыши. Доведение до смерти заключённого и искалечение другого — уже серьёзнейшее ЧП; убийство же заключёнными сержанта означает полную утрату контроля над ситуацией. Они это допустили, и им отвечать. Самого Робертса, надо полагать, подлечат и снова отправят на передовую.

Когда думаешь обо всём этом, в голову пытается закрасться такая мысль: может быть, Робертсу стоило бы помолчать? Ну, похоронили бы Стивенса как погибшего в результате несчастного случая, Старшина сплавил бы куда-нибудь

Уильямса, от которого одни проблемы. Вот и всё. Таких случаев не было до того, и не было бы после. А так — буквально, разгром, и ещё люди пострадали и погибли, каковы бы они ни были. Этого ли хотел строптивец Робертс, который и сам не остался цел? Нет, хотел он не этого. Но поступил правильно. Он-то как раз действовал по закону. Действовал как должно. Ответственность за то, как всё обернулось в итоге, ложится на тех, кто продолжал творить беспредел, и на тех, кто молчал. Если бы Кинг, а особенно сержант Харрис и офицер медицинской службы сразу сделали то, на что сподобились только тогда, когда накал уже перешёл все границы, всё обернулось бы иначе. На их примере мы ясно видим, что молчать, когда происходит беззаконие, — значит поощрять преступление и становиться его соучастником. Поистине, страх делает с людьми страшные вещи... Робертс же действовал по принципу «Делай что должен — и будь что будет». Думаю, он действовал так не только ради других и ради справедливости как таковой, но и ради себя. Чтобы не поддаться страху и остаться человеком, будучи в почти безнадёжном положении. Всё правильно. Так и надо. Только так. Иначе в чём твой смысл?

Хочется сказать ещё много чего, — но не буду. А то испишу десятки страниц. Вы просто посмотрите фильм. И потом перечитайте этот краткий очерк. Может быть, тогда увидите в нём многое из того, что я не сказал.

© Атархат, 2023

Воля Вселенной

Истинное лицо Вселенной можно узнать, когда она просит о помощи, а наше — по тому, как мы реагируем.
Сериал «Доктор Кто»

Порой можно услышать, как кто-то говорит о том, что Вселенная каким-то образом выражает свою волю. Подобные разговоры популярны среди мистиков средней руки, адептов всевозможных учений, спекулирующих на идее скорого наступления Новой Эры, а также так называемых «контактёров» (в некоторых случаях два последних пункта, иногда и все три, оказываются соединены в одном лице). Помимо них встречаются отдельные мистически настроенные, а может быть и просто суеверные граждане, с видом абсолютной убеждённости произносящие «Вселенная требует от меня того-то», «Я делаю это, выполняя волю Вселенной» и тому подобное. Как правило, провозглашаемая ими «воля Вселенной» касается какого-нибудь пустяка, связанного с личными делами данного человека. Сложно сказать, что это, — психоз ли, развившийся на почве чтения контактёрской литературы, или проявление непомерной гордыни. Ведь приятно же думать, что Вселенная лично занимается тобой, и что она считает

исключительно важным для себя, куда ты пойдёшь прогуляться или какого цвета куртку приобретёшь.

Впрочем, если обращать внимание на подобные фокусы и относиться серьёзно к таким претензиям, можно просто утонуть во всём этом. Ну или написать на данную тему интересное исследование. В мои же сегодняшние планы его написание не входит. Я хочу поговорить о том, чего на самом деле касается и как выражается воля Вселенной, — если, конечно, о чём-то таком вообще можно говорить.

Заявленную тему можно достаточно уверенно разложить на несколько вопросов.

Вопрос первый: что такое, в контексте нашей темы, воля? Понятно, что имеется в виду не воля в смысле «свобода». И не воля в смысле «сила воли». Речь идёт о волеизъявлении как о неком желании и соответствующем распоряжении или требовании. Знаете, как говорят «Это вершится по воле Господа» или «Господь явил нам свою волю, и мы должны повиноваться». В нашем случае имеется в виду нечто похожее, — только в роли Господа выступает Вселенная.

Вопрос второй: может ли у Вселенной быть воля? Чтобы на него ответить, нужно вспомнить, чем является Вселенная на самом деле. Она есть ни что иное, как тело Творца (не путать с Богом!), его организм, работающий по определённым законам, — и в этом смысле можно ставить знак равенства между понятиями «Вселенная» и «Природа», Природа не в планетарном, а в более глобальном значении этого слова. То есть Вселенная — это сам Творец, живое и разумное существо. И как у такового, у неё, безусловно, имеется воля. Преображаясь во Вселенную, Творец имел определённую цель; он знал, для чего он это делает, знал, чего хочет. Это и была его воля. И она никуда не делась. Вселенная существует для того, для чего она была создана. Осуществление поставленной цели и есть воля Творца, сиречь воля Вселенной, которая олицетворяет его собой.

Вопрос третий: чего касается воля Вселенной, какую цель она подразумевает? Цель — успешное развитие Творца, в результате чего он должен вновь преобразиться и взойти на следующую, более высокую ступень своей эволюции. Именно для этого и была создана Вселенная, она была «запрограммирована» на достижение данной цели. Все законы Природы работают на это. Можно сказать, что через их работу и осуществляется воля Вселенной. Сюда же относятся вопросы добра и зла. Что соответствует воле Вселенной (то есть идёт на пользу Творцу, помогает его эволюции), то естественно, и оно является благом, а что идёт против неё (тем самым создавая угрозу будущему Творца), то противоестественно, и оно является злом. На самом деле тема зла несколько

сложнее, — но если объяснять максимально просто и схематично, то примерно так это и будет выглядеть.

Вопрос четвёртый: как выражается воля Вселенной, посредством чего она доводится до людей? Современные мистически настроенные личности склонны переносить на Вселенную атрибутику Бога и воспринимать её так же, как его. Можно найти массу рассказов о том, как Бог обращается к людям, — во сне, в видениях, в знамениях, непосредственно или через ангелов, как угодно. Подобных историй бытует в самом деле очень много. Не будем сейчас пытаться прикинуть, какая доля из этого является фольклором, какая — наглым враньём, какая — галлюцинациями, а какая — в самом деле опытом, скажем так, необычного общения с кем-то или чем-то. Главное, что сейчас многие так же представляют себе общение со Вселенной. Она посылает сны, даёт знаки, или просто говорит в голове, как радио. Да ещё по всевозможным мелким поводам.

В действительности всё обстоит иначе. Давайте вспомним, что Вселенная — это не только Творец, но и человек. Все мы — её частицы. Что означает одну очень важную вещь: её воля прописана в нас, на глубинном уровне. Она заложена в человеческое подсознание, как проявление стремлений самой Вселенной, как скрытое, но вполне ощутимое побуждение. Побуждение к чему? К тому, чтобы человек выполнял своё предназначение. Чтобы он выполнял ту важную роль, которая отведена ему в эволюции Вселенной. Это внутреннее стремление к тому, что помогает процессу, что идёт на пользу Вселенной и всему, что в ней существует, — в том числе самому человеку. Если сказать иначе, то это стремление ко всему правильному, моральному, полезному, идущее из глубин человеческой души. Хотя правильнее будет даже сказать — из глубин человеческой сущности. Это то, чего хочет от нас Вселенная. Это и есть её волеизъявление. Оно всегда с человеком. Вселенная постоянно говорит с нами, обращается к нам, призывает к правильному и предостерегает от неправильного. Передатчиками её воли могут быть и здоровые инстинкты, и совесть, и, на более широком уровне, общечеловеческая мораль, и прочее подобное. И не нужны никакие вещие сны, голоса свыше или мистические знамения. Всё проще и, в то же время, серьёзнее и глубже.

Хотя и то, что в некотором смысле можно причислить к «голосам свыше», тоже бывает. Это откровения Эмере, Бога Мудрости, каковых в истории человечества было двадцать семь. Когда всё становится совсем плохо в мировых масштабах, когда наступает глубокий духовный кризис и упадок, или когда, как сейчас, человечество оказывается на грани гибели, Вселенная, сиречь Природа, избирает одного из людей и через Эмере (он же Гермес), как через своего посланца,

передаёт истинные знания о мире и о предназначении человека. Знания, необходимые для того, чтобы выправить ситуацию и подсказать людям верный путь развития. Это уже, фактически, прямое обращение, и происходит оно тогда, когда люди становятся особенно невосприимчивы к звучащему в них зову Вселенной. Да, такое тоже бывает. Даже Вселенной приходится принимать экстренные меры, чтобы докричаться до своих детей, когда они заигрываются в опасные игры.

Это то, что происходит прямо сейчас, в дни нашей с вами жизни. Вселенная говорит открыто и обращается ко всему человечеству сразу, а не к каким-то отдельным людям, посредством тайных знаков и смутных намёков. Мы наблюдаем тут не игру в какое-то мистическое шпионство, и не разгадывание ребусов, а ясный призыв и просьбу услышать. Призыв ко всем, без исключения. Но когда это происходит вот так, откровенно, прямым текстом, тогда и желающих услышать оказывается не так уж много. Пока что больше тех, кто предпочитает разгадывать ребусы, предназначенные, как им нравится думать, персонально для них.

Но зов Вселенной громок. И услышав его, каждый может прочесть то же самое в глубинах своего естества.

Напоследок отмечу один тонкий нюанс. Многие уверены, что воля человека — это воля Вселенной, тогда как на самом деле воля Вселенной — это воля человека. Нет, это не одно и то же. Различие тонкое — но оно отделяет жизнь Творца от его смерти.

© Атархат, 2023

Боги и глупцы

Сегодня мы снова обратимся к митэвме «Слово о Влае» и посмотрим ещё на один интересный эпизод из его жизни. В этой истории есть кое-что, я бы сказал, нехарактерное для Влая, да и, в общем, для наших Учителей, какими мы привыкли их видеть, — и потому несколько неожиданное. Хотя неожиданность может означать всего лишь тот факт, что наши сведения об Учителях прежних откровений на самом деле довольно скудны, — да так оно и есть, — и что мы не обладаем полным представлением об их методах и приёмах, а также о том, какие у этого бывают последствия. Тем ценнее такие моменты, и тем большего внимания они заслуживают.

Дело происходит в неком городе, где Влай временно поселился и где он пользовался известностью и добрым отношением правителя.

«И он видел, что в том городе великое множество богов и идолов, и от этого бывает между жителями вражда. Он видел, как люди ходили толпами и носили по улицам своих истуканов, и бились за них смертным боем. И видел, как они

совершали им поклонение и приносили им дары, и как насмехались над богами друг друга. От этого в том городе не было мира; и Влай сказал себе: «Как умрёт нынешний правитель и будет другой, так они и вовсе друг друга перебьют, и город погубят». И он стал ходить по городу и увещевать людей, говоря им: «Для чего вы поклоняетесь своим истуканам; разве вы получаете от них хотя бы что-нибудь? Почитайте вы лучше друг друга, и друг другу давайте свои дары. Если же хотите чему-нибудь поклоняться, то поклоняйтесь земле, — и без ответа не останетесь». Но они его не слушали, а говорили ему: «Поклоняйся своему, а мы будем поклоняться своему». Тогда он взял деревянную чурку и обмазал её глиной, смешанной с сухим навозом. Так у него получился болван без рук, ног и головы; а сверху он прикрепил к нему наподобие заячьих ушей два собачьих хвоста. И он выволок этого болвана на самое людное место и стал ему поклоняться. Долго люди смотрели на это, а потом всем скопом пошли к правителю, и жаловались ему, говоря: «Влай насмехается над нами». Тогда правитель их устыдил, а Влаю воспретил это. Через год настала засуха, — большая, великая сушь. Всякий молился своему богу, говоря: «Мой бог сильнее прочих: он даст дождь». Влай видел даже, как некоторые отнимали у других пищу или ещё что-нибудь, чтобы принести это в дар своим богам. Тогда он опять выволок своего болвана на людное место и стал ему поклоняться. И как только он стал делать это, сразу же поднялся сильный ветер и пригнал тучи, и пошёл дождь. Люди стали говорить: «Бог Влая сильнее всех богов»; и многие тоже захотели ему поклоняться. Влай же и сам смутился от происшедшего; он взял своего болвана и унёс его к себе в дом, и там закрылся от людей. Они же окружили дом и кричали: «Дай нам своего бога!». А Влай разломал своего болвана, говоря себе: «С богами шутить можно, а с глупцами — нет». И он подумал, что на другой день они придут опять, и ворвутся в его дом; и потому он ночью сбежал из города, чтобы уйти подальше от тех мест» (Слово о Влае IV, 48-70)

Ситуация сама по себе не совсем обычная. Как правило, наши Учителя не вмешивались в чужие религиозные дела, тем более так демонстративно. Обычно они старались держать дистанцию, занимались Учением и не пытались переубеждать окружающих, указывая им на ошибочность их верований. Но Влай всё-таки предпринимает такую попытку. Причём нужно отметить, что он не проповедует им Учение. Он предлагает нечто гораздо более простое и очевидное: чем тратить себя на поклонение богам, которые всё равно молчат в ответ, и враждовать из-за них, лучше почитать друг друга и одаривать друг друга. Тогда вражды не будет, и жизнь станет совсем иной. А если чему-то поклоняться, то земле, которая всех кормит и поит, как заботливая мать. Рассчитывал ли Влай, что

его слова возымеют какое-то действие? Вряд ли он был настолько наивен. Может, он и надеялся, что это заставит задуматься хотя бы кого-нибудь, — но явно не ожидал чего-то большего. Просто бывают моменты, когда ты понимаешь, что должен сделать хоть что-то, хотя бы попытаться, пусть и без шансов на успех. Можно только догадываться, чего он там насмотрелся и как изболелась его душа в предчувствии надвигающейся катастрофы, если он счёл для себя невозможным молчать. То был глас вопиющего в пустыне, — но он хотя бы прозвучал.

Добавлю, что нет ничего удивительного в том, что Влай не вёл речей об Учении. Это сегодня для нас в порядке вещей говорить о нём, обращаясь ко всем людям. Тогда же оно не было предназначено для всех, и редко провозглашалось открыто. Потому он и избрал для своих увещеваний такой нейтральный вариант.

Но даже это столкнулось с резким неприятием. Реакцией было то, что мы наблюдаем в схожих случаях и сегодня: ответ в стиле «Каждый верит в своё, и отстань от нас». Что, надо признать, оказалось ещё весьма терпимой реакцией на критику. Мы ведь помним, что жители города бились за своих богов «смертным боем». Так что могли и поколотить, как минимум. Однако стерпели. Это яркое свидетельство того, что Влай имел в городе определённый авторитет.

А вот далее и происходит самое необычное. Получив отповедь, — конечно, вполне ожидаемую, — Влай продолжает свои попытки хоть как-то повлиять на ситуацию, и прибегает, как бы сейчас сказали, к сатире. Он начинает их высмеивать, — сразу всех, огулом. Причём весьма дерзким способом: смастерив карикатурного идола, едкую пародию на их истуканов, и устроив карикатурное поклонение ему, как пародию уже на них самих. Читая митэвму, трудно предположить, что нечто подобное было в характере Влая. Да и в целом биографии наших Учителей далеко не изобилуют подобными эпизодами. Чего-то в таком роде можно было бы ожидать от Даретхата. Но от Влая?.. И тем не менее. Что ж: ему в той ситуации было виднее. Если он позволил себе столь резкую выходку, значит, имел резоны. К тому же, видимо, уж очень допекло его всё это. И рисковал он теперь гораздо больше. Однако же всё снова обошлось. Горожане всего лишь пожаловались на насмешника правителю, и тот принял свои меры, — впрочем, весьма и весьма мягкие.

Тем бы дело и кончилось, если бы не наставшая через год великая засуха и всплеск фанатизма, который был с ней связан. Влай не мог смотреть на это спокойно: он снова пустил в ход своего пародийного бога, — теперь уже рискуя навлечь на себя и гнев правителя. Однако произошло неожиданное. Начался дождь. И окружающие возомнили, что это чудо свершил «бог» Влая.

Что тут можно сказать?.. Ещё год назад они прекрасно понимали, что Влай их

высмеивает, обижались, жаловались правителю. А теперь уверовали в могущество очередного божества. С одной стороны, это известная особенность восприятия, характерная для, скажем так, не слишком взыскательного религиозного сознания: если произошло одно событие, а вслед за ним другое, то они мистическим образом связаны. Так, например, рождаются суеверия: ведь связь между перебежавшей тебе дорогу чёрной кошкой и тем, что через полчаса ты упал и расшиб колено, вполне очевидна! Но, как бы то ни было, Влаем такой поворот предусмотрен не был. Такая реакция — обусловленная, быть может, и всеобщим отчаянием, кто знает? — оказалась для него полной неожиданностью. В тексте сказано, что он смутился. А для того, чтобы Учитель совершил промах, от которого и сам пришёл в смущение, нужно вовсе уж особенное стечение обстоятельств. Видимо, не очень понимая, что делать дальше, он затворился в своём доме, и там же спрятал злосчастного болвана. Горожане же пришли к дому требовать, чтобы Влай дал им своего бога. Вся картина очень напоминает мне другую ситуацию из совсем другой книги... Ну да ладно.

Что было делать Влаю? Он понимал, что его затея привела к непредвиденным последствиям, и что в городе вот-вот возникнет новый культ, виновником чего будет он сам. А все эти фанатики могут вломиться в дом, забрать болвана и, чего доброго, убить того, кто прячет от них столь могущественного бога. Поэтому Влай уничтожил своё творение, которое так его подвело, и ночью бежал из города. При этом он произнёс исполненные горькой иронии слова: «С богами шутить можно, а с глупцами — нет».

История очень поучительная. Финальное замечание Влая как бы говорит нам: глубины человеческой примитивности и глупости бывают столь неизмеримы, что могут стать сюрпризом даже для много повидавшего Учителя. И здесь сложно поспорить. Однако возникает ещё несколько вопросов.

Например, что значит «С богами шутить можно»? Это значит, что юмор в означенной сфере вполне допустим. Если имеются в виду боги подлинные, то есть высшие элементалы, по сути своей являющиеся законами Природы, то, значит, речь идёт о шутках в отношении её самой. А Природа не обидится на шутку. Только нужно следить за тем, чтобы шутки не были глупыми и лживыми. Природа и за такой дурной юмор не накажет, — но он пойдёт в упрёк уже самому горе-шутнику, демонстрируя его умственные способности и моральные качества не с лучшей стороны. Если же речь идёт о богах ложных, то тем более — отчего и не пошутить, если есть над чем? Это ведь не настоящие божества, а иллюзии, созданные людьми. И если та или иная из них в чём-то нелепа, то почему бы над ней не посмеяться, как над любой нелепостью?

Отсюда вытекает второй вопрос: так можно ли вообще высмеивать чужие верования? Ведь для того, кто высмеивает, это всего лишь иллюзии и нелепости, — но для тех, кто в них верит, это нечто священное, и насмешка может быть для них оскорбительна и обидна. Да, верно. Но тут всё непросто. Прежде всего, когда человек относится к чему-то с особым преклонением и трепетом, то обидным ему может показаться что угодно, — даже равнодушный взор, брошенный на его кумира, или, тем более, нежелание оказать почтение его святыне. Однако это не означает, что все должны подстраиваться под него. Его верования — это его верования, и другие не обязаны им соответствовать. Конечно, они не должны плевать на его святыни, осыпать их грубой бранью, вытирать о них ноги и делать иное подобное, что является явным и недвусмысленным оскорблением. Что же до прочего, то здесь уже опасно заужать рамки, — потому что, как было сказано выше, так можно объявить оскорблением вообще всё что угодно, и потом манипулировать этим, используя против оппонентов. Шутка, ирония, сатира, даже высмеивание как форма острой критики, — всё это вполне допустимо, если есть над чем поиронизировать и что высмеять. Если ты считаешь достойным поклонения нечто откровенно глупое, нелепое или безнравственное, то ты имеешь на это право; но ты не имеешь права требовать такого же отношения к нему от тех, с чьей точки зрения оно глупо, нелепо или безнравственно. Такие имеют право выражать своё отношение, в том числе через резкую критику — именно критику, а не просто грубую брань и бездоказательные обвинения — и разного рода высмеивание. Ты имеешь право делать то же самое в отношении их взглядов. А вместо того, чтобы обижаться, нужно привести ответные доводы и показать, в чём критик или сатирик неправ, — если, конечно, он в самом деле неправ. Ну или не приводить, если не хочешь. Но и не запрещать другим высказывать своё мнение. Тем более, что такие дискуссии полезны: наблюдая их, оценивая критику и доводы сторон, окружающие могут составить себе более полное мнение о дискутируемых взглядах и иметь более объективную позицию для совершения выбора между ними, если потребуется.

Конечно, это отдельная, большая и очень важная тема. То, что сказано выше, сложно назвать даже самым общим наброском. Я, буквально, лишь вскользь коснулся её. В своё время займёмся более детальным разбором вопроса о критике чужих взглядов и о том, что в этом плане допустимо, а что нет.

Здесь же остаётся добавить, что рассмотренный эпизод из жизни Влая в самом деле поучителен во многих отношениях, и заставляет задуматься о важных вещах. Наш пандэкт не только даёт ответы, но и ставит вопросы, будоражит мысль, помогает обратить внимание на многое, что в иных обстоятельствах может просто

остаться незамеченным. Недаром чем больше изучаешь его, тем больше интересного раскрывается.

Ну а высказывание о богах и глупцах стало среди нас одной из самых известных и любимых цитат. Что ни капли не удивительно.

© Атархат, 2023

Прежде всего борись за право делать то, для чего ты существуешь. Все остальные права вторичны.

(Высказывания)

Права человека — это очень важно. За них активно борются — и правильно делают. Но вот вопрос: какое из них является самым основным, первоочередным? Право на жизнь? Его важность не вызывает сомнений. Но для чего живёт человек? Ведь не просто же ради самого процесса. Или, быть может, право на свободу? Его тоже трудно переоценить. Но для чего человеку быть свободным? Ведь не просто же ради удовольствия выбирать между чем-то там и чем-то там ещё. Так всё же, какое право важнее всего?

Важнее всего право делать то, для чего ты существуешь. То есть право выполнять своё предназначение. Для этого появился на свет не только ты лично; для этого в мир пришло такое существо — человек. А в чём его (читай — твоё)

предназначение? Оно в том, чтобы позаботиться о лучшем будущем для Вселенной, для Творца. Как позаботиться? Через совершенствование Духа. Как совершенствуют Дух? Через познание, совершенствование себя и изменение к лучшему мира. И вот для этого-то и необходимы жизнь, свобода и прочее. Поэтому бороться нужно за право выполнять предназначение. То есть за право существовать не напрасно. Все остальные права являются составляющими этого главного права. Они нужны для того, чтобы могло осуществляться оно.

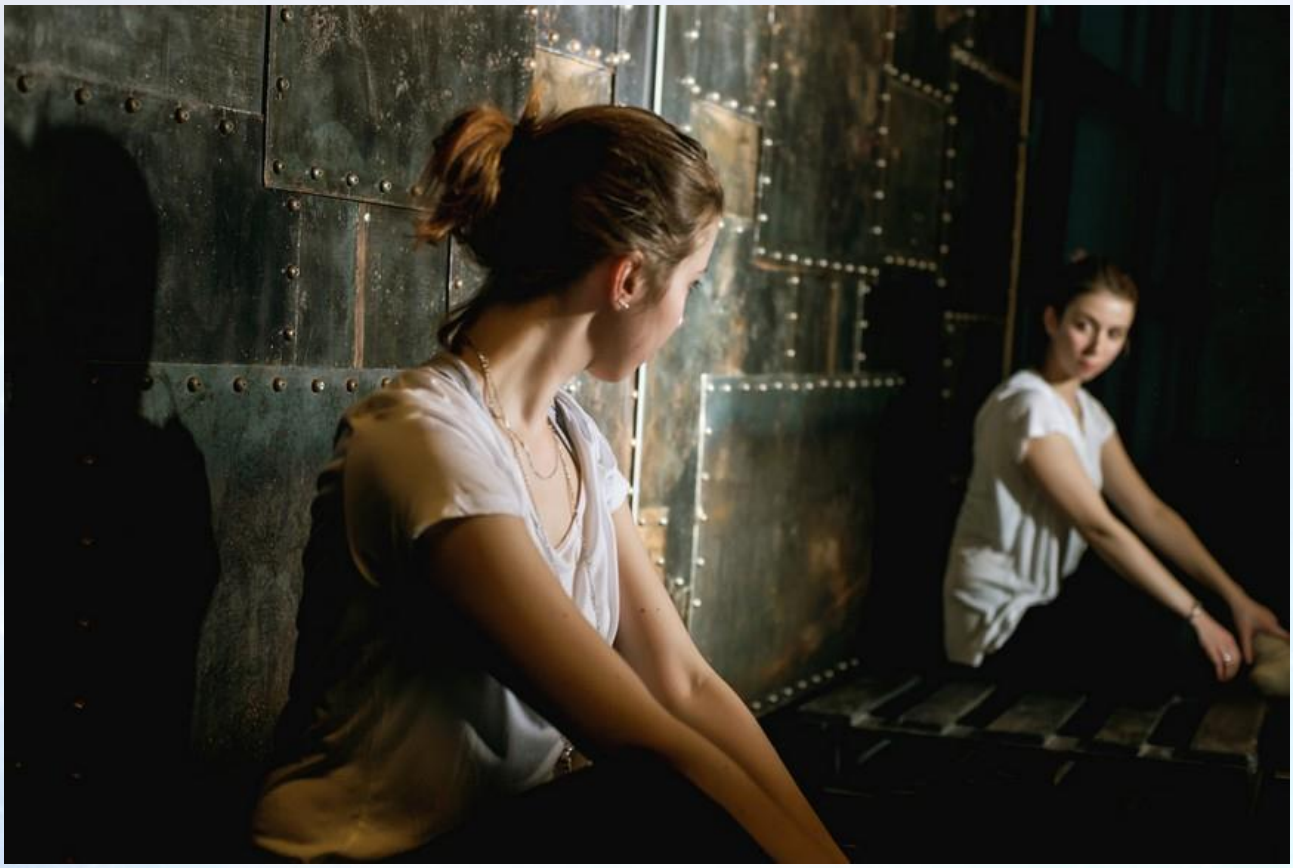
Казалось бы, это мало что меняет. Ведь в любом случае придётся бороться за жизнь и свободу. Да, верно. Но за ними надо видеть нечто большее. То, ради чего существуют они сами. Иначе теряется смысл борьбы. Ну, ты жив и свободен. Что дальше? Наслаждаться самим фактом? Я живу, ура! Ладно, допустим. Я могу пойти направо, а если захочу, могу пойти налево, или вообще наискосок, — какое счастье! Тоже допустим. И что? Как скоро возникнет вопрос, для чего ты живёшь? Как скоро надоест шататься туда-сюда, и захочется придти куда-то, чтобы сделать что-то важное? А что может быть важнее смысла жизни? Он вбирает в себя всё, придаёт всему значение. Это как идти по дороге. Минимальная задача — сделать шаг. Задача следующего уровня — добраться до постоялого двора, где можно заночевать, чтобы завтра отправиться дальше. Но куда «дальше»? До следующего постоялого двора? И так всю жизнь? Что в итоге? Ходил-ходил, каждый день куда-то приходил, да так никуда и не пришёл? Всю жизнь просто бездумно нанизывал шаги на нить времени, — левой-правой, левой-правой, — даже не зная, зачем? Поистине печальная судьба... Нет: обычно человек знает, куда он идёт и с какой целью. Он знает, для чего он бьёт ноги о дорогу, и знает, остановками на пути к чему являются постоялые дворы. Он видит перспективу, видит цель, — и каждый шаг обретает смысл. А если идти некуда, то ты — бродяга, бесполезный для других и не очень-то нужный даже самому себе.

Нужно идти по жизни к её цели. Нужно понимать свою борьбу как борьбу за нечто гораздо большее, чем просто жизнь и свобода. Это борьба за предназначение. За своё предназначение, а значит — за лучшее будущее мира. За право и возможность внести в это будущее свой вклад. Если смотреть так, тогда окажется, что мелочей нет. Тогда любая борьба вообще, борьба за самое малое, окажется не менее важной, чем борьба за жизнь и свободу. И каждый миг жизни окажется наполненным большим смыслом. А это даст остроту и отчётливость ощущению собственного бытия. Ведь в каждом миге будет содержаться целый мир. Тот самый мир, который ты можешь сделать лучше. Только вдумайся в это.

© Атархат, 2023

РУБРИКА: **ЦИТАТЫ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Если тебя спросят: «Что есть познание?», ответь: «Умение видеть видимое, и видеть себя, видящего видимое». (Эвбулей, 9)

Все знают, что значит «познавать мир», и всем знакомо понятие «самопознание». Но многие ли задумывались о том, что лежит в точке пересечения первого и второго? Как ни странно, когда идёт речь о познании мира, человек обычно отделяет себя от него. Он смотрит на этот процесс так: субъект, то есть он сам, познаёт объект, то есть мир. А то, что субъект по сущности своей является частью объекта, как-то упускается из вида. И если познавать себя и своё место в мире — это ещё нечто более понятное, то познавать мир и самого себя, познающего мир, уже сложнее.

Познание вообще дело нелёгкое. Даже если просто воспринимать мир как объект. Когда субъект, то есть ты сам, превращается для тебя в объект познания,

всё усложняется. Смотреть же одновременно на мир как на объект, на себя как на субъект, и на себя же как на объект, ещё сложнее. Легко ли наблюдать наблюдателя, если наблюдатель этот — ты сам? И при этом ещё не упускать из вида первичный объект наблюдения, то есть мир. Непросто, особенно с непривычки. Особенно для человека, который обычно ищет пути полегче и старается свести усилия, которые от него требуются, к минимуму. А тут необходимо держать открытыми сразу несколько параллельных каналов восприятия. Не будет таким уж преувеличением, если мы назовём это искусством. Но именно таково более эффективное и успешное познание. Как всё по-настоящему ценное, оно не даётся легко и просто.

Умение увидеть и принять мир таким, каков он есть, — уже само по себе бесценное умение. Многим его катастрофически не хватает, и уж точно каждому не хватает его в большей или меньшей степени. «Видеть видимое» означает видеть то, что реально, и потому доступно для восприятия. Вот она, реальность, — сумей лишь её увидеть. Сумей не отказаться от возможности её увидеть, сумей не запретить себе этого, сумей не закапризничать и не испугаться, а если испугался, то сумей преодолеть страх. А ещё сумей увидеть себя, видящего реальность, сумей честно дать себе отчёт в том, какие реакции она в тебе вызывает, и сумей понять, что это о тебе говорит. Бывает, кто-то сунет палку в муравейник, а потом смотрит, как реагируют муравьи. Реальность, которую ты познаёшь, это палка, сунутая в твой личный муравейник. В этот момент нужно внимательно наблюдать за собой. Такое наблюдение может открыть тебе много интересного и неожиданного о самом себе. Открытия не всегда будут приятными, — но на то и познание, чтобы видеть всё. Кто к такому не готов, у того познание будет гарантированно неполноценным. Неполноценность станет не просто неудачей, сбоем в ходе самого процесса, а будет заложена в него изначально, как непременное условие.

Чтобы познавать мир и себя, необходимы не только желание, терпение, настойчивость, но и смелость. А также понимание того, что такое само познание. Казалось бы, всё просто: я открыл глаза, смотрю и обдумываю, и познание происходит само собой. Отчасти, да. Однако познание — это ещё и познание самого познания как процесса. Нужно учиться познавать.

Что же до познания себя, то здесь есть ещё и такой момент. Учитывая всё вышесказанное, получается, что ты смотришь на мир не столько со стороны, сколько изнутри, а вот на самого себя нужно уметь посмотреть со стороны. И не просто со стороны, а с двух ракурсов. Первый — ты твоими глазами. Второй — ты глазами мира. Мир ведь тоже наблюдатель, он тоже как-то воспринимает тебя. А

раз ты — часть его, то его восприятие — это отчасти твоё восприятие. Дополнительная возможность увидеть себя в новом свете. Картина, перестающая быть одномерной, приобретающая объём как бы за счёт включения бинокулярного зрения, — от своего лица и от лица мира. Это вдобавок к тому, о чём уже было сказано.

Всё ещё усложняется. Познание оказывается чем-то гораздо более обширным, глубоким и многогранным, чем могло представляться раньше. И это замечательно. Это означает, что у нас на самом деле много больше возможностей, чем мы думали. Нужно учиться их использовать.

© Атархат, 2023

РУБРИКА: **ЦИТАТЫ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Нет малого блага, которое было бы раздельно с благом величайшим.

(Двадцатидневье IX, 28)

О том, что всё существующее состоит из мельчайших частиц, люди догадывались ещё в древности. Теперь, благодаря открытиям современной науки, мы знаем это точно. Однако научный подход в чём-то и ограничивает нас, отрицая то, что лежит в области вещей духовных, и превращая в относительное то, что касается вопросов морали, добра и зла.

А ведь тот же принцип, в сущности, относится и к ним. Как материальный предмет состоит из атомов, так и благое вершение состоит из частиц. Взять любое доброе дело. Для того, чтобы сделать его, нужно совершить ряд определённых действий. Скажем, ты идёшь куда-то, чтобы кому-то помочь. Начинается всё с мысли. Ты думаешь, о том, что это нужно сделать, и о том, как это сделать. Такая мысль уже сама по себе выступает как благое дело, — хотя результат его пока не виден. Затем ты идёшь, — и каждый шаг становится благим делом, хоть и опять же неочевидным. Затем ты что-то делаешь, — и каждое движение, а может быть, и каждое слово, тоже превращается в неочевидное благое дело. Но вот всё это собрано вместе, сделано последнее движение, словно поставлена завершающая

точка, — и заметное, нужное благое дело оказывается готовым и очевидным. Оно — не только нечто цельное и заметное; оно — совокупность малых, не столь заметных благих дел. Оно состоит из них, как гора, вознёсшаяся к небу, состоит из невидимых для глаза атомов. И каждое из них необходимо, без него нельзя, без него ничего бы не получилось.

Так происходит всегда и со всем. Если ты строишь дом, то забивание каждого гвоздя и укладывание каждого кирпича превращается в частицу блага, которое затем окажется готовым жилищем, в котором нуждается человек. Если ты воспитываешь ребёнка, то каждый твой правильный поступок и каждое нужное слово превращается в опору его жизни и в основу его будущей судьбы. Если ты трудишься для своей страны, то из твоих дел на этом поприще, не столь уж масштабных, и из таких же дел других людей складывается её существование, её достижения, её история, подобно тому, как их крохотных капель слагается огромный океан.

То же относится и к величайшему благу, в созидании коего мы все участвуем, — к эволюции Вселенной и благополучному её завершению. Всё, что мы делаем хорошего, в конечном счёте делается именно для этого. Подхватил ли ты поскользнувшегося человека, построил дом, воспитал ребёнка, поспособствовал принятию хорошего закона, написал полезную книгу или совершил астрономическое открытие, — всё это есть вклад в благополучное будущее Мироздания. И благие дела-частицы, из которых слагаются благие дела побольше, тоже есть вклад в него. Всё хорошее, что делается кем-то где бы то ни было, — даже слово, даже шаг, даже вдох, — это те малые частицы, из которых состоит величайшее благо. Все они связаны с ним, все они необходимы ему, ибо они — его плоть. Они — те самые капли, из которых состоит бескрайний океан, дающий всем жизнь.

Нужно помнить об этом. Помнить, чем на самом деле является всё хорошее, что ты делаешь, — порой столь малое, что и для тебя самого оно незаметно, — и как оно важно. Насколько оно важно? Оно бесценно. Это атомы жизни. И атомы всеобщей Жизни с большой буквы. Когда понимаешь это, твой мир становится другим, — потому что в нём каждое движение оказывается чем-то даже большим, чем священнодействие.

© Атархат, 2023

РУБРИКА: **ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ**

О смертных грехах

Вопрос: Каков список смертных грехов по Учению?

Ответ: Его нет. Потому что, согласно Учению, смертных грехов не бывает.

Среди людей, слабо сведущих в религии (речь идёт, понятное дело, о христианстве), под таковыми обычно понимаются просто некие особо тяжкие грехи. Однако у этого понятия имеется точное значение. Смертный грех — это грех, который не прощается. Душа такого грешника обречена на вечную смерть, — то есть, иными словами, отправляется в ад. Он теряет надежду на спасение.

По Учению, вечного ада нет. Соответственно, человеческая душа не может быть обречена на вечную смерть. Если в Учении и употребляется термин «грех», то значение у него не религиозное. Да, это поступок, противоречащий естественности и морали. Только в наказание за него не следует сверхъестественный вечный ад, — как, впрочем, и в вознаграждение за праведную жизнь не следует сверхъестественный вечный рай. Правильными поступками человек ускоряет своё духовное развитие, неправильными затормаживает его. Совершение неправильных, аморальных поступков вызывает отрицательный энергетический эффект, вследствие которого после физической смерти, уже находясь в мире энергии, человек испытывает весьма болезненные ощущения. В Учении это называется личным адом. Но личный ад краткосрочен. Даже если он длится годы, то в сравнении с вечными мучениями это меньше, чем мгновение. В итоге человек освобождается из него и продолжает свой путь, — сначала в мире энергии, затем в мире материи, в физическом теле, затем снова в мире энергии,

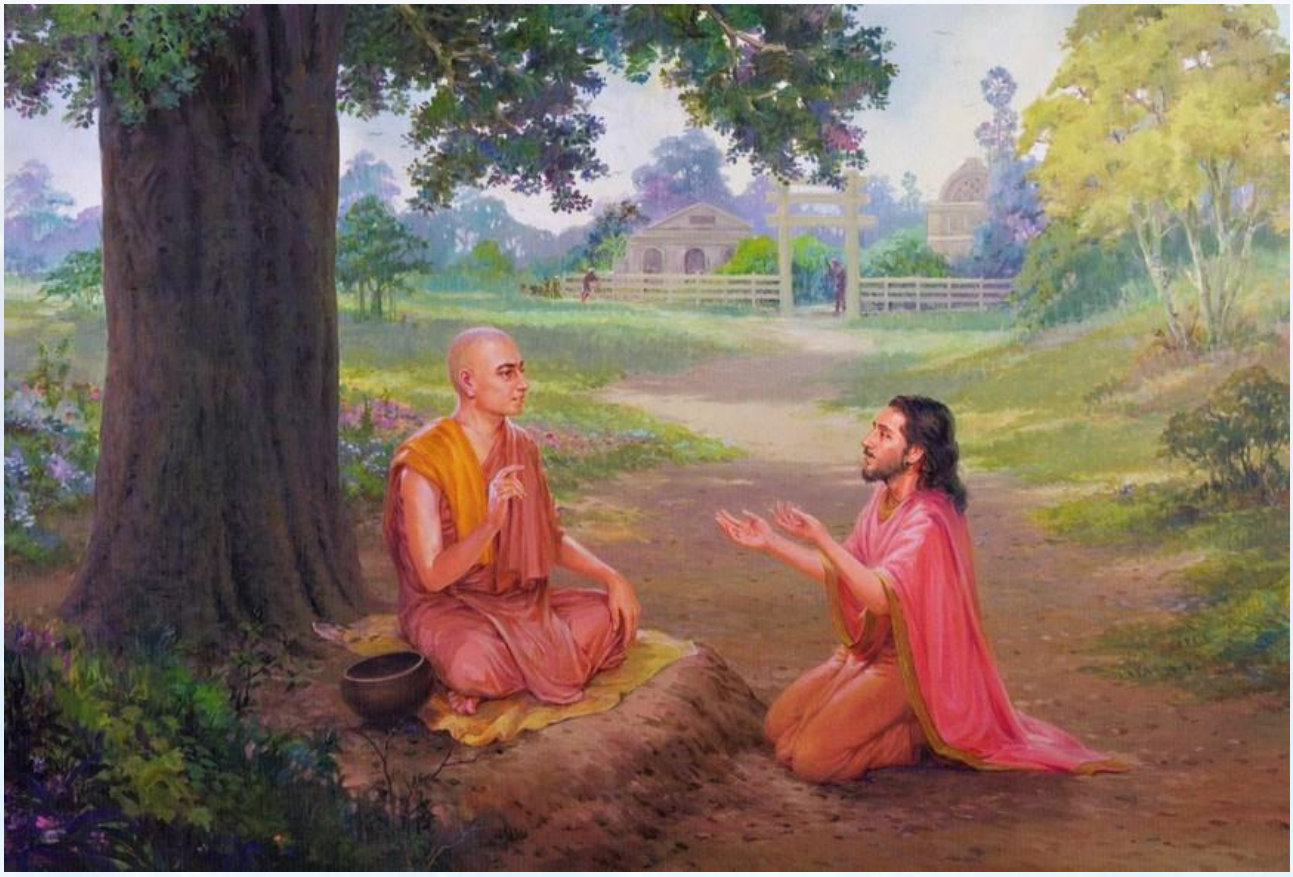
где опять проходит через личный ад, и так далее. Его душа, его сущность бессмертна во всех смыслах: она не может ни исчезнуть, ни угодить в вечный ад на бесконечные мучения. В финале своего пути человек — каждый человек, без исключения — достигает той степени духовного совершенства, которая позволяет ему перейти в мир Духа.

Никакие грехи, даже самые ужасные и тяжкие, не могут помешать этому. Человек, который совершает подобные поступки, совершает их потому, что его духовное и моральное развитие находится, скажем так, на неудовлетворительном уровне. Но это будет преодолено, — быстрее или медленнее, с большими или меньшими трудностями и усилиями, но будет преодолено обязательно, — и восхождение к миру Духа состоится. Грех же сам по себе есть лишь проявление проблем с духовным и моральным развитием. Продвижение человека тормозит, по сути, даже не сам дурной поступок, а эти проблемы, лежащие в его корне. И, как уже было сказано, они преодолимы. Развитие и есть преодоление таких проблем. У каждого человека в начале его пути они есть, а в конце пути их уже нет. Соответственно, нет и связанных с ними дурных поступков — грехов.

Потому в Учении и отсутствует понятие смертного греха. Душа бессмертна, её ничто не может погубить, — и в то же время состояние, в котором человек совершает тяжкие грехи, преодолевается через развитие на протяжении многих жизней. Грех — это не то, что лишает человека возможности духовного развития вплоть до мира Духа, а то, что указывает на необходимость развития. Он не то, что является приговором, а то, что нужно преодолеть. И что непременно будет преодолено. Грех не может окончательно победить и уничтожить человека. Всё происходит как раз наоборот. И в таком разрезе термин «смертный грех» обретает новое звучание. Потому что все грехи и порождающие их пороки смертны. Если посмотреть вот так, то для Учения этот термин вполне подходит.

© Атархат, 2023

О суждениях Учителя

Вопрос: Какое значение имеют суждения Учителя по вопросам, не касающимся Учения? В какой степени им нужно доверять?

Ответ: Суждения Учителя по тем или иным вопросам обычно имеют гораздо большее касательство к Учению, чем можно предположить.

Нужно понимать, что любой Учитель, из нашего ли Учения или нет, не просто преподаёт своё учение, но и сам живёт по нему. То есть практикует его. Теория у него переходит в действие. Он учит не только словом, но и делом. Откуда же берётся дело? Что лежит между теорией и поступком? Между ними лежит оценка, то есть суждение. Учитель исходит из принципов, которые даёт Учение. Это критерии, позволяющие понять, что правильно, а что неправильно, как следует поступать, а как не следует. Так он оценивает не только свои желания и поступки, но и поступки других людей, различные факторы жизни общества, события, идеи и прочее. Он применяет ко всему критерии Учения, и на их основании выносит свои суждения.

Учитель не только сообщает информацию по самому мировоззрению, но и

показывает, как её применять на практике. Он учит не только Учению как системе взглядов и принципов, но и жизни по Учению. Когда он высказывается по тому или иному поводу, то есть выносит суждение, это тоже урок. Наставление о том, как практиковать Учение, сопровождаемое развёрнутым комментарием или нет. Поэтому суждения Учителя важны, и к ним следует прислушиваться. Они не являются обязательным для исполнения руководством к действию, — но это и не просто выражение сугубо личного мнения. Приведу простейший пример. Допустим, речь идёт о поступке какого-то человека, и Учитель говорит, что тот поступил неправильно, нехорошо. Это не просто эмоциональное суждение в стиле «А вот мне не понравилось!», продиктованное некими личными пристрастиями, но оценка, в истоке которой лежит Учение, его представления о мире и человеке, его принципы. Учитель применяет их ко всему, с чем сталкивается; это у него и профессиональное, ибо он специалист, и человеческое, ибо он сам так живёт и так чувствует. Его собственное моральное восприятие сформировано Учением. Или, скажем, обсуждается какая-то книга, и Учитель оценивает её достоинства, высказывает своё мнение по поводу заложенных в неё идей. Здесь ровно та же история. Его оценка основана на Учении и на его личном опыте как Учителя. Ученики не обязаны принимать его мнение как своё, но они должны понимать, что это не просто вкусовщина, и что оно имеет под собой веские основания. Можно сказать, что они видят перед собой Учение в действии. И отношение к этому должно быть соответствующим, — как минимум, внимательным и уважительным.

Если Учитель в чём-то не разбирается и не может дать оценку по Учению, то он и не станет высказываться по этому поводу. Либо же особо отметит, что он не знаток, и что это его предположение, а не основательное суждение с точки зрения Учения. Ну а если говорить о чём-то, что может вообще не иметь прямого отношения к Учению, так это то, что относится к сугубо личным предпочтениям. Например, яблоки ему нравятся больше, чем груши, зелёный цвет приятнее, чем фиолетовый, морское побережье он предпочитает горам, один жанр литературы ему интереснее, чем другой, и тому подобное. Такие предпочтения имеют место быть у Учителя, как и у каждого человека.

© Атархат, 2023

О смысле развития

Вопрос: Если развитие бесконечно, и совершенства достичь невозможно, зачем тогда вообще развиваться? Какой в этом смысл?

Ответ: Достижение совершенства, будь оно возможно, было бы вовсе не тем, чем кажется. Оно стало бы концом развития, — человека ли, Вселенной ли, Бытия ли, — и тем самым стало бы концом самой жизни. Прекращением существования. Потому что всё, финал, дальше двигаться некуда. Жизнь — это движение, а движение — это жизнь. Прекращение развития, то есть движения, означает смерть, исчезновение. Вечное же движение означает, наоборот, вечную жизнь. Поэтому можно задать встречный вопрос: а какой смысл в достижении совершенства? Какой смысл в жизни, если однажды всё закончится и канет в небытие? Зачем жизни вообще начинаться, если однажды ей предстоит закончиться? Если жизнь существует лишь для того, чтобы однажды кануть в несуществование и безвременье, — вот это на самом деле бессмысленно и грустно.

К счастью, это не так. Совершенства в глобальном смысле, на уровне Бытия, быть не может, и потому Бытие продолжает вечно жить и развиваться. А вместе с ним живёт и развивается всё, что существует в нём.

Всё развивается, совершенствуется. Но «стать совершеннее» не означает «стать совершенным». И «достичь определённой степени совершенства» не означает «стать полностью совершенным». Речь тут идёт не о совершенстве в полном смысле слова, а о достижении более высокого уровня развития, по отношении к прежнему уровню кажущегося действительно едва ли не совершенством. Достижение определённого уровня даёт возможность перейти в новое качество, чтобы затем продолжать развиваться дальше. Это как подниматься по ступеням. Делается усилие, берётся определённая высота, — но это не конец. Ведь там, дальше, следующая ступень. И ещё. И ещё. Всё дальше и всё выше.

Так живёт Бытие, так живёт Вселенная-Творец, и так живёт человек. Он движется по жизни, постоянно чего-то достигая, — и в этом его интерес и его радость. Потом он вроде как умирает, — но на самом деле это не смерть в полном смысле слова, не исчезновение. Он потом родится вновь и продолжит свой путь по ступеням достижений. Когда он станет настолько совершенным, что перерождения ему больше не потребуются, он сольётся с миром Духа, — но и это будет не финал, потому что развивается Творец, и все его частицы продолжают развитие вместе с ним. То есть развитие для этого человека продолжится, но уже в ином качестве. Качественно новая ступень. Затем, однажды, нечто подобное произойдёт и с Творцом. И его развитие, в том или ином качестве, будет идти всегда, вместе с развитием его мира. А развитие его мира тоже будет идти как часть развития какой-то ещё более глобальной системы. И так далее, до уровня беспредельного Бытия. То есть даже тогда, когда кажется, что развитие и движение для кого-то или чего-то закончилось, оно всё равно продолжается, — в ином качестве, как часть развития чего-то большего. И путь этого развития уходит в бесконечность. В вечную жизнь, которая не обещание или мечта, а реальность. Которая есть уже сейчас.

Мы существуем только потому, что совершенство невозможно. И смысл вечного развития — в вечной жизни. А уж как мы используем дар вечной жизни, зависит от нас.

© Атархат, 2023

УЧЕНИЕ ЕДИНОГО ХРАМА
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Сайт Учения. Здесь представлены книги, написанные основателем Учения и входящие в пандэкт «Эрма» (собрание основополагающих текстов Учения, часть из которых представлена в аудиоварианте), а также статьи, ознакомительная информация об Учении, творчество и другие материалы.
http://eosfor.com

Канал Учения на YouTube. Здесь опубликованы различные видеоматериалы, посвящённые Учению: лекции и разъяснения по различным его аспектам, ответы на вопросы, наставления и другие материалы.
https://www.youtube.com/channel/UCMkcEFDFxsQBKx66RRKZIAg/videos

Читайте в следующем номере:

«Совершенствование через любовь» — Когда-то мне приходилось слышать упрёки в том, что Учение мало говорит о любви. Видимо, потому, что в наших текстах и статьях она не упоминается в каждой строчке. А между тем, в Учении ей придаётся огромное значение. Любовь — одна из самых важных вещей на свете, и во Вселенной, и в беспредельном Бытии. Для человека же она, кроме всего прочего, оказывается одним из лучших способов самосовершенствования. Как это работает? Да, в принципе, очень просто.

«Ребёнок в грозном мире» — Для многих весьма непраздный вопрос — имеют ли потенциальные родители моральное право приводить ребёнка в этот неблагополучный мир. Ведь здесь он подвергнется многим опасностям, столкнётся со множеством проблем и трудностей, испытает огорчения и разочарования, неизбежно будет страдать. Так стоит ли рожать его для того, чтобы он мучился? Не жестоко ли это? Вообще, имеет ли это хоть какой-то смысл? Вопрос действительно важный. И тяжёлый. А вдруг они правы, — что тогда? Или всё-таки неправы?.. Давайте попробуем разобраться.

«Патриотизм: родина как дитя» — Родину можно любить по-разному. Можно любить её как мать, а можно любить как дитя. Первый вариант привычен и в целом понятен, а вот второй... Что у Родины общего с ребёнком? Да ещё в том ключе, чтобы к ней можно было так относиться? На самом деле, общее есть. И настоящий патриот — не пустой болтун и не добровольный зомби с отключённым мышлением — просто обязан понимать это. Иначе с Родиной может произойти беда, в которой будет часть и его вины.

«Духовная свобода с гарантией» — Мы уверены, что со временем Учение станет мировоззрением всего человечества, и не скрываем этого. Но может последовать вопрос: а как же его соперники, другие учения и религии, другие духовные пути? Что будет с ними там, где Учение превратится в основу жизни общества? Что будет с ними в его пространстве? Не станет ли оно их подавлять? Нет, не станет. Наоборот: его пространство будет пространством духовной свободы, где другие учения смогут спокойно существовать и беспрепятственно пропагандироваться, и где каждый сможет спокойно выбирать себе духовный путь. В пространстве Учения, с точки зрения которого свобода выбора — ключевой фактор духовного развития человека, иначе быть не может.

«Право на Истину» — Когда идёт разговор о правах человека, обычно забывают об одном из главных прав: о праве на Истину. Причём интересно то, что декларирование этого права, в общем, даже не требует уточнения, что такое Истина, кто именно ею обладает и т.п. Вопрос можно ставить так: если ты считаешь, что Истина у тебя, то что ты предпринимаешь, чтобы обеспечить право людей на неё? Из каких принципов ты при этом исходишь? Не берусь предсказать, как ответят другие, но знаю, как ответит Учение.